

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, социологии и международных отношений
Центр славянских исследований

**БЕЛОРУСЫ И БЕЛАРУСЬ
В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ РОССИЯ, ЗАПАД,
СЛАВЯНСКИЙ МИР:
вопросы идентичности, историко-культурных связей и
международных отношений**
Материалы Международной научно-практической конференции

Краснодар
2017

УДК 94(476):327.58
ББК 63.3:71.41 (4 Бел)
Б 437

Редколлегия: *Э.Г. Вартамян*, доктор исторических наук, профессор (науч. ред., сост.); *А.В. Ващенко*, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета; *О.В. Матвеев*, доктор исторических наук, профессор (науч. ред., сост.)

Рецензенты:

А.Л. Факторович, доктор филологических наук, профессор
Н.И. Бондарь, кандидат исторических наук, профессор

Б 437 Белорусы и Беларусь в системе координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: материалы Международной научно-практической конференции / Науч. ред, сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2017. – 321с. Тираж – 100 экз.

ISBN978-5-91883-292-9

В издание вошли материалы очередной Международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета. Представленные работы ученых России, Беларуси и Украины посвящены проблемам национальной идентичности белорусов, международных отношений, политическим, экономическим, культурным связям славянских народов и их соседей, взаимным представлениям. Сборник адресуется славяноведам, преподавателям и студентам, научным сотрудникам, работникам учреждений культуры.

УДК 94(476):327.58
ББК 63.3:71.41 (4 Бел)
Б 437

ISBN978-5-91883-292-9

© Коллектив авторов, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, содержит материалы очередной научной конференции Центра славянских исследований Кубанского государственного университета. Одно из направлений работы Центра – страноведческий подход, который реализовывался в специальных тематических сборниках, посвящённых Болгарии, Польше, Украине, Турции. В год, когда исполняется 500 лет выходу в свет первой книги, напечатанной полочанином Франциском Скориной – грандиозному событию белорусской культуры, мы решили посвятить специальный форум братской Беларуси.

Важность изучения историко-культурных связей и национальной идентичности белорусов, системы ориентиров во взаимоотношениях с соседями определяется углублением российско-белорусских связей как на региональном, так и на государственном уровнях. Эффективность российско-белорусского диалога в вопросах интеграционного, экономического и политического сотрудничества во многом зависит от настроений российского и белорусского обществ. В настоящее время преобладает позитивное отношение друг к другу, но на подсознательном уровне сохраняются и элементы негативных стереотипов. Последние в условиях «информационных войн» или даже незначительных разногласий в процессе коммуникации, могут быть использованы в целях манипуляции этническим сознанием.

Актуальность выбранной темы также связана с тем, что в России издавна существует белорусская диаспора. Во времена Древней Руси и в Российской империи после разделов Речи Посполитой, в Советском Союзе восточнославянские народы жили и взаимодействовали в едином государственном пространстве. Активное переселение белорусов во внутренние губернии и области России происходило в конце XVI–XVII вв., в XIX столетии, в период столыпинской аграрной реформы, в 1930-е гг. В настоящее время белорусская диаспора составляет значительную часть населения России и, согласно переписи 2010 г., насчитывает 521443 чел. Немало белорусов

проживает в Москве и в Петербурге, в Сибири и на Дальнем Востоке. В 2002 г. 26260 жителей Кубани определили себя как белорусы. В крае действует этническое землячество «Белорусы Кубани», осуществляется плодотворное сотрудничество в сферах сельского хозяйства, культуры, науки, образования, туризма.

Сыны и дочери Беларуси оставили заметный след в русской культуре, науке, словесности. Белорус Симеон Полоцкий считается творцом силлабического русского стиха, а бывший золотой медалист минской гимназии Николай Максимович Минский (Виленкин) по праву зовется одним из отцов русского символизма в поэзии и едва ли ни первым по времени поэтом Серебряного Века. Уроженец гомельщины, писатель Фаддей Булгарин хоть и становился не раз объектом метких эпиграмм А.С. Пушкина за свои консервативные взгляды, оказался именно тем единственным человеком, которому, уезжая в Персию, оставил на сохранение рукопись своего гениального произведения «Горе от ума» А.С. Грибоедов. Подвижничеству Ф. Булгарина мы обязаны тем, что произведение это сохранилось и уже после трагической гибели автора стало классикой.

Именем уроженца витебщины, замечательного географа и путешественника Николая Михайловича Пржевальского названы город и несколько посёлков, ряд горных систем и хребтов. Белорусы участвовали в открытии Аляски (Дмитрий Павлущий) и Курильских островов (Иван Козыревский и Иван Евреинов), в основании «златокипящей Мангазеи» (Юрий Долгушин и Василий Масальский), города Анадыря на Чукотке (Леонид Гриневецкий), проектировании Беломорско-Балтийского канала (Александр Казарский), были одними из первых Героев Советского Союза (лётчики Сигизмунд Леваневский и Илья Мазурук). Выходцы с белорусских земель составляют гордость сибириведения и кавказоведения, славистики и геологии, биологии и этнографии.

Вместе с другими народами Советского Союза и их союзниками белорусы внесли весомый вклад в общую победу над фашизмом. На фронтах Великой Отечественной войны против Германии сражалось 1,3 млн. белорусов. Около 400 уроженцев Беларуси стали генералами и адмиралами, многие из них

командовали крупными соединениями армии и флота: 21 – армиями, около 50 – корпусами, свыше 100 – дивизиями. Среди военачальников, родившихся на белорусской земле, – легендарный кавалерийский генерал Л.М. Доватор, генералы (впоследствии Маршалы Советского Союза) В.Д. Соколовский и И.И. Якубовский, вице-адмирал В.П. Дрозд, контр-адмиралы П.А. Трайнин и Г.Н. Холостяков, и многие другие. На оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории сражались с врагом 374 тыс. белорусских партизан и свыше 70 тыс. подпольщиков. За годы войны сыны Беларуси уничтожили полмиллиона гитлеровцев и их пособников, 11128 вражеских эшелонов и 34 бронепоезда, более 18700 автомашин, 948 вражеских штабов и гарнизонов, 939 военных складов, сбили и сожгли на аэродромах 305 самолетов, подбили 1355 танков и бронетранспортеров, 438 артиллерийских орудий.

Вместе с другими братскими народами единой страны белорусы участвовали в стройках всесоюзного значения, осваивали целину и районы Крайнего Севера.

В нынешних реалиях, когда наши народы живут в рамках единого евразийского стратегического и торгово-экономического пространства Союзного государства России и Беларуси, важно помнить о драматическом прошлом складывания этого единства, преодолевать исторические обиды и предубеждения, исследовать проблемы идентичности и культурно-ценностных ориентиров, современные вызовы, стоящие перед белорусским обществом и славянским миром в целом. Авторы книги – коллеги из Беларуси (г. Минск, Могилёв, Гродно, Мозырь), ученые Украины (г. Одесса), а также российские исследователи (г. Москва, Краснодар, Севастополь, Ставрополь, Майкоп, Черкесск, Новочеркасск) освещают вопросы историографии источниковедения, самосознания и этнокультурных стереотипов, истории и международных отношений, духовного наследия и культурных связей белорусов и их соседей.

Надеемся, что материалы сборника окажутся полезными для славяноведов, работников учреждений культуры, преподавателей и студентов, будут содействовать общению славянских культур и гармонизации межэтнических отношений.

Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

В.Е. Козляков (г. Минск, Республика Беларусь)

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД НАРОДА – ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» (ИСТОРИОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

В современных трудах ученых гуманитарного профиля все чаще в оценках общественных процессов используется не формационный, а цивилизационный подход. При этом под категорией «цивилизация» чаще всего понимается не только совокупность духовно-нравственных и материально-производственных форм существования народов, но и своеобразный вектор их общественного развития. Не секрет, что сегодня основные дискуссии и споры сосредоточены вокруг трех главных существующих типов цивилизации – русской, восточно-азиатской (с учетом ее разновидностей) и западной.

Успехи России, ее Возрождение после кризисных явлений 90-х гг. XX в., укрепление авторитета страны на международной арене, несмотря на «санкции» Запада, заставили многих ученых, политиков и публицистов обратиться к изучению феномена «русская цивилизация». И если аналитики либерального толка по-прежнему называют Россию «ненормальной», «нежизнеспособной» страной, то историки, философы, политики, стремящиеся объективно исследовать этот социокультурный феномен, пытаются вникнуть в его содержание. Все чаще в работах ученых обращается внимание на такие важные компоненты как созидательный труд народа, стремление к социальной справедливости и свободе, преобладание духовности над материальным благополучием (так называемые «нестяжательство», «соборность»).

В структуре любой цивилизации всегда присутствует дух народа-строителя, народа-созидателя. Но западная цивилизация, возникнув на основе античных цивилизаций, продемонстрировав определенные созидательные начала, в дальнейшем развивалась за счет грабежа, колониальных захватов других, зачастую так называемых «нецивилизованных» народов, создававших своеобразный сырьевой, ресурсный фундамент для будущих западных технических открытий и изобретений. Благополучие Запада во многом обязано этим, так называемым «нецивилизованным» народам. В то же время русская цивилизация в качестве важнейшего компонента включала в себя самостоятельную созидательную деятельность, проходившую в условиях освоения бескрайних просторов и непростых природных и климатических особенностей.

Русская цивилизация берет свое начало в глубинах славянского исторического процесса, проявившегося с середины II тыс. до н. э., когда первичные славянские племена (праславяне) уже знали не только земледелие, но и занимались скотоводством. Основные орудия труда делались из камня, но применялась и бронза (долота, шилья, украшения). Единообразие праславянского мира во второй половине II тыс. до н. э. от Днепра до Одера начинает нарушаться в результате сложных процессов, происходивших в первобытной Европе. В Средиземноморье в условиях благоприятного климата сложилось классовое общество. В Центральной Европе бурно шел процесс выделения дружин, оснащенных оружием из бронзы. В северной половине Центральной Европы сформировалась славянская общность (лужицкая культура), включавшая в себя западную половину праславянского мира, какую-то часть кельтских и иллирийских племен. Возможно, это новое единство, продержавшееся несколько веков, получило название «венедов».

Во второй половине праславянского мира в конце II и начале I тыс. до н. э. также произошли изменения. Исторически наиболее важной областью здесь являлось Среднее Поднепровье, где сложилась так называемая чернолесская археологическая культура (примерно X–VII вв. до н. э.). Эта культура стала основой развития населения Северного Поднепровья, в котором можно видеть упомянутые древнегреческим историком

Геродотом праславянские племена сколотов-пахарей (или норисфенов), вынужденных подчиниться этнически отличным от них кочевников-скифов [1].

Несколько севернее сколотов-пахарей жили, по утверждению «отца истории» Геродота, некие андрофаги (или амадоки), называемые многими авторами «лесными кочевниками». Исследования, проведенные С. Рассадиным и Я. Рассадиным, дают веские основания предположить, что андрофаги (или амадоки) проживали именно на лесных просторах нынешней Центральной Беларуси [2]. Если учесть, что на этой территории в I тыс. до н. э. и первых столетиях н. э. господствовали балтские племена, то этническая принадлежность андрофагов (амадоков) не вызывает сомнений.

Однако доказано, что юг Беларуси почувствовал процессы славянизации уже в период позднего железного века. Великое переселение народов, происходившее в IV–VII вв. н. э., вызвало миграцию славянства. Историки видят причину переселения славянских общностей в том, что они просто отреагировали на движение окружавших народов (сарматов, иллирийцев, фракийцев). В VI в. н. э. славяне постепенно вышли к верховьям Днепра, Дона, Оки, Ладожского озера. В результате ассимиляции (смешивания), подчинения, вытеснения балтских племен, живших на территории современной Беларуси, славянскими племенами, тут возникли новые славянские общности – кривичи, дреговичи, радимичи, испытавшие влияние балтов.

Сохранилось мнение византийского писателя VI в. н. э. Прокопия Кесарийского о славянах: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве. И поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим». А вот высказывание византийского императора конца VI в. Маврикия Стратега: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище» [3].

Происхождение этнонима «славяне» значительная часть исследователей связывает со словами «слава» или же от «слова»,

считая, что так называли себя племена, понимавшие речь друг друга. Не без влияния Великого переселения народов значительная часть славянства, его восточная ветвь, расселилась на просторах Восточной Европы, вытесняя и ассимилируя не только балтские, но и финские, угорские и другие народы, проживавшие на данной территории.

Как доказал в свое время академик Б.А. Рыбаков, имя народа «Русь» или «Рос» появляется в источниках впервые в середине VI в., то есть в самый разгар великого славянского расселения. Один из авторов (Иордан) припоминает «мужей-рось» (росоменов), враждовавших с готским князем Германарихом в 370-е гг. Другой далекий автор, писавший в Сирии, перечисляя степных народов Причерноморья, упомянул «неконный» народ «РОС», живший где-то на северо-западе от амазонок, то есть в Среднем Приднепровье (легендарных амазонок помещали у Меотиды – Азовского моря).

Две формы наименования народа (РОС и РУС) существовали с древнейших времен: византийцы применяли форму РОС, а арабо-персидские авторы IX–XI вв. – форму РУС. В русской средневековой письменности употреблялись обе формы: «Русьская земля» и «Правда Росьская». Обе формы дожили до наших дней: мы говорим РОСсия, но называем ее жителей РУСскими. Б.А. Рыбаков отметил еще одну двойственность. Словосочетание «Русская земля» употребляется то для обозначения всей Киевской Руси или всей древнерусской народности в таких же широких пределах, то для обозначения несравненно меньшей области в лесостепи, ни разу не представлявшей в X–XII вв. устойчивого политического единства [4].

Мы оставляем в стороне многовековую дискуссию о призвании варягов (норманов) на Русскую землю и их роли в создании (скорее, укреплении) русской государственности. Даже если согласиться, что такой факт был, следует учитывать существенные обстоятельства. Во-первых, призванные варяги должны были опираться в государственном строительстве на местную элиту (князей, их дружинников и др., знавших местные особенности и обычаи). Во-вторых, сам факт приглашения варягов свидетельствовал о том, что русские племена были заняты созидательным, главным образом, земледельческим

трудом. И рассматривали приглашенных в качестве наемников, способных защитить местное население от набегов агрессивных соседей. В-третьих, доказано, что задолго до приглашения варягов в Русской земле существовали государственные образования, имевшие отношения разного характера с Византией [5].

При этом следует подчеркнуть, что природно-климатические условия выступают важным фактором, который может не только ускорять или замедлять динамику социальных изменений, но и придавать специфическую неповторимую направленность в развитии социальных организмов, определять типы их хозяйствования, уклад и образ жизни [6].

В этом плане природно-климатические условия русского Нечерноземья серьезным образом отличались от условий Западной Европы. Здесь, на российских просторах, всегда был необычно короткий рабочий сезон для земледельческих обществ. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на западе Европы не работали лишь в декабре и январе. Кроме того, в большинстве районов Нечерноземья практически не бывает «благоприятной» погоды «западноевропейского типа», ведущей к неременному урожаю. Лето здесь холодно-дождливое (и тогда все плохо растет), то жаркое и засушливое (что также влечет за собой неурожай). В более южных районах постоянно присутствует угроза засухи или недостаточной влажности (исключением является Северный Кавказ) [7].

Могут возразить: находящиеся на той же широте российского Нечерноземья южные части Норвегии и Швеции имеют, дескать, такие же условия, а результаты – выше, по сравнению с российскими просторами. Однако благодаря мощному течению Гольфстрима, а также общему характеру климата Скандинавии, этот регион имеет все же более благоприятные условия, чем российские просторы. Не лишним будет упомянуть, что зима в Кубанской степи, расположенной почти на 2000 км южнее Скандинавии, все же продолжительнее и суровее, чем в южных частях Норвегии и Швеции. К тому же, земли Нечерноземья по плодородию значительно уступали и уступают землям Западной Европы [8].

В отличие от основных стран Запада, на российских просторах необходимо было в продолжении более половины года интенсивно отапливать жилища и производственные помещения, что приводило к очень весомым затратам труда.

Эти не бросающиеся в глаза в суете повседневной жизни различия носят между тем фундаментальный характер, поскольку такая серьезная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

В таких условиях для получения минимального результата в восточно-европейском регионе необходима была наибольшая концентрация трудовых усилий в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые «ритмы климата» в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки проведения тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда пожилых людей. Однако и при такой мобилизации всех родственников российский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда для получения гарантированного урожая. Усугубляло ситуацию и отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота. Кормовой объем для животноводства русского Нечерноземья намного превышал подобные заготовки других регионов и был обусловлен длительным стойловым содержанием домашних животных.

В этих непростых природно-климатических условиях русский крестьянин демонстрировал удивительное трудолюбие, чудеса изобретательности, энергичность и инициативу в обживаемых землях, выдержку и упорство в освоении новых просторов. Подсечное земледелие постепенно заменялось

пашенным. Совершенствовались сельскохозяйственные орудия. На смену мотыге и сохе приходили рало и плуг с железным лемехом, что способствовало лучшей обработке земли и повышению урожайности зерновых и зернобобовых культур.

Трудности, связанные с получением сельскохозяйственной продукции, обусловили преобразование родовой общины в сельскую, дававшую больше возможностей с использованием труда больших коллективов. По меткому замечанию известного историка Л.В. Милова, крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти. Община, считает Л.В. Милов, не только спасла миллионы крестьян от так называемой «пауперизации», но и в значительной степени содействовала сохранению генофонда русского народа (впрочем, не только русского, но и других народов России).

В свою очередь, крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная территория Русского государства не способствовала увеличению плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками необходимость оттока населения на новые территории в поисках более пригодных пашенных угодий, более благоприятных для земледелия климатических условий и т. д. Объективные условия плотной заселенности Европы открывали для русских людей лишь путь на Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента, путь опасный, трудный, но единственно возможный [9].

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете, вызвала к жизни наиболее жесткие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта (сначала полюдь, затем дань, оброк, барщина и т. д.). Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего в определенной степени нейтрализовать общину как основу крестьянского самоуправления с помощью государственных институтов. Но при этом нельзя не учитывать, что крепостничество распространялось менее чем на половину русских крестьян, к тому же около половины из этих крепостных были оброчными, т.е. жили, где хотели, и подчас становились более богатыми, чем их владельцы-помещики [10].

В то же время слабое сопротивление крестьян все более усиливавшегося крепостничеству было обусловлено тем, что значительная часть крестьянства рассматривало существовавшие нормы в качестве своеобразного инструмента государства в обеспечении порядка в стране и безопасности границ. В свою очередь помещики-землевладельцы понимали необходимость оказания хотя бы элементарной помощи податному сословию, дававшему российской элите главный прибавочный продукт. Даже при крепостном праве русская община не потеряла черты определенной самостоятельности и демократического самоуправления, ограничивавшими произвол помещиков.

Отмена крепостного права в 1861 г. вызвала необходимость придания сельской общине со стороны государства официального статуса местного крестьянского самоуправления. Однако вскоре выяснилось, что русская община не была склонна к подчинению какой-либо вышестоящей «корпорации». Более того, столыпинская аграрная реформа, направленная на ликвидацию общинного землевладения и общинных традиций, вызвала в ряде случаев, особенно в Центральной России, ожесточенное сопротивление крестьянства.

Общинные традиции в России сохранились и после трех революций. Колхозы в виде сельскохозяйственных артелей представляли собой элементы крестьянской общины. Другое дело, что государство в больших объемах забирало для своих целей прибавочный сельскохозяйственный продукт, что не могло не сказаться на эффективности колхозного производства. Тем не менее, трудовые коллективы промышленных предприятий в период индустриализации страны, по сути, представляли общины, где проявились взаимовыручка и взаимопомощь рабочих, технических специалистов, служащих [11].

Земледелием не исчерпывается содержание созидательного характера русской цивилизации. Этот компонент включает в себя образцы ремесленного производства. Центрами ремесла и торговли становились русские города. Древнюю Русь называли страной городов. При великом князе Владимире их было 25, перед нашествием Орды – 271, в царствование Ивана Грозного – 715, при царе Алексее Михайловиче – 923. Именно города становились оплотом развития предпринимательства, своеобразными логистическими центрами, в которых сосредоточивались массы товаров, распределяемые как по стране, так и за рубеж [12].

Развитие различных направлений ремесленного и другого хозяйственного производства, рост городов привели к созданию такой организации на Руси как артель. История исследования этой структуры позволило дать ей следующее определение: «Артель есть основанное на договоре нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанные круговой порукой и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом» [13].

Точное указание на артели не восходит ранее XIV столетия. Но ошибочно предполагать, что артельная форма была неизвестна предыдущим векам. Обширность страны, невозможность успехов в единоличной работе побуждали наших предков к образованию союзов, способных на равных условиях выполнить многие хозяйственные функции. Уже в XIII и XIV вв. существовали артели для охоты на кречетов. Древней Руси были известны артели плотников, каменщиков, кузнецов. Сохранились договоры и так называемые «порядные записи», регламентировавшие работу артелей.

Становление и развитие промышленности не упразднило артели как организации. Из отраслей обрабатывавшей промышленности артели применялись наиболее часто в строительном деле. Из северных губерний, где плотничный промысел был особенно развит, каждую зиму расходились по городам и весям многочисленные артели плотников. Так, во всех уездах Вологодской губернии составлялись независимые артели плотников. Такие же артели организовывались в Костромской, Нижегородской и других губерниях. К концу XIX в. артельное начало применялось в 59 отраслях промышленности России [14].

Следует подчеркнуть, что артель позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Равноправность артельщиков резко отличала их от наемных рабочих капиталистических предприятий. Попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, пресекались. Но равноправие, конечно, не означало уравниловки – распределение доходов осуществлялось по труду [15].

Артели складывались по своей воле своих членов и по своей воле подряжались на те или иные работы. В 1890-х гг. именно артелями, включавшими в себя в общей сложности не более 10 тыс. человек, была построена Транссибирская магистраль (7,5 тыс. км рельсового пути, 55 км тоннелей. 5 мостов через великие реки). Это явилось признанным всем миром «чудом» того времени,

продемонстрировавшим неслыханную до этого высокую производительность труда [16]. Все это отнюдь не означает, что необходимо идеализировать различные мелкие товарищества, но традиции взаимоотношений конкретных производителей на принципах справедливости необходимо сохранять и развивать.

Компонент созидания всегда был и должен оставаться важнейшим компонентом русской цивилизации. Несмотря на возникшие в наше время проблемы, интеграционная составляющая русского, белорусского и украинского народов не исчерпала своих возможностей. Русская цивилизация как социокультурный феномен может и должна стать основой для Евразийской интеграции народов, а также для формирования будущей мировой цивилизации реального гуманизма.

Примечания

1. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. – М.: Академический проект. 2014. – С. 18–28.

2. *Рассадин С.Е., Рассадин Я.Е.* Ранняя этническая история центральной Беларуси // Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / *А. Вл. Гурко [и др.]; научн. ред А. Викт. Гурко;* Нац. акад. наук. Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка. – Минск: Беларуская навука, 2016. – С. 19–26.

3. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года / *Сост. П. П. Епифанов, О. П. Епифанова.* – М.: Просвещение, 1987. – С. 21–2.

4. *Рыбаков Б.А.* Рождение Руси. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. – С. 39–40.

5. *Кожин В.В.* История Руси и русского Слова. Современный взгляд. – М.: «ЧАРЛИ», 1997. – С.163–164.

6. *Кирвель Ч.С.* Природные факторы социальной эволюции // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер 1. – 2005. – № 1. – С. 55.

7. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 12, 534.

8. *Кожин В.В.* Основы национализма. – М.: Алгоритм. 2012. – С. 63–64.

9. *Милов Л.В.* Указ. соч. – С. 566.

10. *Кожин В.В.* Основы национализма. – С. 83.

11. *Кара-Мурза С.Г.* Дорога в СССР. Как «западная революция» стала русской. – М.: Алгоритм, 2016. – С. 45–46.

12. *Платонов О.А.* Русская цивилизация. – М.: Культур.-произв. центр «Рада», 1992. – С. 69.

13. *Исаев А.А.* Артели в России // Русская артель / *Соствित., автор предисл., отв. ред. О.А. Платонов.* – М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. – С. 77.
14. Там же. – С. 87, 131.
15. *Платонов О.А.* Предисловие // Русская артель. – С. 5, 25–26.
16. *Кожин В.В.* Основы национализма. – С. 84.

П.С. Крючек, Е.М. Сергеева
(г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМА КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ИЗ БЕЛАРУСИ В РОССИЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Совместная история белорусов и народов России насчитывает не одно столетие. Однако история распорядилась так, что отношения между ними в силу политических обстоятельств несколько раз фактически начинались заново.

По-настоящему значимые процессы, с точки зрения формирования современных механизмов взаимопознания народов Беларуси и России, на территории Беларуси начинаются в XIX в., особенно во второй его половине. Именно с этого момента начинают формироваться слои национальной интеллигенции, способные выработать относительно независимый от политической конъюнктуры образ национальной истории и, соответственно, зарождается национальная историография с особенными, характерными для нее нарративными стратегиями. В этот же период складываются предпосылки для создания единой системы образования, через которую государственные структуры получают возможность транслировать сравнительно единообразную информацию, способствующую выработке более «современных» («национальных») механизмов идентичности. Социально-экономические процессы именно данного периода способствуют развитию активной внутренней трудовой миграции в рамках Российской империи.

Именно миграционные, переселенческие процессы делают проблему этнического узнавания и взаимопознания наиболее острой: ведь переезд на долгий срок в новые условия и адаптация к ним требует постоянного процесса «подтверждения» существующей или формирования новой идентичности. Кроме того, именно в случае переселения особенно рельефно проявляются стереотипные способы восприятия представителями различных этносов друг друга, а процесс взаимопознания является тем способом адаптации, который позволяет избегать этнических конфликтов и взаимного неприятия – то, что знакомо – не столь опасно.

Вследствие этого изучение и детальное описание миграции белорусского населения в соседнюю страну, и выявление тех механизмов идентификации и процессов этнического узнавания, которые переселение сопровождали, является важной задачей.

Беларусь была районом активных аграрных миграций крестьянства. В период с 1885 по 1914 гг., по неполным данным, из пяти западных губерний 550 тыс. человек переселилось только в Сибирь. Это составило 54% выходцев из 24 губерний нечерноземной полосы России и более 11 % общероссийского переселенческого движения [1]. Количество переселенцев в другие губернии России до сих пор точно не подсчитано. Между тем вопрос об аграрных миграциях крестьянства из Беларуси остается по-прежнему, малоизученным.

Первыми к анализу причин и масштабов крестьянских переселений обратились представители дворянской и буржуазно-либеральной историографии.

Впервые о переселенческой вспышке конца 1860-х гг. в Беларуси упоминается в статье Ю.Э. Янсона. В частности, он отмечал, что в 1868–1869 гг. «всего сильнее стремление к выселению обнаружилось в Белоруссии». Кроме того Ю.Э. Янсон указал на категории крестьян, среди которых началось переселенческое движение. Это была беднота из числа бывших государственных и бывших помещичьих крестьян. Причины переселений усматривал в голоде и бедности крестьянских масс. Неурожай 1867 г. и желание более зажиточных крестьян «при круговой поруке избавиться от бедняков» отнесены им к числу факторов, ускоривших переселение [2].

В работе Ф.М. Уманца «Колонизация свободных земель России», изданной в 1884 г., уже в самом названии подчеркнута точка зрения автора. По его мнению, аграрного вопроса в центре страны не существует. «Вопреки тому, что обыкновенно говорят и пишут по вопросу обеспечения крестьян землей, средняя величина существующего даже в настоящее время... в Центральной России надела почти превышает рабочую силу средней крестьянской семьи», и потому увеличением наделов «можно скорее дойти до предела, когда надел будет разорять рабочего», нежели способствовать подъему крестьянского благосостояния. Отсюда и основной вывод Ф. М. Уманца: переселенческий вопрос существует в России не как часть аграрного вопроса, а как колониционный вопрос [3].

По мнению автора, бедность – не главная причина крестьянских переселений. «Губернаторские отчеты за десятилетие с 1870 по 1879 г., – подчеркивает он, – устанавливают на первый взгляд весьма странный факт. Те губернии, которые мы привыкли считать наиболее нуждающимися, дают наименьший процент переселений». К числу таких губерний он отнес Витебскую, Могилевскую и Минскую. В результате Ф.М. Уманец делает вывод, свойственный для всех представителей дворянской историографии, отрицавший социально-экономические причины переселений: «Опытом нашей собственной колонизации вполне доказано, что при обыкновенном порядке вещей более состоятельные в экономическом и нравственном смысле местности дают больший процент переселенцев» [4].

О переселениях из Беларуси писали и представители либерально-буржуазной историографии. Но их данные носили скорее информативный, нежели научный характер. В частности, исследуя сибирское переселение, А.А. Кауфман обращал внимание и на переселения из Западных губерний. Он писал о «неизменно высокой цифре выселений» из Витебской губернии, начиная с 1896 г [5]. В своих последующих работах А.А. Кауфман неоднократно подчеркивал возрастающую роль белорусов в переселенческом потоке [6].

В российском обществе в начале XX в. по-разному оценивали итоги переселенческой политики правительства. В

консервативных верхах, близких к помещичьим кругам, звучало даже недовольство – ведь часть крестьян, причем не самых бедных, не могла быть контролируемой крупными земельными собственниками. Критически переселенческую политику царизма оценивали и либералы, поскольку считали, что переселение требует от крестьянина не только специальных сельскохозяйственных знаний, но и определенный уровень общей культуры. «Переселение должно быть вычеркнуто из числа средств разумного воздействия на крестьянское хозяйство, – утверждал А.А. Кауфман – Переселение следует рассматривать исключительно как факт, и вся переселенческая политика должна быть направлена, с одной стороны, к тому, чтобы облегчить переселение тем, кто еще не желает отказаться от мысли выселения, а с другой, – чтобы по возможности уменьшить число таких желающих выселяться. Для этой цели хороши все способы, кроме запрещений и принуждений» [7].

О нарастании темпов переселений из Беларуси писал известный российский либеральный историк В.В. Кирьяков. Он, в частности, отмечал, что «значительно увеличилось число переселенцев из западных губерний (Виленской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Витебской и Минской); число выходцев из этих губерний, составляя до 1896 г. менее 1% общего числа сибирских переселенцев, возросло к 1898 г. уже до 14,7%, составляя, таким образом, более половины всего числа выходцев из нечерноземной полосы» [8].

Либеральная историография в целом уделяла большое внимание аграрному, а, следовательно, и переселенческому вопросу. При этом естественно затрагивался вопрос крестьянских переселений из Беларуси. Так в статье «Из хроники крестьянского дела. Переселенческое дело» В. Розенберг отмечал возрастающую роль западных губерний в переселенческом движении. Причем автор подчеркивал, что по числу переселенцев Могилевская и Витебская губернии обогнали «даже большинство губерний черноземной полосы». В результате автор делает вывод, противоположный выводу Ф.М. Уманца: «На северо-западе от главного переселенческого очага... образовался... новый сплошной район, для которого переселенческий вопрос получил первостепенную важность». Однако главные причины

крестьянских переселений, как и всякий либеральный народник, В. Розенберг видел в приросте населения, приведшем к тому, что в деревне каждые «двое должны довольствоваться наделом, достаточным для обеспечения одного» [9].

Еще один либеральный историк Н.Г. Простнев обратил внимание на то, что пик крестьянских переселений из Западных губерний вообще, и из Могилевской губернии, в частности, пришелся на период с 1897 по первую половину 1909 гг. Автор считает, что толчком к этому послужили «исключительно» экономические условия, и особенно недостаток «удобной для культуры земли», который был результатом увеличивавшегося прироста населения [10].

В белорусской советской историографии крестьянские переселения долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Некоторые сведения можно почерпнуть в работах, посвященных другим сторонам социально-экономической, политической жизни западных губерний России.

Одним из первых обратил внимание на крестьянские переселения М.В. Довнар-Запольский. В своей работе «Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг.» ученый отмечал, что переселенческое движение в Беларуси имело «глубокие экономические корни». Однако автор не анализирует эти причины. Неверным является и вывод ученого о том, что начало крестьянских переселений приходится только на конец 1880-х гг. При этом ученый отмечал, что и в 1890-х гг. переселение «было еще незначительно по своим размерам» [11].

Определенное внимание данной проблеме М.В. Довнар-Запольский уделил и в своей работе «СССР по районам. Западный район (БССР и Западная область РСФСР)», которая была написана в 1928 г. Правда, крестьянские переселения рассматривались здесь исключительно в русле юридических норм столыпинского законодательства

Другой белорусский историк С. Агурский в своей работе «Революционное движение в Белоруссии в 1863–1917 гг.» также упоминает о крестьянских переселениях. Однако автор подает этот материал скорее как иллюстрацию положения белорусского крестьянства вообще. В частности, С. Агурский писал, что

«Желая вырваться из этого “ада крошечного” крестьяне начали массами уходить в город и переселяться в другие районы» [12].

В 30-х гг. XX столетия в отечественной исторической науке утвердилась марксистско-ленинская методология. В результате и крестьянские переселения стали рассматриваться исключительно в русле классовой борьбы. Наиболее ярко этот подход проявился в работах Д.А. Дудкова. Исследуя столыпинскую реформу в Витебской губернии, историк обратился к вопросу крестьянских переселений. Д.А. Дудков характеризует их отдельные причины, определяет социальную принадлежность переселенцев. При этом само переселенческое движение автор характеризует как пассивную форму классовой борьбы [13].

В своей следующей работе, посвященной изучению развития капитализма в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., Д.А. Дудков уделил значительно меньше внимания крестьянским переселениям. Его утверждения о том, что в Беларуси в 1860-х гг. крестьянские переселения чувствовались еще слабо и что только «с 80–90-х гг. начало прогрессивно расти движение переселенцев из Западных губерний в Сибирь», явились результатом того, что Д.А. Дудков связывал переселения крестьян исключительно со степенью развития капитализма, игнорируя роль других факторов в этом процессе [14].

Некоторые сведения о крестьянских переселениях можно почерпнуть в ряде историко-экономических работ. Так, С.Н. Малинин и Я.Г. Раков в небольшом исследовании «Что дала Советская власть трудящимся БССР», вышедшем в 1939 г. подчеркивали, что «безземелье, нищета и голод гнали десятки и сотни тысяч деревенской бедноты из Белоруссии в Сибирь и в эмиграцию в Америку». При этом авторы отмечали, что переселения не только не решали крестьянских проблем, но часто имели просто трагические последствия, так как «большая часть этих переселенцев, лишенных какой бы то ни было помощи, окончательно разорялась, часть из них возвращалась назад батраками и попадала снова в жестокую кабалу к помещикам и кулакам; значительная часть их умирала по дороге и на новых необжитых местах от болезней, холода и голода» [15].

В 1850-е гг. начался новый этап в изучении аграрного вопроса в Беларуси. В определенной мере это отразилось и на

изучении проблемы крестьянских переселений. В частности, И.И. Саладков, исследуя социально-экономическое положение Беларуси в конце XIX – начале XX в., обращается и к вопросу о крестьянских переселениях. Автор справедливо обращает внимание на то, что в Сибири устраивались далеко не все переселившиеся, следствием чего было сильное «обратничество». Обратные же переселенцы на родине, как правило, окончательно разорялись» [16].

Большой вклад в изучение аграрных отношений в Беларуси в пореформенный период внес К.И. Шабуня. В монографии, посвященной аграрному вопросу и крестьянскому движению в период революции 1905–1907 гг. и в ряде других работ, К.И. Шабуня отмечает связь крестьянских переселений с аграрным вопросом, характеризует отношение к ним царского правительства, отвечавшее интересам помещиков, стремившихся «обеспечить свое хозяйство дешевыми работниками», рассматривает социальную принадлежность переселенцев [17].

Затронул вопрос крестьянских переселений в своих работах и А.И. Кожушков. Он приводит статистические данные о прямых и обратных переселенцах за 1885–1904 гг. Автор подчеркивает, что переселение по существу носило вынужденный характер и затрагивало в основном лишь беднейшие слои крестьянства. Кроме того, А.И. Кожушков констатировал, что переселение усиливало социальное расслоение деревни [18].

Определенный вклад в исследование крестьянских переселений из Беларуси внес Л.П. Липинский. При этом, исследуя развитие капитализма в сельском хозяйстве Беларуси во второй половине XIX в., он, в отличие от других авторов, попытался проанализировать вопрос о юридическом положении переселенческого дела в России. Правда, следует отметить, что подробному анализу он подверг лишь только один нормативный акт – закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», который был одобрен Александром III 13 июля 1889 г. Причины массовых переселений крестьян из Белоруссии Л.П. Липинский видит в «наступившем аграрном кризисе» и в «беспросветной жизни в деревне, нищете и голоде», которые гнали их «во все концы России», в том числе и на переселение в Сибирь. Автор коснулся и вопроса об

имущественном положении переселенцев. И хотя категорически о социальной принадлежности переселенцев Л.П. Липинский не говорит, можно считать, что он относит их к низшим группам крестьянства [19].

Место переселенческого вопроса в периодической печати Беларуси рассматривается в монографии С.М. Самбука. Автор подчеркивает, что печать решала вставший во весь рост переселенческий вопрос «в зависимости от политического направления каждого органа». Сопоставив позиции официозного «Виленского вестника» и либерального «Минского листка», автор пишет, что первый, в угоду помещикам, отрицал наличие объективных причин переселений, а для второго они «были следствием острого малоземелья» [20].

Аграрные миграции крестьянства нашли известное отражение в социально-экономической литературе. Так, в коллективной работе «Экономическая история БССР» Т.П. Трацевская, упоминая о крестьянских переселениях, пишет, что «дифференциация крестьянства создала условия для подвижности населения, в частности, для переселения в Сибирь». В вышедшем позднее аналогичном издании «Экономическая история БССР» в статье, написанной в соавторстве Т.П. Трацевской и В.П. Панютичем, причина переселений видится в «малоземелье и частых неурожаях, помещичьей кабале и непосильных налогах».

В исследованиях А.А. Ракова приведены данные о переселившихся из белорусских губерний в 1896–1909 гг., однако автор в их число включил и ходоков. В результате этого искусственно увеличилась цифра переселенцев почти на 94 тыс. А.А. Раков утверждает, что уже на рубеже XIX–XX вв. население Уссурийского края на 5/6 было представлено выходцами из Беларуси, хотя перепись населения 1897 г. отнесла все белорусские губернии к числу таких, которые в Приморской и Приамурской областях были представлены менее чем 1000 чел. своих выходцев. Основными засельщиками Уссурийского края были крестьяне из Полтавской и Черниговской губерний. Тезис А.А. Ракова о том, что «из Белоруссии в Сибирь выехало населения больше, чем из других частей Европейской России», верен только по отношению к губерниям нечерноземной полосы.

Особое место в исследовании переселенческого движения занимает монография П.Д. Верещагина «Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX века)». Автор исследует предпосылки крестьянских переселений на окраины России, особенности переселенческой политики царизма в западных губерниях, значение крестьянских переселений. По подсчетам исследователя за 50 пореформенных лет из Беларуси выехало не менее миллиона человек. Этот процесс оказал большое влияние на все стороны социально-экономической жизни как в районах вселения мигрантов, так и в районах их выхода [21].

Определенный материал о крестьянских переселениях из Беларуси содержится в работах, посвященных исследованию данного вопроса по России. Так, Л.Ф. Скляр, говоря о причинах крестьянских переселений, упоминает и Могилевскую губернию, которую он ошибочно отнес к району «преобладания капиталистической формы ведения помещичьего хозяйства» [22].

П.Н. Першин, исследуя вопрос об аграрной революции в России, подчеркнул противоречивость положения, существовавшего в Беларуси: с одной стороны, высокий удельный вес латифундий, а с другой, крайне ограниченные возможности для приложения «излишнего» крестьянского труда, что было причиной массовых переселений крестьянства [23].

В статье Б.В. Тихонова «Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг.» как пример усиления переселений во второй половине 1890-х гг. упоминаются и две белорусские губернии – Витебская и Могилевская. Автор пишет о «напряженности положения», сложившегося в Беларуси в 1896 г. на почве переселенческого движения. Нельзя, однако, согласиться с ним в том, что до середины 1890-х гг. крестьянство белорусских губерний «почти не участвовало в сибирском переселении и не имело представления об условиях жизни в Сибири».

Таким образом, крестьянские переселения из Беларуси в период капитализма нашли определенное отражение в историографии. По отдельным вопросам проблемы высказаны интересные соображения. Однако в целом вопрос переселенческого движения в Беларуси остается проблемным. Не

решены центральные аспекты проблемы, как, например, связь крестьянских переселений с процессом развития капитализма, который происходил в условиях существования многочисленных остатков крепостничества. Не показано значение крестьянских переселений для развития капитализма вглубь – в районах выхода переселенцев. Неисследованной остается переселенческая политика самодержавия, ее особенности в западных губерниях.

Примечания

1. *Верещагин П.Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии (Вторая половина XIX в.). – Минск: Наука и техника, 1978. – С. 4.

2. *Янсон Ю.Э.* Очерк правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 года // Русская речь. –1881. – № 1. – С. 264.

3. *Уманец Ф.М.* Колонизация свободных земель России. – СПб, 1884. – С. 84.

4. Там же. – С. 128.

5. *Кауфман А.А.* Сибирское переселение на исходе XIX в Сибирь. – СПб., 1901. – С. 50.

6. *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1915. – С. 64.

7. Там же. – С. 164.

8. *Кирьяков В.В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с заселением Сибири). – М., 1902. – С. 116.

9. *Розенберг В.Н.* Из хроники крестьянского дела. Переселенческое дело // Очерки по крестьянскому вопросу. – М., 1904. – С. 183–184.

10. *Простнев Н.Г.* Крестьянские переселения из Могилевской губернии с 1 января 1897 г. по 1 июля 1909 г. – Могилев-на-Днепре, 1910. – С. 4–9.

11. *Довнар-Запольский М.В.* Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 г. – Минск, 1926. – С. 24–29.

12. *Агурскі С.* Рэвалюцыйны рух у Беларусі 1863–1917 гг. – Мінск, 1928. – С. 24–29.

13. *Дудкоў Д.А.* Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерні. – Мінск, 1931. – С. 91.

14. Там же. – С. 24–29.

15. *Малинин С.Н., Раков Я.Г.* Что дала Советская власть трудящимся БССР. – Минск, 1939. – С. 14.

16. *Саладков И.И.* Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX – начала XX в.). – Минск: Наука и техника, 1957. – С. 60.

17. *Шабуня К.И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции. 1905–1907 гг. – Минск: Наука и техника, 1962. – С. 140.

18. *Кожушков А.И.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX в. – Минск: БГУ, 1963. – С. 140.
19. *Липинский Л.П.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX в.). – Минск: БГУ, 1971. – С. 140.
20. *Самбук С.М.* Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. – Минск: Наука и техника, 1976. – С. 114.
21. *Верещагин П.Д.* Указ.соч.
22. *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. – С. 115.
23. *Першин П.Н.* Аграрная революция. От реформы к революции. – М: Наука, 1966. – Кн. 1. – С. 107.

А.В. Баранов (г. Краснодар, Российская Федерация)

КОНСТРУИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УЧЕБНОЙ И ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Тема статьи актуальна, поскольку Беларусь остаётся одной из немногих стран постсоциалистического ареала – союзниц Российской Федерации. От того, с какими целями и приоритетами конструируется белорусская идентичность, во многом зависит сохранение и укрепление дружественных отношений между нашими государствами и народами. Именно учебная и историко-публицистическая литература является наиболее зримым и информационно ёмким индикатором политики идентичности, быстро реагируя на политико-идеологическую конъюнктуру.

Степень изученности проблемы, по нашему мнению, недостаточна. Тенденции развития белорусской историографии по вопросам нациестроительства и политики идентичности исследовали Д.Е. Фурман [1], О.Г. Буховец [2], П. Александров-Деркаченко [3], А.Д. Гронский [4], А. Задора [5], В.В. Керов [6], М.В. Кобрин [7; 8], Л.В. Томайчук [9], М.С. Фабрикант [10]. Однако преобладает анализ таких аспектов, как текущее состояние исторической памяти белорусов, динамика восприятия важнейших исторических явлений в современном общественном

мнении. Современная учебная [11; 12; 13] и историко-публицистическая литература Беларуси [14; 15], а также новейшие дискуссионные точки зрения [16; 17] остаются на периферии внимания экспертов. Данные обстоятельства определили выбор ракурса исследования.

Цель статьи – определить тенденции конструирования белорусских (как национальной, так и этнической) идентичностей в учебной и историко-публицистической литературе 2000–2010-х гг.

Теоретическая и методологическая основа работы – социальный конструктивизм (по П. Бергеру и Н. Лукману) [18]. Выбор данной парадигмы позволяет переосмыслить содержание исторических учебных и публицистических текстов под углом зрения мотивированного, целенаправленного формирования исторических образов, отбора и реинтерпретации исторических событий и процессов в политико-идеологических целях.

В данной связи важнейшее значение имеет концепт «историческая политика», включающий в себя систему целей, направлений, акций и методов воздействия субъектов политики на массовое сознание ради укрепления определённых стереотипов восприятия прошлого [19]. Конечно, историческая политика проводится не только посредством системы образования и СМИ, но и в деятельности музеев, библиотек, учреждений культуры и искусства. Например, возрастает значение «брендинга территории» – создания позитивного либо негативного образа, в данном случае, истории Беларуси для геополитического позиционирования, привлечения туристов и инвестиций, успешного нациестроительства.

Мы придерживаемся конструктивистского подхода к этничности [20], то есть трактуем белорусский народ как исторически переменную величину, с подвижной языковой, конфессиональной и этнической идентичностью, создаваемой свободным самоопределением личностей, а не примордиальными «извечными» факторами. Такой подход диктует принципиальное разграничение белорусской гражданской нации – полиэтничной и формирующейся только после 1991 г., а также белорусов как этнической группы, не исчерпывающей всё поликультурное население страны. А это ведёт к полезности изучения

«перекрестной истории» в границах современной Беларуси всех народов, конфессий, государств, которые внесли вклад в сложную историю страны. Автор признаёт право всех коллег на свою трактовку истории Беларуси, но считает необходимым оценить изучаемые издания с точки зрения рисков этнонационализма.

Прикладной аспект исследования предполагает выделение в историческом (учебном или публицистическом) тексте законченных и логически связных смысловых единиц, которые изучаются с точки зрения модальности оценок исторических явлений, степени объективности и убедительности аргументации, политических коннотаций. Для решения задач статьи важно установить также сравнительную ранговую значимость описанных фактов и процессов. Это можно сделать, измеряя объём информации, её статусное размещение в тексте и эмоциональные коннотации, создаваемые иллюстративным сопровождением, заголовками, размером шрифтов и иными средствами воздействия на психику читателя [21]. Учтена жанровая принадлежность изучаемых текстов, степень их официальности.

Начнём с учебного пособия для студентов высших учебных заведений, составленного в соответствии с учебной программой, утверждённой Министерством образования Республики Беларусь в 2013 г. [22]. Приоритеты коллективного пособия (авторы – С.А. Елизаров, Е.П. Нарижная, З.А. Неверова, С.А. Юрик), заявленные во введении и выводах издания, достаточно объективны. Авторы сразу же заявляют, что «Беларусь, по существу, – это контактная зона двух типов европейской цивилизации – западной и восточной», а белорусский народ развивался «в контексте восточнославянской и общеевропейской истории» [23]. На «нашей территории» (авторы не уточняют, это государственная или этническая территория, в каких исторических рамках) историческое сознание белорусов появилось вследствие взаимодействия разных «этнокультурных сообществ» [24]. Неясность выбора авторов пособия между этнической и гражданской концепциями белорусской нации ведет к тому, что целая глава 2 посвящена формированию белорусского этноса (VI – начало XX вв.).

Характерно, что этнический субстрат на землях нынешней Беларуси к началу Средневековья оценивается исключительно как балтский, позже подвергшийся славянизации [25]. «Киевская Русь» характеризуется в качестве государства всех восточных славян, но в целом – лишь недолговечного предшественника Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского [26]. Периоды правления на белорусских землях Речи Посполитой и Российской империи расцениваются в основном объективно. Но «болевыми точками» белорусской историографии остаётся описание русско-литовских и русско-польских войн XVI–XVII вв., по мнению авторов, проявивших жестокость Московского царства и его азиатскую деспотическую сущность, что привело к массовому истреблению мирных жителей и их бегству [27].

Определённый «старомодный» подход в стиле советской историографии к истории польских восстаний 1830–1831 и 1853–1864 гг., по сути, идеализирует повстанцев и размывает грань между требованиями польской шляхты и белорусских крестьян. Применительно к этнокультурным и политизированным движениям второй половины XIX – начала XX вв. возникает вопрос: так ли уж плохо было имперское государство и так ли хороша цель национального возрождения, как это обычно оценивают? Подчеркнём, что мы меньше всего желали бы упрекнуть авторов данного издания, они только выражают (в весьма смягчённом виде) мейнстрим национальной постсоветской историографии.

Оценка советского периода истории Беларуси более традиционна, применяются термины «Октябрьская революция», «Великая Отечественная война», трезво оцениваются различия положения белорусского народа в СССР и межвоенной Польше (1919–1939 гг.). Изложение событий текущей истории (с 1985 г.) достаточно фрагментарно и выражает стремление авторов найти положительную тональность оценок весьма сложных, противоречивых событий.

Сходные черты изложения исторических событий и их оценки видны в учебно-методических материалах для подготовки к выпускному экзамену «История Беларуси» в средней школе [28]. В атласах по истории Беларуси периода средневековья и

господства Речи Посполитой подчёркивается принадлежность белорусских земель европейскому цивилизационному ареалу [29]. В атласе по истории 1917–1945 гг. названия карт носят традиционный, унаследованный от советской историографии, характер. Новизна проявляется, пожалуй, только в подчёркивании несовпадения этнических и государственных границ Советской Беларуси (отказ СССР от включения в состав БССР Виленской, Сувалкинской и Белостокской областей после 1945 г.) [30].

Качественно иной, направленный на максимальное дистанцирование от России, контент присущ публицистическим изданиям. Как правило, они выходят в свет без государственной поддержки, а зачастую печатаются и ввозятся из стран Евросоюза. Например, богато и со вкусом иллюстрированное издание В. Арлова «Страна Беларусь» издано в Словакии тиражом 5 000 экз. Примечательно, что советский и современный периоды истории в данный альбом не включены. Древнерусскому обществу и государству места в книге не нашлось. Их заменяет подробный рассказ о кривичах, дреговичах и радимичах, которые вели борьбу за «независимость» Беларуси от Киева [31].

Тем самым, в обыденное сознание вводится стереотип об извечном существовании своего народа, его тождественности на разных этапах истории. Великое княжество Литовское, оказывается, объединило «белорусские земли» [32]. Московское княжество характеризуется как «агрессивное», а войны с ним в XV–XVI вв. названы «защитой Отечества». Соответственно, детально описывается Оршанская битва 1512 г., в которой Великое княжество Литовское победило московитов, причём итоги данной войны – присоединение к Московской Руси обширных земель Смоленского, Черниговского и иных воеводств замалчиваются [33]. Брестская уния 1596 г., оказывается, спасла белорусов от «смерти духовной», а униатский архиепископ И. Кунцевич «принял мученическую смерть во время бунта в Витебске» (не указывается, что это прискорбное событие стало следствием жестоких притеснений православных униатами) [34].

Столь односторонний подход к истории выражается и в оценках Хмельниччины середины XVII в. как бессмысленного

насилия; Москва, конечно, «прикрывалась словами о заступничестве за Украину и обороне православия от притеснения «проклятых ляхов», ... развязала новую войну», во время которой царь и правительство «массово депортировали белорусов с захваченных земель в Россию» [35]. Северная война характеризуется в отношении действий русских войск словами «мародёрство», «опустошение» [36]. Разумеется, разделы Речи Посполитой для В. Арлова – однозначное зло, восстание Т. Костюшко «жестоко душили регулярные, закалённые в захватнических походах царские войска А. Суворова» [37].

Характерно, что в рецензируемом популярном издании повторяются все штампы советской историографии о Российской империи – «тюрьме народов» и «жандарме Европы», а польско-литовское государство, владевшее белорусскими землями и презрительно называвшее их «восточные окраины», именуется автором «нашим». Таким образом, подобные популярные издания предназначены для формирования исторической картины мира читателей, в которой Беларусь ассоциируется с сытой, благополучной и законопослушной Европой, а Россия выглядит азиатской жестокой захватчицей.

В гораздо более грубой публицистической форме те же задачи решает публицист А.Е. Тарас, судя по своему биографическому очерку, не имеющий профессионального исторического образования [38]. Но его «Краткий курс истории Беларуси» продаётся во многих магазинах и сопровождается серией книг по отдельным периодам белорусской истории. Не повторяя сказанного выше, отметим важнейшие спорные утверждения автора:

- примордиальное понимание белорусского народа как вечного, автохтонного для территории государства; это ведёт к воспеванию балтского субстрата, более связанного с Европой, чем племена восточных славян [39];

- Великое княжество Литовское – подлинная родина белорусов, в нём сформировались и окрепли традиции гражданского общества и правового государства; «литвины» - и есть белорусы XIII–XVII вв., а московиты – агрессивные и чужеродные захватчики [40];

- Речь Посполитая считается равноправным «союзом государств и церквей», униатство названо «национальной церковью» (при том, что сейчас униаты абсолютно маргинальны в белорусском обществе), православие расценивается как чужая, «московская» вера [41];

- все восстания и мятежи в пользу великорусской, московской ориентации западнорусских земель (Наливайко, Хмельницкого и др.) считаются «кровавым насилием», «бойней», а восстания на стороне Польши идеализируются [42];

- после разделов речи Посполитой Беларусь якобы стала «колонией России», а Советская Белоруссия являлась «псевдогосударством», она шла «путём в тупик» [43].

Таким образом, на примере рецензируемых учебных и популярно-публицистических изданий по истории Беларуси мы убедились в существовании непримиримых между собой доктрин.

Первая из них, одобряемая органами государственной власти страны, проводит «национализацию» истории Беларуси в смягчённых, осторожных формах, что является аллергией на радикальный этнонационализм «белорусизации» в первой половине 1990-х гг. [44]. Но и в этой умеренной трактовке истории страны налицо научно некорректные аспекты: этнический примордиализм, повторение стереотипов советской историографии о Российской империи. Поскольку собственно белорусская культура оставалась преимущественно крестьянской, то национальная историография вынуждена «присваивать» достижения польской и великорусской дворянской и городской буржуазной культур.

Вторая доктрина ныне поддерживается оппозиционными политиками и публицистами, ориентированными всецело на Запад. Однако она весомо присутствует в информационном и образовательном пространстве Беларуси, выражаясь в основном в жанрах научных и публицистических текстов. Эта доктрина – прямолинейно-западническая, русофобская, и риски её распространения выросли вследствие Украинского кризиса.

Полагаем, что российские историки и журналисты должны уделять больше внимания анализу и научно обоснованной критике национальных историографий, в том числе –

белорусской. Заслуживают серьезной поддержки неяркие проявления «западнорусизма» в историографии и общественной мысли, сторонники которого отстаивают неделимое единство восточнославянских народов в лоне православия и исторической России [45].

Примечания

1. *Фурман Д.Е., Буховец О.Г.* Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. – 1996. – № 1. – С. 62–71.

2. *Буховец О.Г.* Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г.А. Бордюгова. – М., 2009. – С. 15–50.

3. *Александров-Деркаченко П.* Белоруссия: переписывание истории началось // Свободная мысль. – 2013. – № 2 (1638). – С. 191–210.

4. *Гронский А.Д.* «Неоязычество как фактор деконструкции национального самосознания белорусов» // Colloquium Neptaplomeres. – Н. Новгород, 2015. – II. – С. 64–69.

5. *Задора А.* Вторая мировая война и преемственность советских традиций для идентичности, политической, правовой и социальной системы Беларуси // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – М., 2015. – № 1 (6). – С. 119–123.

6. *Керов В.В.* «Украина–Русь», «финно-угорские колонии» и белорусские национальные обычаи: обоснование государственного суверенитета в официальных учебниках по национальной истории Украины и Беларуси // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 1. – С. 124–132.

7. *Кобрин М.В.* Неонацизм и искажение истории в Беларуси – пролог сценария распада Украины // Наука. Общество. Оборона. – М., 2015. – № 1 (4). – С. 3.

8. *Кобрин М.В.* Фальшивая история Великой Отечественной войны: взгляд из Беларуси // Наука. Общество. Оборона. – М., 2013. – № 1. – С. 2.

9. *Томайчук Л.В.* Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие. – СПб., 2012. – № 3. – С. 52–55.

10. *Фабрикант М.С.* Национализм как средство воздействия на общественное мнение: случай Беларуси // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – М., 2013. – № 2 (115). – С. 20–28.

11. История Беларуси в контексте европейской цивилизации: учеб. пособие / С.А. Елизаров, Е.П. Нарижная, З.А. Неверова, С.А. Юрик. 2-е изд., испр. – Минск: Вышэйшая школа, 2016.

12. *Панов С.В.* Материалы для подготовки к обязательному экзамену по истории Беларуси. 11 класс / *под науч. ред. В.М. Фомина.* – 3-е изд., перераб. – Минск: Аверсэв, 2017. – 288 с.
13. Гісторыя Беларусі 1917 – 1945 гг. Атлас. Вучэбны дапаможнік для 10 класа агульнаадукацыйных устаноў з беларускай мовай навучання / *ред. Г.С. Малышава.* – Менск: РУП «Белкартаграфія», 2009.
14. *Тарас А.Е.* Краткий курс истории Беларуси IX – XXI вв. – Минск: Харвест, 2013.
15. *Арлов В.* Страна Беларусь: Иллюстрированная история. – Bratislava: Kalligram, 2013.
16. *Косов А.П.* Отечественная историография белорусско-российской интеграции // Беларусь в геополитических процессах XX – начала XXI вв.: сборник научных статей / *редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) и др.* – Минск: Беларуская навука, 2017. С. 46-55.
17. Современные интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. Белорусская политология: многообразие в единстве. Материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (15-16 мая 2014 г.). В 2-х ч. / *редкол.: В.Н. Ватыль(гл. ред.) и др.* – Гродно: Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы, 2014.
18. *Бергер П., ЛукманТ.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
19. *Миллер А.И.* Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей / *Научн. ред. А.И. Миллер, М. Липман.* – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
20. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
21. *Абрамова В.А.* Политический дискурс: информационно-коммуникативный аспект: учебное пособие. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011.
22. История Беларуси в контексте европейской цивилизации: учеб. пособие. – С. 3.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же. – С. 23–28.
26. Там же. – С. 94–137.
27. Там же. – С. 132–138, 154–165.
28. *Панов С.В.* Материалы для подготовки к обязательному экзамену по истории Беларуси. 11 класс. – С. 67–73, 110–116, 230–239.
29. Гісторыя Беларусі у сярэднія вякі. Атлас / *ред. Г.С. Малышава.* – Менск: Беларускі Дом друку, 2009; Гісторыя Беларусі, другая палова XVI – XVIIIст. / *ред. Г.С. Малышава.* – Менск: Беларускі Дом друку, 2009.

30. Гісторыя Беларусі 1917 – 1945 гг. Атлас. – С. 12, 20.
31. *Арлов В.* Указ.соч. – С. 20–21, 36–40, 44–45.
32. Там же. – С. 80–85.
33. Там же. – С. 87, 132–137.
34. Там же. – С. 177–179.
35. Там же. С. 184, 186.
36. Там же. – С. 192–195.
37. Там же. – С. 213.
38. *Тарас А.Е.* Указ.соч.
39. Там же. – С. 29–64.
40. Там же. – С. 104–208.
41. Там же. – С. 216–242.
42. Там же. – С. 243–302.
43. Там же. – С. 361–520.
44. *Буховец О.Г.* Указ.соч. – С. 20–38.
45. *Кобрин М.В.* Неонацизм и искажение истории в Беларуси – пролог сценария распада Украины // Наука. Общество. Оборона. – М., 2015. – № 1 (4). – С. 3; *Его же.* Фальшивая история Великой Отечественной войны: взгляд из Беларуси // Наука. Общество. Оборона. – М., 2013. – № 1. – С. 2.

С.Л. Луговцова (г. Минск, Республика Беларусь)

УЕЗДНЫЕ СПИСКИ ДВОРЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В результате трех разделов Речи Посполитой территория Беларуси вошла в состав Российской империи. Руководящие круги Петербурга должны были выработать правительственную политику по отношению к разным социальным слоям на вновь присоединенных территориях. В качестве первоочередной выдвинулась задача выяснения численности разных социальных групп. Основным методом учета населения в Российской империи в первой половине XIX в. были ревизии. Население Беларуси, и дворянство в том числе, было впервые учтено при проведении 5-й ревизии 1796 г. Белорусская исследовательница Г.Н. Тумилович пришла к выводу, что численность высшего сословия Беларуси по 5-й ревизии была явно занижена. В ходе ревизии не учитывались дворяне, имевшие крепостных, а также дворяне-татары. Ещё более важным фактором недоучета

дворянства на территории белорусских губерний являлся недоучет численности мелкой шляхты, что объяснялось, в первую очередь, нежеланием данной категории быть учтенной. Так как имевшие крепостных дворяне в ходе пятой ревизии не записывались в ревизские книги, то основная часть шляхты опасалась, что все лица, внесенные в книги, должны будут платить подати[1]. Следует учитывать, что конец XVIII в. – это время вживания шляхты Великого Княжества Литовского в российскую действительность, когда её представителям трудно было предугадать по какому пути пойдет законодательство в отношении присоединенных земель.

В первой половине XIX в. правительство Российской империи стремилось контролировать численность дворянства западных губерний, его перемещения, возможность участия в дворянских выборах. Разные задачи требовали составления на местах списков разного содержания. В частности, каждое трехлетие составлялись списки помещиков, имевших право участвовать лично или через представителей в дворянских выборах и дворянских уездных собраниях. Уездные списки дворян были активно использованы П.Г. Козловским в ходе анализа эволюции помещичьего землевладения в Беларуси в первой половине XIX в. [2].

Кроме списков, составлявшихся с целью проведения дворянских выборов, уездные списки дворян составлялись и для других целей. Правительственные учреждения Санкт-Петербурга нуждались в информации о дворянстве бывшей Речи Посполитой, чтобы разобраться в сложном составе местной шляхты, выработать правительственные мероприятия по отношению к ней. В частности, в 1816 г. в связи с очередным витком политики «разбора шляхты» Сенат потребовал составить в уездах четыре ведомости: о шляхте, которая была утверждена в дворянском достоинстве губернскими дворянскими депутатскими собраниями и проживала на собственной земле; проживала на собственной земле, но не доказала свое происхождение; была утверждена в дворянском достоинстве, но проживала на арендованной земле или по заставному праву; не доказала свое происхождение и не имела собственной земли [3].

В данной статье проанализирован документ из материалов Витебского губернского дворянского собрания, озаглавленный «Именные списки Лепельского повета о дворянах, проживающих на землях собственных – закладных – арендных и служащих, учиненные из поданных от них ведомостей в Лепельскую ревизионную комиссию в 1816 г.» [4]. Однако, заглавие, не соответствует содержанию документа. Во-первых, в списке встречается информация, которая относится к 1817–1819 гг., а относительно документа, который Иосиф Зеленкевич получил из Витебского дворянского депутатского собрания прямо указано: «выдан сего 1819 г.» [5]. Во-вторых, речь идет не о ревизионной, а о ревизской комиссии. В-третьих, в список включена только шляхта, т.е. наименее обеспеченные представители благородного сословия Лепельского уезда. В российской документации первой половины XIX в. отсутствовали четкие критерии для употребления терминов «дворянин» и «шляхтич». Как правило, к категории «дворяне» относили лиц, которые имели отношение к военной или гражданской службе, получили право участвовать в выборах по замещению должностей в системе местного управления, а также имели достаточное количество земли и крепостных крестьян, чтобы вести образ жизни приличный благородному происхождению.

В список по Лепельскому уезду 1819 г. включены малообеспеченные представители сословия. Документ включает следующую информацию:

- о роде деятельности шляхтичей;
- наличии/отсутствии у шляхтичей земли и её количестве;
- местожительстве шляхтичей;
- полном составе семей;
- участии (или не участии) в V ревизии 1795 г.;
- изменениях местожительства со времени окончания ревизии;
- наличии/отсутствии документов о благородном происхождении.

Ценным является перечисление в списке всех женщин и девочек, что позволяет использовать его в качестве источника для демографических исследований. Язык документа богат белорусизмами: «кавалки» (о земле) [6], «Дыонизий» вместо

«Дионизий» [7], «Тацяна» вместо «Татьяна» [8], Ларынович [9], Грыневич [10], «Дземяшков» вместо «Демешково» [11], «Вярбовщизна» вместо «Вербовщизна» [12] и т.п.

В список 1819 г. включено 3426 человек. Каждое обращение к вопросу о численности высшего сословия на территории Беларуси в первой половине XIX в. неизбежно приводит к обсуждению проблемы о постановке учета этой группы населения в Российской империи. Все авторы, которые занимались данной проблемой, обращают внимание на многочисленные трудности, возникающие в процессе её исследования. В частности, вопрос доверия российским статистическим данным поднимает в своих исследованиях И. Сикорская-Кулеша. Например, в Минской губернии, по её подсчетам, в середине 1850-х было 57 тыс. шляхты в соответствии с книгами генеалогическими, 59 тыс. в соответствии с данными Казенных палат и 80 тыс. по метрическим данным костелов [13].

В списке шляхты Лепельского уезда 1819 г. есть ценные данные о том, были ли учтены внесенные в него лица в ходе пятой ревизии. Они дают возможность выяснить, насколько велика была численность шляхты, не учтенной властями.

Таблица 1. Учет шляхты Лепельского уезда Витебской губернии в ходе V ревизии [14]

	В 1795 г. подали посемейные списки	В 1795 г. посемейные списки не подавали	Не известно	Итого
Численность шляхты, чел.	1877	1503	46	3426
Численность шляхты, в %	54,8	43,9	1,3	100 %

В первый столбец таблицы 1 внесены шляхтичи и члены их семей, которые в 1795 г. подавали посемейные списки не только в Лепельском, но и любых других уездах. Тоже можно сказать и о содержании второго столбца. В качестве основных причин,

которые помешали представителям шляхты подать посемейные списки в ходе V-ой ревизии, в документе названы бедность и раннее сиротство. В частности, Михаил Чехович (40 лет) указал, что в 1795 г. не подавал список своей семьи «по бедности своего жилища» [15]. Сиротство являлось довольно распространенным явлением, учитывая высокую смертность в среде лепельской шляхты. Именно раннее сиротство стало причиной того, что ряд шляхтичей не смогли ответить на вопрос относительно ревизии 1795 г. Они включены в третий столбец таблицы. Так, братья Иван (28 лет), Иосиф (26) и Леонтий (21) Кучинские заявили, что не знают, были ли они записаны в ходе ревизии, так как «были малолетними» [16]. В третий столбец также включены шляхтичи, местонахождение которых, было не известно. Например, Дионизий Дзерожинский заявил, что его брат Миколай (46) находится «в отлучке в неизвестном месте» [17].

У шляхтичей, неучтенных в ходе V-ой ревизии, на протяжении 1795–1819 гг., естественно, рождались дети и/или умирали члены семей, т.е. мы не можем точно определить число лиц, которые не подали посемейные списки. Однако аналогичные процессы шли и в среде шляхты, записанной в ходе ревизии. А нас, в первую очередь, интересует соотношение учтенной и неучтенной шляхты. Как следует из содержания таблицы 1 российским властям в 1795 г. удалось документально зафиксировать лишь немногим более половины шляхты Лепельского уезда.

Слабая постановка статистического учета относительно шляхты бывшей Речи Посполитой в Российской империи объяснялась, на наш взгляд, следующими причинами:

– отсутствием у имперских властей четкой стратегии по отношению к шляхте бывшей Речи Посполитой, колебаниями правительственного курса, вызванными сменой императоров на российском престоле;

– недостаточным количеством чиновников на местах для реализации задуманных центральными властями мероприятий;

– сознательным уклонением представителей шляхты от учета с целью избежать политики «разбора», а также неоднократных попыток переселения шляхты в отдаленные губернии;

– бедностью и малообразованностью значительной части шляхетского сословия, которые были не в состоянии вовремя и адекватно реагировать на запросы имперских властей;

– высоким уровнем подвижности шляхты, представители которой в поисках средств существования (земли и службы) часто меняли место жительства.

Относительно последнего критерия рассматриваемый список представляет уникальные данные, так как в него включена специальная графа «Из какого места и когда зашли в сей повет». Кроме того, можно выявить тех шляхтичей, которые были учтены в Лепельском уезде Витебской губернии в 1795 г., однако в 1819 г. проживали в других уездах и губерниях. Таким образом, список позволяет нам зафиксировать весьма трудноуловимый для исследователя критерий подвижности шляхты, т.е. отразить её перемещения в поисках места службы (чаще всего у частных лиц и католических орденов), лучших условий аренды земли и т.п. По нашим подсчетам, в период с 1795 г. по 1819 г. 24 % шляхтичей Лепельского уезда изменили свое место жительства.

На наш взгляд, поуездные списки представителей высшего сословия Российской империи могут быть также использованы для проведения исследований историко-демографического характера. В частности, на основании списка 1819 г. автором были составлены следующие таблицы.

Таблица 2. Брачная структура шляхты Лепельского уезда Витебской губернии, 1819 г. [18]

Возрастная группа (лет)	Мужчины				Женщины			
	Всего (чел.)	Брачное состояние			Всего (чел.)	Брачное состояние		
		холостые	женатые	вдовы		незамужние	замужние	Вдовы
10–14	218	218	—	—	153	151	2	—
15–19	220	217	3	—	155	133	22	—
20–24	184	149	35	—	129	45	84	—
25–29	191	119	70	2	154	16	138	
30–39	272	88	180	4	215	6	205	4
40–49	200	35	154	11	116	2	107	7

50–59	146	12	117	17	69	1	54	14
60–69	85	10	63	12	20	—	15	5
70–79	33	3	20	10	7	—	3	4
80–89	10	1	4	5	4	—	2	2
90–	3	—	1	2				
Итого	1562	852	647	63	1033	354	643	36

Из содержания табл. 2 следует, что к 25 годам среди лепельской шляхты в браке состояли порядка 19 % мужчин и 65 % женщин. К 50 годам холостыми оставались 17,5 % мужчин и практически 100 % женщин были замужем. На наш взгляд, выявленная диспропорция объясняется значительной диспропорцией в пользу мужчин в уезде (см табл. 3).

Таблица 3. Половозрастной состав шляхты Лепельского уезда Витебской губернии, 1819 г. [19]

Возрастная группа (лет)	Число шляхтичей (чел.)			Доля в возрастной группе (%)			Соотношение численности женщин и численности мужчин (%)
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Лиц обоего пола	
До 1 года	26	18	44	1,3	1,3	1,3	69,2
1–4	201	167	368	10	11,8	10,7	83
5–9	223	196	419	11,1	13,9	12,2	87,9
10–14	223	153	376	11,1	10,8	11	68,6
15–19	220	153	373	10,9	10,8	10,9	69,5
20–29	371	295	666	18,4	20,9	19,4	79,5
30–39	273	215	488	13,6	15,2	14,3	78,8
40–49	199	116	315	9,9	8,2	9,2	58,3
50–59	147	70	217	7,3	5	6,3	47,6
60–69	83	20	103	4,1	1,4	3	24
70–79	35	9	44	1,8	0,6	1,3	25,7
80–89	8	2	10	0,4	0,1	0,3	25
90–	3		3	0,1	0	0,1	0
Итого	2012	1414	3426	100	100	100	70,3

В кругу лепельской шляхты встречаются весьма ранние браки. Так, жене Стефана Петрица (27 лет) Схолястыке было 15

лет [20]; жене Антония Буржинского (17 лет) Агафье — 14 лет [21]. Самый ранний брак среди крестьянских семей Минской губернии, который выявил белорусский исследователь В. Носевич в период с 1794 по 1851 гг., был зарегистрирован в возрасте невесты 11,8 лет: в июне 1826 г. Елена Лис вышла замуж за 19-летнего Карла Вашкевича. Исследователь предположил, что названный брак был полуфиктивным и обеспечивал вступление Карла в хозяйство отца Елены в качестве примака, так как первое рождение ребенка в этой семье зафиксировано десятью годами позже [22]. Однако в среде лепельской шляхты встречаются примеры не только юных невест, но и юных матерей, что не позволяет считать такие браки полуфиктивными. Например, жене Ивана Арцишевского (17 лет) Каролине было 13 лет, причем их дочери Иоганне уже исполнился год [23]. Жене Игнатия Баневского 25 лет Иоганне было 20 лет, а дочери исполнилось 5 лет [24]. Матери Игнатия Мурашко (18) вдове Марьяне было 40 лет [25].

Мы также предприняли попытку определить для лепельской шляхты средний возраст вступления в первый брак, ориентируясь на простой принцип разницы между возрастом супругов и возрастом их старшего ребенка плюс один год. Средний возраст вступления в брак составил для мужчин 30,9 год, для женщин — 22,1 года. По подсчетам исследователя В. Носевича средний возраст первого вступления в брак для крестьян имения Корень Минской губернии в течение 1794–1820 гг. составил у мужчин 22,1 года, у женщин — 20,6 лет. В. Носевич также представил выборку по 14 германским приходам за первую четверти XIX в., где брачный возраст в крестьянских хозяйствах составил — 28,3 и 26,2 лет соответственно [26]. Таким образом, средний возраст вступления в брак в среде лепельской шляхты оказался значительно выше, чем в среде крестьян белорусских губерний, а также в германских приходах в аналогичный период. Можно сказать, что представители шляхты демонстрировали брачную модель поведения отличную от крестьянской.

Подводя итоги, отметим большую перспективность использования уездных списков высшего сословия Российской империи для проведения исследований историко-демографического характера. В частности, опираясь на список

шляхты Лепельского уезда Витебской губернии 1819 г. мы выяснили: в ходе V ревизии 1795 г. правительственными чиновниками было учтено лишь 54,8% численности лепельской шляхты; гендерный дисбаланс в пользу мужчин в уезде наблюдался во всех возрастных группах; состав шляхты Лепельского уезда характеризовался большой численностью холостых мужчин (17,5 % в возрасте 50–59 лет) и практически полным отсутствием незамужних женщин (1 % в том же возрасте).

Примечания

1. *Тумилович Г.Н.* Дворянство Белоруссии в конце XVIII– первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1995. – С.93–94.

2. *Козловский П.Г.* Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. – Минск, 1982. – 204 с.

3. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Ф. 2066. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 119.

4. НИАБ. – Ф. 2512. – Оп.1. – Д. 94. – Л. 1–206.

5. Там же. – Л. 60.

6. Там же. – Л. 164.

7. Там же. – Л. 64.

8. Там же. – Л. 152.

9. Там же. – Л. 210.

10. Там же. – Л. 28.

11. Там же. – Л. 25.

12. Там же. – Л. 29.

13. *Sikorska-Kulesza I.* Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX w. – Pruszkow, 1995. – S. 83.

14. НИАБ. – Ф. 2512. – Оп.1. – Д. 94.

15. Там же. – Л. 191–192.

16. Там же. – Л. 83–84.

17. Там же. – Л. 41–42.

18. НИАБ. – Ф. 2512. – Оп.1. – Д. 94.

19. Там же.

20. Там же. – Л. 109–110.

21. Там же. – Л. 14.

22. *Носевич В.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. – Минск, 2004. – С. 128.

23. НИАБ. – Ф. 2512. – Оп.1. – Д. 94. – Л. 2.

24. Там же. – Л. 8.

25. Там же. – Л. 105.

26. *Носевич В.* Указ. соч. – С. 128.

А.П. Житко(г. Минск, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ ДВОРЯНСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В результате трех (1772 г., 1793 г., 1795 г.) разделов Речи Посполитой белорусские земли были включены в состав Российской империи. Высшее сословие присоединенных территорий (шляхта) должно было присягнуть на верность российской короне и тем самым влиться в состав дворянства России. В 1858 г. в 5 северо-западных губерниях насчитывалось 200 626 потомственных дворян (4,5 % от всего населения). В том числе в Виленской губ. – 51,1 тыс., Витебской – 25,6, Гродненской – 37,0, Минской – 54,6 и Могилевской – 32,4 тыс. чел. Как видим, наибольшее количество дворян было сгруппировано в Минской губ., а наименьшее – в Витебской [1].

В то же время в 50 губерниях Европейской России проживали 611 973 потомственных дворянина, удельный вес которых среди населения составлял только 1,0 %. Таким образом, в белорусских губерниях была сконцентрирована почти третья часть высшего сословия Европейской России, а точнее – 32,8 % [2].

Однако, с 1863 по 1867 г. произошло значительное сокращение численности потомственных дворян (143,7 тыс. чел.) на всей территории Европейской России. Попытки объяснить такое явление предпринимались еще в дореволюционной историографии. Одни авторы считали, что в действительности никакого сокращения не произошло, а колебания цифровых данных вызваны техническими ошибками при обработке первичных материалов. Другие исследователи причины уменьшения количества дворян видели в буржуазных реформах, повлиявших на положение сословия и его общественный престиж [3].

Однако, как справедливо заметил исследователь российского дворянства А.П. Корелин, на самом деле с 1863 по 1867 г. никакого сокращения численности потомственных дворян не происходило, а наоборот, она несколько увеличилась, за

исключением 9 западных губерний. Действительно, количество высшего сословия в 9 западных губерниях за эти годы уменьшилась на 161 294 чел. Из них на долю 5 северо-западных губерний приходилось 107 787 чел. [4]. Таким образом, главные потери понесло высшее сословие Беларуси, которое активно участвовало в восстании 1863–1864 гг.

Но главное, что повлияло на уменьшение численности потомственного дворянства в Беларуси, – это указ от 23 сентября 1864 г., по которому шляхта, не имевшая свидетельств о дворянском достоинстве, переводилась в податные сословные группы – мещан или крестьян.

Таким образом, не ошибки при обработке первичных материалов и не буржуазные реформы, а политика самодержавия явилась основной причиной сокращения до 1867 г. почти вдвое дворянства Беларуси. Наибольшие потери понесло высшее сословие Гродненской губ. С 1863 по 1867 г. его количество уменьшилось почти в 3 раза [5].

С 1870 г. относительно 1867 г. наблюдалась стабилизация количества потомственных дворян. В это время репрессии утихли, а шляхта, не имевшая удостоверений, окончательно была записана в податные сословия. А. П. Корелин утверждал, что для подсчетов числа потомственных дворян самым “надежным источником является Первая всеобщая перепись населения Российской империи, проведенная 28 января 1897 г.” [6].

Однако детальный анализ переписи показывает, что она не может использоваться как объективный источник при определении количества потомственных дворян, особенно на территории Беларуси. Дело в том, что во время переписи выявление сословной принадлежности проводилась путем личного опроса. Поэтому значительная часть белорусской шляхты, не имевшая юридических свидетельств о дворянском происхождении, записалась в высшее сословие. Это подтверждает анализ данных губернских статистических комитетов и результатов переписи. Так, по подсчетам Виленского статкомитета в 1896 г. в губернии проживало 52 787 потомственных дворян, а по переписи на 28 января 1897 г. – уже

70 640 чел. В Минской губ. соответственно 54 322 и 70 974. То же самое было характерно и для других губерний.

Учитывая все эти нюансы, число потомственных дворян в 1897 г. в 5 северо-западных губерниях можно приблизительно определить следующим образом. От итоговой цифры по переписи отнимем разницу данных губернских статкомитетов и получим $204\,963 - 53\,042 = 151\,921$ чел. Учитывая количество незаписанных в родословные книги приблизительно в 5-10 тыс. чел., можно констатировать, что в 1897 г. в 5 северо-западных губерниях проживало около 157-162 тыс. потомственных дворян. Остальные 40-45 тыс. – это бывшая шляхта, переведенная в податные сословия.

Не менее сложно установить и количество личных дворян. Дело в том, что основным источником при подсчетах для ЦСК являлись ежегодные полицейские ведомости. Сюда, с одной стороны, включались сведения о личных дворянах с семьями (как известно, дети личных дворян не принадлежали к высшему сословию), а с другой – в эту же графу записывали и классных чиновников также с семьями. Вычленив собственно личных дворян и чиновников без семей практически невозможно.

В 1858 г. в 5 северо-западных губерниях проживало 19 947 личных дворян и классных чиновников с семьями. Их количество, за исключением 60-х гг., постепенно увеличивалось и составило в 1897 г. 36 006 чел., либо на 180,5 % больше по сравнению с 1858 г. [7]. Колебания численности личных дворян и чиновников с 1863 по 1870 г. были связаны с восстанием 1863–1864 гг., когда на смену местной администрации были присланы чиновники из внутренних районов России.

В то же время увеличение количества личных дворян и чиновников в белорусских губерниях с 1858 по 1897 г. (в 1,8 раза) было гораздо меньшим, чем в 9 русских (примерно в 4 раза). Это было вызвано тем, что в конце 50-х гг. в Беларуси было сконцентрировано от 1,9 до 4,9 тыс. личных дворян и чиновников на губернию, в то время как в русских губерниях – от 1,0 до 2,5 тыс. чел. [8].

Рост личных дворян в Беларуси в указанный период имел ту особенность, что происходил в основном за счет выходцев из российских губерний, а темпы этого роста уступали

общероссийским показателям более чем в 2 раза. К тому же подавляющее большинство личных дворян и классных чиновников проживало в городах.

Вопрос о вероисповедании белорусского дворянства не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Он несет на себе не только религиозный, но и политический, социально-экономический и культурно-национальный оттенок. Религиозный аспект заключался в том, что высшее сословие Беларуси было расколотым на две основные части – православную и католическую, что не способствовало его консолидации.

Социально-экономические последствия этого разделения выразились в ликвидации самодержавием с начала 60-х гг. XIX в. органов сословного дворянского самоуправления в крае. Кроме этого, в отношении дворян-католиков царское правительство проводило репрессивную экономическую политику и т. д.

Конфессиональное разделение высшего сословия Беларуси тесно связано с выявлением национальной принадлежности. Дело в том, что русская администрация, как и великодержавная русская и польская историографии, упорно, не взирая на действительность, неправоммерно относили православных дворян края к русским, а католиков – к полякам.

Вместе с тем дворянство Беларуси, как и католические священники, было самой высокообразованной частью белорусского общества. Поэтому неслучайно, что именно оно рекрутировало из своего окружения национальную интеллигенцию. А как доказывает исторический опыт, только интеллигенция может придать движению за социальное и национальное освобождение целенаправленный характер.

Другое дело, что к началу XX в. круг этих людей был не слишком широким, что другие слои белорусского общества (крестьяне, рабочие, промышленники и купцы) только начали пробуждаться, осознавать себя не столько местными, сколько белорусами.

В связи с этим ясно, почему царские власти закрыли все высшие учебные заведения в крае, ввели ограничительные законы для приобретения высшего образования дворянами-католиками, высылали их за пределы Беларуси. Цель – устранить

потенциальный национальный сепаратизм (с точки зрения русских властей) белорусского высшего сословия.

Среди официальных властей все время существовала путаница по вопросу, кого же понимать под терминами “русские дворяне”, “русского происхождения”, “непольского” и “польского происхождения”. Это непонимание переносилась и в статистические подсчеты, поэтому данные даже за один и тот же год отличаются, что вызывает трудности в определении и национальной принадлежности дворян. Так, в 1878 г. Игуменский предводитель дворянства представил список дворянства уезда православного вероисповедания. Их количество составило 198 чел. Среди них был и 1 протестант (князь Виттгенштейн), и 1 реформатор Грабовский. Однако губернский предводитель дворянства на титульном листе списка отметил: “Дайте список землевладельцев русского происхождения”. В повторном списке значился только 41 чел. Сюда вошли великороссы православного вероисповедания. Видно, остальные 157 чел., за исключением Виттгенштейна и Грабовского, были православными белорусами [9].

Впервые термин лица “польского происхождения” встречается в законе от 10 декабря 1865 г., по которому им запрещалось приобретение земли в 9 западных губерниях всяким иным путем, кроме наследия. Буквальный смысл этого термина означал принадлежность к польской национальности. Однако насчет того, кто в Западном крае является поляком – или только поляк, выходец из Царства Польского, или это и местные дворяне католического вероисповедания, причислявшие или же нет себя к соответствующей коренной национальности, – об этом в законе ничего не говорилось [10].

С течением времени в административной практике просматривалось отождествление понятий “польское происхождение”, “римско-католическое вероисповедание” и поляк по национальности. По сути всех белорусских дворян-католиков подвели под термин “лицо польского происхождения”. Только в конце 1904 г. Святополк-Мирский, который был назначен министром внутренних дел, а до этого являлся Виленским генерал-губернатором, сделал попытку уравнять в

правах местных дворян-католиков 9 западных губерний с русским дворянством. В записке, подготовленной его ведомством, в частности, говорилось: “В то время, как задача правительства в отношении Западного края должна была бы иметь целью разъединение понятий, или, более точно, явлений католицизма и полонизма, другими словами, развитие в сознании местного населения мысли, что оно хотя и католическое, но не польское...”, наши законы стараются убедить непольские народности в том, “что раз они католики, то есть и поляки” [11].

Понятно, что такой подход был вызван политическими мотивами, а не просто личным мнением министра. Накануне революции обострился национальный вопрос, многие партии выступили с требованием права на национальное самоопределение нерусских народов. Усиливалось и польское национальное движение за независимость и государственность в границах 1772 г. Заявила о себе и Белорусская социалистическая громада.

Поэтому в качестве обоснования своей позиции МВД сделало следующий вывод: “Содействие в современный момент развитию самосознания непольских народностей в Западном крае путем расторжения по отношению к ним существующих ограничений является задачей правительства, потому что самосознание это... способствует решению вековой борьбы в крае с полонизмом, которому разбуженные мелкие народности, болезненно относящиеся к своей самобытности, нанесут последний удар” [12].

Хотя МВД и предложило уровнять в правах всех дворян-католиков Западного края с русским высшим сословием, однако Кабинет Министров, который разрабатывал законопроект по этому вопросу, ввел определенные ограничения.

Так, даже по закону от 1 мая 1905 г. процедура выявления национальности дворян-католиков оставалась сложной. Например, чтобы купить землю, католик должен был обратиться с письменной просьбой к губернатору. Тот поручал земскому начальнику по месту жительства дворянина составить анкету, которая включала следующие пункты: 1) народность просителя по его происхождению; 2) разговорный язык семьи просителя; 3) заявление просителя о том, к какой народности он сам себя

причисляет; 4) заключение лица, которое собирало сведения, о народности просителя по всей совокупности полученных данных; 5) вероисповедание просителя. Приведем пример анкеты дворянина Гродненского уезда Сарасюка, который хотел купить 5 дес. земли. На 1-ом и 3-ем вопросах помечено – белорус. Разговорный язык семьи – белорусский, но разговаривают и на польском. Вероисповедание – католик. Заключение земского начальника о национальности просителя – белорус [13].

Понятно, что такой порядок выявления национальности дворян-католиков был сложным и приводил к злоупотреблениям со стороны местной администрации. Однако это был шаг вперед по сравнению с предыдущей практикой, когда национальность дворян определялось только по вероисповеданию.

В связи с жалобой дворянина Вилейского уезда Корвин-Саковича в Сенат на Виленского генерал-губернатора, который отказал ему в выдаче свидетельства на право покупки земли, был издан указ Сената от 21 июня 1910 г. В нем, в частности, отмечалось, что в законе от 1 мая 1905 г. нет четких признаков понятия “лицо польского происхождения”. Поэтому только члены местной высшей администрации в лице генерал-губернатора или губернатора в состоянии решить подобные дела, тем более, что они носят “не юридический, а политический характер”. И далее: “Утверждение просителя Корвин-Саковича, будто по закону 10 декабря 1865 г. запрещается приобретать имения в Западном крае только лицам польского происхождения в смысле выходцев из 10 губерний Царства Польского, неправильно. Понятие “лицо польского происхождения” необходимо понимать не в смысле этнографическом, а культурно-политическом. С этой точки зрения местные уроженцы – литовцы, жмудины, белорусы и т. д. могут являться лицами польского происхождения, если они усвоили польскую национальность” [14].

Что же касается вопроса о том, является Корвин-Сакович поляком или белорусом, то Сенат дал следующее объяснение: “Применение просителем в семье польского языка и его принадлежность к римско-католической церкви, интересы которой в Западном крае часто совпадают с интересами польской

народности, дает основание отнести его к лицу польского происхождения” [15].

В 1912 г. в списках избирателей в Государственную думу от Борисовского уезда было зарегистрировано 460 дворян-землевладельцев, которые владели землей до 400 дес. Все они, независимо от вероисповедания, записаны белорусами. Им принадлежало 14 071 дес. земли, или в среднем по 30,6 дес. Среди крупных землевладельцев (73 чел.) все исключительно православные фигурировали как русские, а католики – как поляки [16].

Материалы переписи 1897 г. вносят существенные коррективы в указанный вопрос и позволяют выявить национальность дворянства Беларуси на основании сведений о его родном языке. При почти полном отсутствии в источниках данных о национальной принадлежности такой вариант наиболее приемлем. Родной язык – один из важнейших показателей этнического самосознания каждого человека. Среди потомственных дворян 35 белорусских уездов ответили на вопрос, что их родным языком являлся белорусский, это означает, что относили себя к белорусам 77 264 чел. (51,8 %). 17 168 чел. (11,5 %) родным языком назвали русский, 49 042 (32,9 %) – польский и 5 694 (3,8 %) – другие языки. Эти показатели существенно отличались в сельской местности и городах. Так, в уездах без городов процент дворян-белорусов был еще выше и составил 60,3 % (73 809 чел.), поляков – 32,1 % (39 408 чел.), а русских – меньше почти в 2,5 раза – 4,8 % (5 657 чел.). Белорусов больше всего проживало в Минской губ. – 39 917 чел. (67,7 %), Могилевской – 10 481 (61,5 %) и Виленской губ. – 16 988 (57,8 %) [17].

Соотношение по национальному признаку между представителями высшего сословия существенно изменялось в городах по сравнению с сельской местностью. Так, среди городского нобилитета белорусы были представлены только 3 455 чел. (13,0 %). Здесь доминировали русские – 11 311 чел. (42,4 %) и поляки – 9 634 чел. (36,1 %). Доля белорусских дворян была наименьшей в городах Витебской губ. (8,1 %) и наибольшей – в Виленской губ. (28,5 %) [18].

Введение с 1864 г. ограничений при приеме на службу местных представителей высшего сословия, особенно католического вероисповедания, обусловили то, что среди личных дворян и чиновников преобладали русские, которых привлекали большими деньгами за службу в “замирённом крае”. “Деньги – вот чем вместо идейности и патриотического служения интересам империи начали поощрять Муравьев и Корнилов российское учительство и чиновничество... Программа “обрусения Белоруссии” с этого момента определилась не как культурное или национальное задание, а как узко экономический, шкурный интерес тех “деятелей”, что начали с 1864 года ехать в Беларусь на теплые места, на двойные пенсии, награды, подъемные, ордена и т. д.”, – отмечал А. Цвикевич [19].

Нужно иметь в виду и то обстоятельство, что официальным языком был русский. Владение русским языком являлось одним из требований при поступлении на службу. Поэтому часть местных служилых дворян отказалась от белорусского языка или просто им не пользовалась. Другие же были вынуждены делать карьеру за пределами Беларуси, обычно во внутренних районах империи. Безусловно, это не могло не сказаться на национальном составе личных дворян и чиновников. Среди этой категории в 35 уездах белорусов насчитывалось только 25,9% (6 479 чел.). Абсолютное и относительное большинство составляли русские – 12 695 чел. (50,7 %). Поляков было 4 685 чел. (18,7 %), а представителей других национальностей – 1 181 чел. (4,7 %). В сельской местности, где администрация имела непосредственное отношение к белорусскому населению и где русские чиновники служили с неохотой, доля белорусов была значительно большей. В 35 уездах без городов личных дворян-белорусов и чиновников насчитывалось 4 097 (43,0 %), русских – 2 684 чел. (28,2 %), поляков – 2 386 чел. (25,1 %). В Могилевской и Минской же губерниях представительство белорусов превышало 50 %, что составляло соответственно 945 чел. (55,4 %) и 1 517 чел. (50,5 %). Близкой к этой пропорции была численность белорусов в Виленской (48,6 %) и Витебской (45,2 %) губерниях. Только в Гродненской губ. русские преобладали абсолютно (1 010 чел.) и относительно (60,4 %) [20].

В губернских и уездных городах лидировали только русские – 10 012 чел. (64,5 %). Их количество колебалось от 57,7 % в Могилевской губ. до 70,1 % в Виленской губ. Доля белорусов и поляков была почти одинаковой – 15,3 % и 24,8 %. Только в 5 городах края преобладали личные дворяне-белорусы и чиновники (Климовичи, Мстиславль, Сенна, Сураж и Чериков) [21].

Если сравнить сведения по национальному составу и месту рождения потомственных дворян, то можно заметить интересную закономерность. В губерниях с высшим процентом местных уроженцев прослеживается абсолютное и относительное преимущество дворян-белорусов и наоборот.

Таким образом, дворяне-белорусы были местного происхождения. Если учесть, что абсолютное большинство их являлось католиками по вероисповеданию, то и носителями национального самосознания в основном как раз выступали дворяне-католики, а не православные. Последние представляли собой высшую местную администрацию и частично крупных землевладельцев.

Многонациональность высшего сословия Беларуси определялась не только наличием среди него трех основных групп (белорусов, русских, поляков), но и представителей других национальностей. На территории края в незначительном количестве проживали украинцы, литовцы, татары, немцы, евреи и другие. Так, в Минской и Могилевской губерниях переписью 1897 г. было зарегистрировано 320 (0,3 %) потомственных дворян-украинцев, 4 (0,01 %) еврея, 54 (0,1 %) латыша и литовца, 388 (0,4 %) немцев и татар – 3 435 чел. (3,7 %) [22].

Последние проживали в основном в Минской, Виленской и Гродненской губерниях. Понятно, что татар, либо ордынцев, как их нередко называли в то время, было гораздо больше. Это только те татары-дворяне, которые родным языком называли татарский. Однако известно, что свыше 7 тыс. ордынцев усвоили белорусский язык.

Таким образом, на территории белорусских губерний во второй половине XIX в. проживала третья часть потомственных дворян Европейской России. Абсолютное большинство из них являлось католиками по вероисповеданию, что стало одной из причин отнесения их правительством к «лицам польского

происхождения» или полякам по национальности. По нашим данным, не зависимо от вероисповедания, количество дворян-белорусов превосходило представителей других национальностей. Это предопределило их историческую миссию в процессе формирования белорусской нации.

Примечания

1. Статистические таблицы Российской империи. – СПб., 1863. – Вып. 2. – С. 267.
2. Там же.
3. *Корелин А.П.* Дворянство в дореформенной России. 1861–1904 гг. // Исторические записки. – 1977. – Т. 87. – С. 117, 122–123.
4. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979. – С. 40.
5. *Жытко А.П.* Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. – Мінск, 2003. – С. 53.
6. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – С. 37.
7. *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 53.
8. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – С. 298–299; *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 54.
9. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Ф. 320. – Оп. 1. – Д. 440. – Л. 70–71.
10. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр. – Т. 10. – Отд. II. – 1865. – № 42759.
11. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА). – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 51а.
12. Там же.
13. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГ). – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 1069. – Л. 6–8.
14. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 47705. – Л. 75–76.
15. Там же.
16. Списки избирателей в Государственную думу по Борисовскому уезду. Составлены Борисовской уездной земской управой 13 июля 1912 г. – Борисов, 1912.
17. *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 88.
18. Там же. – С. 88.
19. *Цьвікевіч А.* “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. – Мінск, 1993. – С. 66.
20. *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 90.
21. Там же.
22. Там же. – С. 92.

А.П. Мельников (г. Минск, Республика Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУСОВ

Национальная идея как социально-политический феномен не возникает одновременно, а складывается постепенно на исторической почве, традициях, менталитете того или иного народа как предпосылка этнонационального движения. Она есть концепт, содержащий в себе идею суверенитета, независимости, патриотизма, преданности своей родине.

Истоки белорусского этнонационального движения уходят в 30-е гг. XIX в. Именно тогда начало оформляться белорусское патриотическое сознание. Его первые проявления можно обнаружить в литературных трудах Каятана Касовича в газете «Молва» (1835). Затем нельзя не вспомнить литературную и общественную деятельность братьев Гримоловских – Валериана, Клеменса и Юлиана, а также Яна Чечота. Они были первыми, кто опубликовал свои стихотворения на белорусском языке (1837).

Плодотворной в разработке белорусской национальной идеи была литературная и общественная деятельность Яна Борщевского, непосредственным продолжателем которого в 50-е гг. XIX в. стал витебчанин Артём Вярига-Даревский, а позже Франтишек Богушевич, Кастусь Калиновский и др.

Однако завершение формирования белорусской идеи происходит только в 1880-е гг. Окончательно её формируют теоретически и как определённую политическую программу белорусские народники, объединённые вокруг журнала «Гоман» (1882–1884). Гомоновцы глубоко осмыслили аутентичность национального своеобразия своего народа, его потенциальные возможности, увязав национальные интересы Беларуси с общими задачами борьбы против абсолютистского режима. Дальнейшее развитие белорусская национальная идея получила в произведениях М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Горецкого, А. Луцкевича, В. Ластовского и др.

Таким образом, впервые утверждение о том, что белорусы являются особым народом, или нацией, сделали отечественные народники в изданных ими в 1884 г. в Петербурге двух номерах

журнала «Гомон». Они исходили из того, что белорусы как народность имеют свой язык, быт, культуру, своё историческое прошлое, свою территорию проживания, а Беларусь представляет собой специфическое политическое образование [1].

Небезынтересен взгляд на белорусскую национальную идею видного представителя белорусского национального Возрождения Игнатия Абдираловича (И. Кончевского), выраженный им в политолого-философском эссе «Извечным путём: исследование белорусского мировоззрения» (1921). И. Абдиралович представляет её как флуктуацию, колебание между Западной и Восточной цивилизацией. Он пишет: «Беларусь с X ст. и до нынешнего времени фактически является ареной борьбы двух направлений европейской, по-видимому, арийской культуры – западного и восточного. Десятивековое колебание свидетельствует о том, что белорусы, как и украинцы и балканские славяне, не могли примкнуть ни к одному, ни к другому направлению» [2].

Таким образом, возникает вопрос: что же включает в себя понятие национальной идеи? Национальная идея – это совокупность представлений и взглядов о самых важных интересах той или иной социально-этнической общности. Она называется национальной потому, что воплощает в себе притягательный идеал и высшую цель для всей нации. Это как бы ядро национального самосознания, вектор развития, лейтмотив устремлений того или иного народа. По отношению к внешнему миру, например, национальная идея выражается в совокупности внешнеполитических интересов государства, различающихся по своей важности для жизнедеятельности и выражаемым потребностям.

Каково же содержание белорусской национальной идеи на современном этапе? Если в начале XX в. таковым, по словам Я. Купалы, было стремление белорусов «людьми зваться», то в начале XXI столетия с обретением подлинной национальной государственности общенациональными идеями белорусского общества являются обеспечение безопасности государства и его граждан, поддержание динамической стабильности социума, проведение сильной социальной политики внутри страны,

сохранение генофонда нации, обеспечение необходимого качества окружающей среды.

Иными словами, белорусская национальная идея в современных условиях есть идея воспроизводства и всестороннего развития белорусской нации, понимаемой как суверенное сообщество всех граждан Республики Беларусь. Она может быть обеспечена превращением Беларуси в сильное процветающее государство путём её непрерывного инновационного обновления, включения во внутрицивилизационные интеграционные процессы, прежде всего в осуществление идеи Союзного государства с Россией. Россия исторически, экономически и духовно ближе всех к Беларуси. Идея союза с Россией имеет все основания для того, чтобы определить концепцию дальнейшего развития белорусского общества. Само собой разумеется, этот союз не предполагает утраты национальной государственности, национальной специфики, своеобразия белорусского народа. Беларусь должна идти собственной дорогой – дорогой самодостаточного европейского государства. Иными словами, в национальной белорусской идее воплощается историческое стремление белорусского народа к свободе, самостоятельности и благосостоянию, сохранению и развитию национальной культуры, языка, белорусского государства, гуманистических перспектив и гражданской ответственности за будущее родины.

Белорусская национальная идея является источником, базой государственной идеологии Республики Беларусь. Идеология белорусского государства определяется как «целостная, относительно систематизированная совокупность взаимосвязанных идей, ценностей и представлений, в которых белорусский народ осознаёт себя и своё положение в окружающей действительности, выражает свои потребности и интересы как единого целого, определяет формы организации своего бытия, формулирует и определяет свои цели и устремления и обосновывает пути их достижения посредством использования государственной власти» [3].

В формировании идеологических приоритетов белорусской государственности особую важную роль играет патриотизм. Что такое патриотизм? В большинстве изданий справочного типа

патриотизм (от греч. *patris* – родина) определяется как любовь к родине, своему народу [4].

Данное определение акцентирует внимание на чувственной стороне патриотизма. Однако этим патриотизм не исчерпывается, иначе получается некий эмоциональный, бездеятельный патриотизм. Никакие абстрактные патриотические чувства не принесут пользы отечеству, если они не будут воплощаться в реальные дела.

Формирование патриотизма несовместимо с гипертрофированным представлением о своей нации, противопоставлением национального общечеловеческому, короче говоря, с национализмом. Национализм – это идеология, состоящая в противопоставлении различных национальных общностей. Он может выражаться в разжигании национальной ненависти, конфронтации, как между народами разных стран, так и внутри одного государства между представителями различных наций и этносов. Таким образом, национализм – это не только идеология, но и психология, политика, основанная на проповеди национальной исключительности и превосходства [5].

Как следует из изложенного, идеология белорусского государства неразрывно связана с национальной идеей, национальными традициями и интересами, поэтому её вполне правомерно можно называть национально-государственной идеологией. При этом необходимо иметь в виду, что она учитывает интересы не только титульной нации, но представителей всех национальностей, проживающих на территории страны. В структурном отношении государственная идеология включает в себя культурно-историческую, политическую, экономическую и социально-гуманитарную составляющие.

Национальная идея как предпосылка государственной идеологии неразрывно связана с национальной идентичностью. Адекватно отражающая современные реалии и насущные интересы общества, национальная идея способствует целенаправленному формированию национальной идентичности. Национальная идентичность является стержневым фактором существования любого народа. В ней формируются основные идейные, ценностные и ментальные установки, на основании

которых представитель того или иного народа отличает себя от других. В буквальном переводе термин «идентичность» означает тождественность, одинаковость, совпадение чего-либо с чем-нибудь. Таким образом, под национальной идентичностью подразумевается эмоциональное осознание принадлежности к определённому национальному и политическому сообществу, отождествление с определённой страной, её интересами, ценностями, историей и культурой.

Для объективного рассмотрения проблемы национальной идентичности того или иного народа немаловажное значение имеет представление об его этногенезе, историческом пути развития. В этой связи следует отметить, что истоки духовной жизни, традиций белорусского народа начали формироваться с первых шагов возникновения и развития на территории нынешней Беларуси этнических общностей дреговичей, кривичей, радимичей. Они в IX–X вв. представляли собой своеобразные протонароды, положившие позже начало формированию белорусского этноса.

В X в. на территории нынешней Беларуси сформировались первые государственные образования, или протогосударства – Полоцкое, Туровское и частично Смоленское княжества. Все они в той или иной мере входили в состав полиэтнического государства – Киевской Руси. В этот период структура идентичности предков белорусов переходит на качественно новый уровень. Принятие христианства по восточному образцу в 988 г. приносит на белорусские земли письменность и приобщает к европейской культуре в её православном варианте. В этот период под воздействием института государства и церкви начинает отмирать племенная этническая самоидентификация, однако децентрализованность, непрочность раннефеодального древнерусского государства не могли обеспечить его территориальную целостность. Амбициозные сепаратистские устремления отдельных княжеств привели к неизбежному усилению центробежных тенденций и распаду Киевской Руси, чем не преминули воспользоваться внешние агрессоры: с одной стороны, завоеватели немецкого Тевтонского ордена, с другой – монголо-татарские орды. В этих условиях княжествам на белорусских землях ничего не оставалось, как объединиться с

балтскими языческими элитами. Так возникло Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское (ВКЛ) – многоконфессиональное надэтническое государственное образование, в которое вошли также земли правобережной Украины и в котором представителей белорусского и украинского этносов было в десять с лишним раз больше, нежели жемойтов и аукштайтов – предков нынешних литовцев и в котором государственным языком был старобелорусский язык. Таким образом, белорусский этнос складывался в течение длительного исторического времени.

В 1569 г. между ВКЛ и Польшей была подписана Люблинская уния, которая объединила их в единое федеративное государство – Речь Посполитую. В отношении белорусов стала проводиться жёсткая политика окатоличивания и полонизации. Старобелорусский письменный язык, на котором созданы три Статута Литовские, был вытеснен из обращения польским языком в XVI–XVII вв., а затем в 1696 г. законодательно запрещён сеймовым постановлением Речи Посполитой.

В конце XVIII в. в результате раздела Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. Влияние российской действительности не могло не наложить отпечаток на дальнейшее становление национального сознания, национальной идентичности белорусов уже в рамках единой православной конфессии. Однако и здесь в 1832 г. делопроизводство региона было переведено на русский язык, а в 1840 г. вышел закон, отменивший местное право для всех западных губерний России. Территория нынешней Беларуси стала называться северо-западным краем. Предполагалось, что это усилит интеграцию местного населения в российскую действительность. Однако идеи национальной независимости, по крайней мере, национально-культурной автономии, никогда не затухали в сознании белорусского народа. Основатели журнала «Гомон» в 1880-е гг. выступили с подлинным манифестом национальной идентичности белорусов: «Долой эксплуатацию, мы сами желаем управлять собой! Долой чужие руки. Белоруссия должна быть для белорусов, а не для чуждых элементов! Довольно нам подчиняться сильнейшим и ждать, куда они нас поворотят –

направо или налево!.. Мы сами должны завоевать себе свободу, не возлагая надежды на других!» [6].

Это была уже по сути национальная идея. Речь шла о государственности не ВКЛ, не Польши, а именно – Беларуси. Поскольку о полной независимости в то время не могло быть и разговора, речь шла о возможной автономии в рамках России.

К новому этапу в становлении национальной идентичности белорусов привело свершение Октябрьской революции. Пришедшие к власти большевики провозгласили политику национального самоопределения народов России. В марте 1918 г. в условиях немецкой оккупации на территории Беларуси национально-демократическими силами было объявлено о создании Белорусской Народной Республики (БНР).

Создание БНР стало свидетельством зрелости национального движения, сам факт её провозглашения оказал значительное влияние на развитие национального самосознания, хотя просуществовала она не долго. В это время «началось массовое создание белорусских школ, интенсивно действовала пресса, издательства, театральные коллективы. Всё это наилучшим образом подтвердило существование белорусского этноса, создавало условия для завершения процесса национальной консолидации, пролагало путь к созданию БССР» [7], которая и бала провозглашена 1 января 1919 г. В Советской Беларуси белорусский язык объявлялся государственным, началась белорусизация всех сфер общественной жизни. Однако такое положение продолжалось не долго. Уже в конце 1920-х и начале 1930-х гг. политика белорусизации была свёрнута. Руководство СССР, опасаясь националистических центробежных тенденций, взяло курс на интернационализацию социалистических наций, их культур, образа жизни в целом, что не могло не сказаться отрицательно на этнической идентификации народов, в том числе и белорусского народа. Вместе с тем невозможно отрицать, что в составе СССР все народы, национальные меньшинства достигли значительных успехов в развитии образования, науки, культуры в целом. Ни один народ не лишился своей идентичности. И, тем не менее, даже ныне по вопросу современной белорусской идентичности у специалистов нет единого мнения, существуют разные точки зрения.

Некоторые исследователи полагают, что поскольку белорусская нация в модернистском понимании ещё не сформировалась, то не может быть и разговора о национальной идентичности [8]. Известный социолог профессор Л.Г. Титаренко считает, что новая концепция белорусской национальной идентичности как отражение реальности сложилась к концу первого десятилетия нынешнего века. В основе её лежат такие базовые ценности, разделяемые всем народом Беларуси, как семья, благополучие, безопасность, стабильность, активная социальная политика, социальная справедливость и др. [9].

Многие учёные считают белорусскую нацию одной из самых молодых: «Белорусы стали одним из последних народов в Европе, вставших на путь национальной консолидации...» [10]. Причин этому немало. Во-первых, белорусы довольно поздно воссоздали свою государственность. Во-вторых, как уже отмечалось, их территория оказалась на стыке двух цивилизаций – Запада и Востока. Отсюда – поликонфессиональность: православие, католицизм, протестантство, униатство; противоречивое влияние двух культур: Польши и России. В-третьих, относительно позднее становление нового литературного языка (XIX–начало XX в.). Поэтому, как считают исследователи, в наши дни «в Беларуси полным ходом идет трудный процесс формирования национальной идентичности» [11].

С XIX в. существует «польская» версия этногенеза белорусов, согласно которой белорусы – это часть польского этноса, а белорусский язык является диалектом польского языка. С этого же времени известна западнорусская теория происхождения белорусов. Согласно этой теории, белорусы, несмотря на свои этнические и культурные особенности, рассматриваются как часть русской нации, а белорусский язык представляется наречием русского языка. Об этом ещё в 20-е годы прошлого века писал известный белорусский политический деятель и ученый А. Цвикевич: «Под «западно-русизмом» мы понимаем то течение в истории общественной мысли в Беларуси, которое считает, что Беларусь не является страной с собственной национальной культурой и не имеет поэтому права на самостоятельное культурное и политическое развитие, но что она

является культурно и государственно частью России и поэтому должна рассматриваться как один из её составных элементов. Представители этого течения стремились доказать, что Беларусь как «Западная Россия неразрывно связана с целым – «единой великой Россией» и что белорусы как одно из славянских племён органически входят в состав «единого русского народа» [12].

Кстати, положение о том, что белорусский язык не диалект польского или русского языка, а самостоятельная языковая система с собственной морфологией, синтаксисом, доказал ещё в конце XIX – начале XX в. известный российский филолог-славист, академик Е.Ф. Карский (1860–1931) в своём фундаментальном трёхтомном труде «Белорусы» [13].

Ныне теория западнорусизма является предметом научных дискуссий на постсоветском пространстве, ибо некоторые российские политики придерживаются подобной позиции и в наши дни, что, по сути, означает отрицание государственности белорусского народа, его национальной идентичности, национального суверенитета. О неприемлемости такого взгляда на нынешние взаимоотношения братских народов достаточно определённо высказался доктор исторических наук, профессор И.А. Марзалюк: «Пагубной, антинаучной и политически вредной, для реальной интеграции, является шовинистическая концепция, весьма популярная в среде российских националистов, о якобы искусственно разделённом в настоящее время на три части едином и неделимом русском народе. Для такой «теории» характерно полное отрицание национальной самобытности, языка и культуры белорусов и украинцев. Без изживания подобных взглядов в среде Российской элиты, морального моратория на их публичное тиражирование и озвучивание с высоких трибун и в прессе, реальное сближение и сотрудничество трёх братских восточнославянских народов будет неминуемо обречено на провал» [14].

Таким образом, на сегодняшний день, национальная идентичность белорусов является предметом довольно острых споров учёных-теоретиков и политиков-практиков. Для самих белорусов её суть раскрывается в чувствах принадлежности и приверженности своей стране – Беларуси, причастности к её жизни; общности с её народом, его культурой и историей. В

качестве её базовых компонентов можно выделить такие составляющие, как территориальную, этническую, гражданскую и культурную субидентичности. Это выделение обусловлено их распространённостью, актуализацией, устойчивостью в массовом сознании населения республики и тесной взаимозависимостью между ними.

Залогом успешного развития идентичности являются сохранение, прежде всего, самих носителей национальных традиций, языка, национальной культуры, национальных символов, национальной истории и, само собой разумеется, территории государства. В конечном итоге будущее белорусской идентичности зависит от усилия страны справиться с вызовами современности. Вместе с укреплением государства будет расти и уровень национальной идентичности.

Примечания

1. *Марзалюк И.А.* Беларусь – от этнической общности к нации. Истоки и генезис белорусской национальной идентичности // Государственность – национальная идея Беларуси. – М., 2016. – С. 47.

2. *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага светапогляду. – Мінск, 1993. – С. 8.

3. *Мельник В.А.* Политология: пособие. – Минск, 2014. – С. 276.

4. Большая Российская энциклопедия: в 35 т. – М., 2014. – Т. 25. – С. 456.

5. *Мельников А.П., Кульбицкая Л.Е.* К вопросу о сущности национализма / Вести Института предпринимательской деятельности. – 2016. – № 1. – С.84.

6. *Марзалюк И.А.* Указ. соч. – С. 47.

7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. – Т. 1. – Мінск, 1993. – С. 474.

8. *Водолажская Т.* К постановке проблемы белорусской идентичности / *Т. Водолажская*[Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <http://methodology.by/?P=693>. (Дата доступа: 20. 11. 2016).

9. *Титаренко Л.Г.* Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития // Философия и социальные науки. – 2010. – № 4. – С. 24 – 25.

10. *Терешкович П.В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XXв.: В контексте Центрально-Восточной Европы. – Минск, 2004. – С. 192; *Безнюк Д.К.* Современная белорусская идентичность: методологические и социальные реалии // Белорусская идея: история и реальность. Национально- государственная идентичность и общественные настроения

в странах Евразийского экономического союза: Сб. статей / Сост. П.В. Святенков. – М., 2016. – С. 73.

11. Данилов А.Н. Ему дано слышать голос своего народа // Государственность – национальная идея Беларуси. – М., 2016. – С. 14.

12. Цвікевіч А. “Западно-руссизм”: Нарысы Гісторыі і грамадскай мыслі Беларусі ў XIX і пачатку XX в. // Пасляслоўе А. Ліса. 2-е выд. – Мінск., 1993. – С. 7.

13. Карский Е.Ф. Белорусы. – Т. 2. – Введение в изучение языка и народной словесности. – Варшава. 1903. – С. 113–14.

14. Марзалюк И.А. Указ.соч. – С. 56.

О.В. Матвеев (г. Краснодар, Российская Федерация)

БЕЛОРУСЫ И РУССКИЕ В ГЛАЗАХ ДРУГ ДРУГА: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Как земляки и соседи, белорусы и русские пытались осмыслить своё место в истории и культуре не только на основе известных фактов своего прошлого и письменных источников, но и в контексте порой бессознательного обращения к фольклорной памяти, вековым традициям и верованиям. Создавая в своей картине мира этнокультурные портреты соседей, восточные славяне во многом осознавали самих себя, свою уникальность и своеобразие. При этом «свой» язык, «своя религия», «свои» обычаи мыслились единственно «настоящими» и «правильными».

Отношение к «чужим» отличалось двойственным характером. С одной стороны этнокультурный образ соседа содержал неприемлемые, опасные и почти потусторонние характеристики. С другой, именно в силу своей связанности с «иным» миром соседи наделялись полезными свойствами [1]. Фольклорно-мифологическая трактовка образов двух восточнославянских народов развивалась между притяжением и отторжением, сочетая противоречивые характеристики. Но именно в этой противоречивости заключена уникальность всего комплекса представлений друг о друге, вобравшего и культурное взаимовлияние, и мифологию соседства, и этносоциальное и

конфессиональное противостояние в драматические периоды истории взаимоотношений двух братских народов.

При всём многообразии взглядов на этническую историю белорусов наибольшее признание в научном мире получила концепция о происхождении белорусов, так же, как русских и украинцев, из единой древнерусской общности [2]. В период нахождения белорусских земель в составе Древнерусского государства происходило стирание различий между восточнославянскими племенами, а в повседневной жизни разделение отражало лишь локальную идентичность. Изменение характера идентичности происходит в XIII – XVI вв., когда, как полагают большинство исследователей проблемы белорусского этногенеза, часть этнической территории белорусов оказалась в составе Великого княжества Литовского и сложились условия для этнообразующих процессов [3]. Выход отношений русских и белорусов на уровень межгосударственного взаимодействия, оформление этнолингвистических, конфессиональных и обрядовых отличий, и, в то же время, консервация в условиях господства центробежных сил и феодальной замкнутости многих местных особенностей полоцких, турово-пинских, новогрудских, гродненских, берестейских земель способствовали формированию парадигмальной уставки «мы/они» [4]. О начале процесса стереотипизации свидетельствует появление этнонимов «москаль» и «литвин», которые первоначально появились как политонимы, обозначающие принадлежность к Московскому государству и к Великому княжеству Литовскому.

В то же время массовое бегство белорусских крестьян и мещан от панского угнетения в Россию свидетельствовало о живучести представлений о единстве с русским народом. Через всё устное творчество белорусского народа XVI–XVII вв. проходит мысль о «хорошем» русском государе. В сказках, пословицах, поговорках белорусские крестьяне и низы городского населения, по словам минского исследователя А.П. Игнатенко, «с большой теплотой повествовали о деятельности таких древнерусских, московских великих князей и русских царей, как Владимир Святославович, Александр Невский, Дмитрий Донской и особенно Пётр I, которые вели успешную борьбу против внешних врагов, много сделали для

укрепления и Расширения Русского государства. Великие же князья литовские короли Речи Посполитой или вообще не упоминались, или подавались как отрицательные персонажи» [5]. Стремление народных масс к воссоединению с Россией нашло отражение в широко бытовавшей в белорусских землях в XVII–XVIII вв., передававшейся из поколения в поколение и дошедшей до нас народной песне: *«Добра б нам было, / Счасна б нам было, / Калі б Русь уся, / Трымаючыся / Адной сілай, / Заадно была»* [6].

Трансформация политонимов в этнонимы происходит позднее, в конце XVIII – начале XIX вв., когда названия «москаль» и «литвин» наполняются этнокультурным содержанием [7].

Вхождение белорусских земель в состав католического государства Речи Посполитой, соперничество между последней и Россией за гегемонию на украинских и белорусских землях, бедствия войн и негативных перемен способствовали формированию предубеждений. В «Повести о приходе Стефана на град Псков», приписываемой псковскому иконописцу Василию, всё то, что лежит за рамками православной картины мина («агарянин», «литовский безбожный король», «лютеранской своей веры воин», контрастные противопоставления («На него (Бога) надемся и уповаем, не то, что ты, Обатура, в безбожной своей ереси не признаёшь его») служат созданию идейной доминанты о том, что «Литва» приравнена к таким же «нехристям» и «басурманам», как татары-мусульмане и немцы-лютеране [8].

При описании наступления войск Стефана Батория автор «Повести» обращается к мифологической образности и поэтике сказки: «Как лютый великий змей из великих пещер, он полетел к Пскову; с чудовищами своими летел он на Псков, словно искры огненные в тёмном дыму, и ещё не долетев, уже думал, что град Псков у него в утробе. Аспидов же своих и приближённых змей и скорпионов великий тот литовский король из утробы извергнутыми остатками хвалился насытить. И так все, как змеи на крыльях, летели к Пскову и высокомерием своим, как крылами, повалить его хотели, змеиными своими языками, как жалами, всех живущих в граде Пскове умертвить думали. Всё

ценное в нём хвалились вынести в своих адских утробах в свою Литовскую землю» [9].

В известной в Олонецкой губернии исторической песне подчёркивается связь Батория с мусульманством: «Степан земли Полоцкой / Собака царя Крымского», «самолучший татарин» [10]. В то же время белорусы приписывали «москалям» чародейские, вредоносные способности. Во время осады Полоцка в 1579 г. войсками Стефана Батория затяжные дожди считали результатом колдовства со стороны русского гарнизона [11].

Вхождение белорусских земель в состав России в результате разделов Речи Посполитой приводит к размыванию прежних этнокультурных границ. Возрастание контактов, особенно в районах смежного расселения вызвало как повышенный интерес к соседям, так и формирование стереотипов относительно другой общности [12]. В традиционной народной культуре образ любого этнически «чужого» может быть описан при помощи ряда ключевых позиций, по которым опознаётся «чужой» среди «своих»: это внешность, запах, отсутствие души, сверхъестественные свойства (способности к оборотничеству, магии и колдовству) «неправильное» с точки зрения местной традиции поведение (обусловленное «чужими» и, следовательно, неправильными ритуалами) [13].

Стереотипы белорусов зафиксировались в русской лексике, пословицах и поговорках, представленных в словаре В.И. Даля. Так относительно глагола «дзекать» составитель словаря отметит: «Произносить *дз* вместо *д*, как белорусы и мазуры», и иллюстрирует примерами и фольклора малых жанров: «Как не закаивайся литвин, а дзекнет. Только мертвый литвин не дзекнет. Разве лихо возьмет литвина, чтоб он не дзекнул» [14]. К моменту издания словаря В.И. Даля слово «литвин» уже вышло из употребления, сам составитель употребляет этнонимы «белорусы» и «мазуры», но в русских пословицах и поговорках характерная черта белорусских говоров ещё ассоциируется с «литвинами». Словарная статья «нацокать» иллюстрируется поговоркой: «Литвин нацокает, что и не разберёшь его» [15].

Отразилось в русской лексике и стереотип, связанный с питанием белорусов – «мякинники»: «Те, кто ест мякину. *Литвины мякинники*; вообще прозвище белорусов и посковичей»

[16]. В поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» белорусский крестьянин рассказывает: «Я дома в Белоруссии / С мякиною, с кострикою / Ячменный хлеб жевал».

Со второй половины XIX в., когда началось массовое распространение в белорусской крестьянской повседневности картофеля и блюд из него, складывается стереотипный образ «бульбаша», «любителя драников» [17].

В словаре В.И. Даля нашёл отражение ещё один народный, связанный с белорусами, стереотип: «Кол(в)тун – болезнь волос, которые связываются в неразделимые космы <...> литовский колтун, бран. литвин» [18]. Профессор Адам Мальдис писал о самосознании белорусского народа в начале XX в.: «Неужели и он не осознал, что имеет имя и род... Может быть и правда, что единственной чертой, которая отличала этого белоуса от других народов, был колтун на тёмной голове?» [19]. «Колтун в волосах» присутствует в описании белорусского крестьянина, пришедшего на заработки в стихотворении Н.А Некрасова «Железная дорога»: «Видишь, стоит, измождён лихорадкою, / Высокоро́слый больно́й белорус: / Губы безкровные, веки упавшие, / Язвы на тощих руках; / Вечно в воде по колено стоявшие, ноги опухли; колтун в волосах».

Одним из наиболее распространённых стереотипов в русском сознании в XIX в. было утверждение о недалёкости и даже невежественности белорусов. Возникновение данного стереотипа исследователи объясняют низким уровнем грамотности белорусского населения, большинство которого (93,8%) составляли крестьяне, и уровень грамотности которого не превышал 14,5% [20].

При этом во взглядах русских на белорусов отложилось устойчивое представление об особой «живучести» белорусов, умении приспособиться ко всем изменениям политической и религиозной жизни, врождённой «хитрости» и т.п. В белорусском населении Черниговской губернии подполковник М. Домонтович выделял следующие черты: «Необыкновенная сносливость во всякого рода лишениях, хитрость, замысловатость в ответах, притворство» [21].

Объяснить эту черту попытался А. Корева в своей книге о Виленской губернии: «Здесь крестьянин вообще редко

высказывает свои чувства, он привык глубоко их прятать в самом себе, так что часто он говорит и даже действует против своих убеждений, но это нельзя назвать лицемерием; скрытность эта выработалась веками, обязательная зависимость, сопровождавшая его от колыбели до могилы, убивала инстинкты самостоятельности. Боязнь и недоверие заставляли изменить понятия и убеждения и согласовывать их с обстоятельствами» [22].

В выстраивании белорусской традиционной культуры образа русского в XIX – начале XX вв. Ю. Борисёнок и В Лобач акцентируют внимание на представлениях о «москале» как одном из наиболее опасных чужаков. На основании сказочных и песенных сюжетов белорусского фольклора эти исследователи делают далеко идущий вывод: «Если в реальной жизни «вековые чаяния простого народа» не просматривались, то не имеет смысла искусственно поддерживать внешне привлекательный, но до крайности мифологизированный образ «великой дружбы» в прошлом» [23].

Однако фольклорная картина мира далеко не всегда совпадает с реальной. В белорусских сказках характеристика «москаля» относится не к этническому образу, а к субкультурной характеристике этого персонажа – к его солдатству. Поэтому правы исследователи, утверждающие, что сказочный «москаль» мог быть и белорусом, и украинцем, а связь с Москвой означает принадлежность к российской армии [24]. Имеется, считает, Ю. Чернявская и косвенное подтверждение этой мысли, поскольку в ряде сказок есть персонаж, называемый «расейцам» [25]. Это не солдат, и в отличие от сказочного Москаля, говорящего по-белорусски, его речь включает элементы белорусского языка. Сказочный Москаль не только не инородец, но и не иноверец. Это важно, поскольку до XX в. этнический и религиозный критерии идентичности во многом сливались. При анализе понятий свой / чужой в сказке следует учитывать ситуативность. Чужой может становиться Другим (в результате его освоения) и наоборот, свой может превращаться в Чужого [26].

Ю. Борисёнок и В. Лобач отмечают: «Несмотря на генетическое сходство двух этносов, реальные отличия в языке,

обычаях и ментальности были настолько выразительны, что «москаль» в глазах белорусского крестьянина соотносился скорее с inferнальной, враждебной сферой миропорядка. Так, в сказке «Небо и ад» он сам отказывается от загробной жизни в раю, выбирает ад, поскольку там есть водка и табак: «І астаўса маскаль у пекле, не хочэ ў небо, бо там вельмі ўсё светое...». В мифо-поэтической традиции белорусов «москаль» устойчиво соотносится с чёртом (нечистой силой), несмотря на то, что в отличие от «басурман» (евреи, татары) является христианином» [27]. Тем не менее, в белорусской сказке ангелы приглашают Москаля в рай: будь солдат грешником или обладай исключительно «нечистыми» характеристиками, приглашение было бы невозможно. Было бы странно, если бы белорусский мужик не подозревал Москаля в контактах с нечистой силой, ведь даже Своим: кузнецу, лекарю, рыбаку, охотнику традиционная культура приписывала «нечистый» компонент, связанный с обладанием нетрадиционным знанием [28].

Несмотря на культивацию оседлости, свойственной традиционной культуре, белорусский мужик нуждается в Москале как в поставщике новой информации. Поэтому Москаль, благодаря своей мобильности и инициативности, в белорусских сказках выполняет во многом роль культурного героя, обучает мужика практическим и полезным навыкам. Необходим Москаль мужику и в плане самопознания. «Он являет собой отчётливый образ другого, являющийся отправной точкой для идентификации крестьянина, – подчёркивает Ю. Чернявская – Поскольку именно солдат – наиболее яркий образ «перекати-поля», во многом благодаря ему оседлый крестьянин, мало сталкивающийся с «большим миром», более быстро осознаёт свою «тутэшасць» [29]. И далее: «В отличие от образа Чужого образ Другого не содержит резкого сущностного неприятия, вследствие чего задаёт возможность идентификации с позиции не противопоставления, а сопоставления. Именно благодаря этому у Другого можно учиться. Можно сказать, что Москаль и Мужик связаны принципом дополнительности: чего не хватает одному, того с лихвой у другого» [30]. С этим глубоким выводом можно только согласиться.

Польский исследователь Р. Радзик считает, что «белорусский православный крестьянин, даже перенимая русский язык, не осознавал себя русским. Частично это вытекало из отождествления русских с государственной властью, прежде всего с армией» [31]. При этом упускается из виду, что белорусы служили в Императорской армии, отстаивали и защищали единое Отечество. Если бы все они, возвращаясь домой, приобретали статус «москалей» (в белорусско-русском словаре И.И. Носовича 1870 г. одно из значений слова «москаль» – русский солдат [32]), «чужаков», растерявших «национальное самосознание», то от белорусского народа скоро ничего бы не осталось.

Характерно, что в белорусских рекрутских песнях народ с уважением и любовью относится к своему Царю – общенациональному символу русского народа в то время. В этих песнях солдаты откровенно говорят о своих нуждах Белому Царю: *«Вот, як беленьки цвяточак, едзець Белы Руски Царь, / Наш бацюшка Гасударь, / Здравствуй, здравствуй вам рабята, здравствуй дети мае...»* (Виленская губ, Вилейский уезд, Германишской вол. дер. Дровошев). В песне пинчуков, зафиксированной Д.Г. Булгаковским, говорится: *«Из-за саду, из-за зеленого / Выкатилось солнце, то наш батюшка, / То наш білы царь, / За собою веде силушку / Нэ большую, нэ малую»* [33].

В западнорусском фольклоре, как отмечал Е.Ф. Карский, «белый царь», «белый Русский царь», «биларускай царь», (в смысле белый – светлый, ясный, свободный), занимает особое место: *«Биларускайцарь всим царям ацец, / Ион дзяржиць веру хрысціянскую, / Хрысціянскую, багамольную, / Кали будзе время апаследняя / – Все цари-карали к яму приклонюцца»*.

Рекрутская песня, записанная в XIX в. в деревне Мальцы Диснейского уезда Виленской губернии, практически идентична подобным же рекрутским текстам, зафиксированным в Орловской губернии: *«Дзетки маи все родные, / Служки маи усе верные / Даи идзите-ж вы да в чистае поле / Да выломте-ж вы да на прутуку, / Да вазमितесь на жерабя – / Катораму выпадзиць у салдаты ици. / Да и выпало самому апаследняму»*.

Героическая военная история России нашла отражение в историческом фольклоре белорусов: в песнях о татарском и турецком полоне, преданиях о Северной войне и Отечественной

войне 1812 г. и других народных произведениях. Е.Ф. Карский выделяет в белорусских солдатских исторических песнях целый ряд сюжетов, характерных в целом для русского фольклора. Прежде всего, это песня, связанная с одной из самых загадочных страниц русской истории – смертью императора Александра I, следовала традиции песен-плачей по умершему монарху: «*Як у том садику стоит золотой гробик, / У золотому гробику лежит православный цар, / Коло того гробику стоить часовой солдат, / Силно призадумавши, слезно прозаплакавши...*» [34]. В другой песне речь идёт о царе Александре как военном предводителе: «*Цар Ликсандра у поход збирався / с войскою, да ён со своёй*» [35].

Не раз фигурирует «грап Паскевич», ведущий армию против турок. В другой песне, также имеющей аналоги в русском солдатском фольклоре [36], рассказывается, как И.Ф. Паскевич вёл армию против Варшавы: «*Ў трыццать первом году заявиў поляк войну / На Россеюшку на ўсю, на россыйскую сторону. / Ай, да князь Паскевич генерал / по ўсей вармии разъезжаў, / Его меч и булаў по ўсёй вармии блищаў... / Мы Аршавушку ўсю пройдем, у плен ёё забером*» [37].

Таким образом, традиционная культура двух восточнославянских народов в восприятии друг друга обнаруживает не непроходимые барьеры, а стыковые зоны непростого, но благотворного общения, создаёт условия для взаимообогащения и компромиссного существования в рамках единого этнокультурного пространства. Диалектика внутренней жизни мира традиционной культуры русских и белорусов, выражающаяся в сложном взаимодействии «своих» и «других», в итоге образует парадоксальное единство. Чем больше возникает предубеждений, заряженных энергией взаимоотталкивания, тем выше оказывается потребность в их смягчении и примирении.

Примечания

1. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. – М., 2005. – С. 7.
2. Белорусы / Отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. – М., 1998. – С. 63.
3. Там же. – С. 64.

4. Горбелева Е.А., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия белорусов в России // Известия Алтайского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. – Барнаул, 2012. – № 4–2 (76). – С. 68.
5. Игнатенко А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII в.). – Минск, 1974. – С. 71.
6. Там же.
7. Горбелева Е.А., Чернышов Ю.Г. Указ. соч. – С. 68.
8. Мочалов В. Польская тема в русских памятниках XVI в. // Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В.А. Хореев. – М., 2000. – С. 38.
9. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Сост., ред. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачёв. – М., 1986. – С. 424.
10. Живая старина. – 1906. – Вып. 3. – С. 130.
11. Борисёнок Ю., Лобач В. Восточный сосед: образ русского в белорусской традиционной культуре // Родина. – М., 2002. – № 7. – С. 48.
12. Горбелева Е.А., Чернышов Ю.Г. Указ. соч. – С. 69.
13. Белова О.В. Указ. соч. – С. 10.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. А–З. – М., 1981. – 434–435.
15. Там же. – Т. II. – И–О. – С. 493.
16. Там же. – С. 373.
17. Борисёнок Ю. От колтуна до граммофона. Динамика виталитивной культуры населения белорусских земель // Родина. Российский исторический журнал. – 2014. – № 12. – С. 66.
18. Даль В.И. Указ. соч. – Т. II. – И–О. – С. 143.
19. Цит. по: Борисёнок Ю. Указ. соч. – С. 64.
20. Горбелева Е.А., Чернышов Ю.Г. Указ. соч. – С. 69.
21. Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Черниговская губерния. Составил Генерального штаба подполковник М. Домонтович, действительный член Императорского русского географического общества. – СПб., 1865. – С. 533.
22. Корева А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. Составил Генерального штаба капитан А. Корева. – СПб., 1861. – С. 612.
23. Борисёнок Ю., Лобач В. Указ. соч. – С. 49.
24. Чернявская Ю. Белорусы: от «тутэйшых к нации / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск, 2010. – С. 207.
25. Там же.
26. Там же. – С. 174.
27. Борисёнок Ю., Лобач В. Указ. соч. – С. 47–48.
28. Чернявская Ю. Указ. соч. – С. 208.
29. Там же. – С. 213.

30. Там же. – С. 213.
31. Цит. по: *Борисёнок Ю., Лобач В.* Указ. соч. – С. 46.
32. *Насович І.І.* Слоўнік беларускай мовы. – Минск, 1983. – С. 291.
33. *Булгаковский Д.Г.* Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губернии Д.Г. Булгаковский // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1890. – Т. XIII. – Вып. 3. – С. 135.
34. *Карский Е.Ф.* Белорусы. В 3 томах. – Минск, 2007. – Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. – С. 385.
35. Там же.
36. Исторические песни / *Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева* (Б-ка русского фольклора; Т. 7). – М., 2001. – С. 310–314.
37. *Карский Е.Ф.* Указ. соч. – С. 385.

Н.М. Пурышева (г. Могилев, Республика Беларусь)

БЕЛОРУСЫ И ПОЛЯКИ: СТЕРЕОТИПЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Народы Беларуси и Польши связывает многовековая, очень противоречивая история взаимоотношений, в которой очень тесно переплелись дружба и противостояние, сходства и отличия, влияния и заимствования. История взаимоотношений белорусов и поляков важна для понимания судеб двух стран и их народов, и в настоящее время является значимым фактором политической жизни Европы. Белорусско-польское сотрудничество в разных сферах, несмотря на трудности и противоречия, имеет большой потенциал и нуждается в свежем, свободном от предвзятости отношении двух близких народов друг к другу.

На протяжении нескольких веков белорусы и поляки были связаны общей исторической судьбой, сосуществовая и взаимодействуя в рамках общих государственных образований: Первой Речи Посполитой, Российской империи, Второй Речи Посполитой. Длительное совместное существование обусловило складывание многочисленных и разнообразных взаимосвязей и

взаимодействий. Польская культура, как более развитая, долгое время доминировала надбелорусской, являясь своего рода донором. Польское культурное влияние захватывало, прежде всего, формирующуюся белорусскую интеллигенцию. Народная культура в гораздо меньшей степени была затронута этим влиянием. В то же время именно белорусская этническая культура являлась источником вдохновения для польских поэтов-романтиков XIX в. Белорусская тематика и фольклор использовались польскими поэтами и писателями и в начале XX в. Влияние польской литературы XIX – начала XX в. на литературу Беларуси трудно переоценить. Произведения А.Мицкевича, Б.Пруса, Ю.Словацкого, Г.Сенкевича, Э. Ожешко, С.Жеромского и др. оказали заметное влияние на творчество Я.Купалы, Я.Коласа, М.Танка, П.Пестрака, Я.Брыля и многих других белорусских поэтов и писателей XX в. Эстетические поиски и находки польских поэтов-авангардистов интересовали поэтов из «Маладняка» – крупнейшей белорусской литературной организации 1920-х гг.

Можно согласиться с польским исследователем Рышардом Радзиком, который утверждал, что в XIX в. «поляки не воспринимали беларусов как национально чуждое сообщество... Культурная разность начала восприниматься как национальная только в XX в., в связи с превращением политической (внеэтнической) идеи «польского народа» в культурно-языково-этническую и с возникновением беларусского национального движения» [1]. Деятели умеренного крыла польского общественно-политического движения поначалу поддерживали его, надеясь на союзнические отношения, но ярко выраженная социалистическая ориентация первых политических организаций беларусов разочаровала их. Примером совместной беларусско-польской культурной работы стало издание в 1912 г. польскоязычной газеты «Кур'ер краёвы». Газета была рассчитана на широкие круги польской общественности. На страницах издания много внимания уделялось «беларусскому вопросу». Публикации на «беларусскую» тематику должны были сформировать у читателя сочувственное отношение к проблеме национально-культурного возрождения беларусского народа.

В то же время составным элементом национальной традиции обоих народов был взаимный негативный стереотип, что было обусловлено конфессиональными и социально-классовыми противоречиями, разным уровнем культурного развития. Для поляков было характерно высокомерное отношение к «деревенской» белорусской культуре, в свою очередь, белорусы иронично-неприязненно относились к той системе этико-эстетических норм, которую обобщенно называют «польской шляхетностью». Негативные стереотипы через сознание белорусской интеллигенции, имевшей крестьянские корни, проникали в художественную культуру. Так, в ряде сатирических стихотворений Я.Купалы 1913–1914 гг. встречается образ «Ляха-Юды» – лицемерного друга Беларуси. Несомненно, что поэт имел в виду не польский народ в целом, а только националистически настроенную его часть. Общеизвестно, что Я.Купала, будучи выходцем из семьи белорусов-католиков, первые свои стихотворные опыты писал по-польски. Несмотря на периодически возникавшую межэтническую напряженность, неприязнь к полякам ни в начале XX в., ни в последующее время не стала стойким элементом формирующегося самосознания белорусов.

Существенное осложнение белорусско-польских культурных взаимоотношений произошло после того, как Польша восстановила свою государственность, а Беларусь боролась за ее обретение. Часть деятелей белорусского национального движения четко обозначила свои антипольские позиции, как, впрочем, и антироссийские. «Нам трэба адважна выступіць уновым паходзе народу, як нацыянальная адзінка, без якой бы сабе ні было апекі мацнейшага славянскага народу. Досыць мы ужо перакананы у тым, што злучнасць з якім бы сабе ні было славянскім, культурнейшым за нас народамі – шкадліва для нашага нацыянальнага адраджэння, бо кожны славянскі народ будзе лічыць за абавязак шукаць сваёй нібыта уласнасці на Беларусіі паутарыцца над намі старая гісторыя над «тутэйшымі людзьмі», – писала в 1918 г. газета «Беларускі шлях» [2]. Представляется, что здесь речь идет не только о выборе политической ориентации, но и о стремлении к культурному сепаратизму.

Другая часть белорусской интеллигенции связывала свои политические и культурные проекты польским государством. При этом они апелировали к историческим традициям белорусско-польских культурных связей. Эти настроения, которые идеализировали как прошлое, так и настоящее, выразила газета «Звон», приветствуя в 1919 г. приезд Ю. Пилсудского в Минск: «Мы добра ведаем, што і Касцюшку, і Міцкевича, і паустанцаў – адным словам, увесь польскі рамантызм...дала Польшы беларуская зямля. На беларускай зямлі вырас і Пилсудскі...Тое, што зрабіў Пилсудскі, ставіць яго імя разам з успомненымі людзьмі, што выгадаваліся на беларускай зямельцы на гонар Польшчы. Але мы спадзяемся, што для Беларусі імя Пилсудскага будзе яшчэ больш значным і слаўным...Мы хочам верыць, што ён, гэты рыцар з Захаду, не на тое завалодаў сэрцам Беларусі, каб яе скрыўдзіць, але каб падняць з заняпаду зачараваную князёуну у сялянскіх шатах, каб вярнуць ёй адвечны пасады яе, каб памагчы утварэнню незалежнай і непадзельнай Беларусі» [3]. Как показали последующие события, эти надежды оказались иллюзорными. Злоупотребления польских войск на территории Беларуси в период советско-польской войны 1919–1920 гг. вызывали у местного населения страх перед возвращением «власти панов» и, как следствие, способствовали нарастанию антипольских тенденций. Политика польских оккупационных властей способствовали актуализации уже существовавшего в массовом сознании негативного стереотипа Польши и поляков. Это обстоятельство на протяжении 1920–1930-х годов использовала белорусская печать, как советская, так и эмигрантская, создавая негативный образ соседнего государства[4].

1920 – 1930-е гг. XX в. являются, пожалуй, самым сложным и неоднозначным периодом в истории белорусско-польских взаимоотношений. Прежде всего, эти взаимоотношения определялись политическим фактором. Политическое противостояние Польши и СССР, с входившей в его состав БССР, неконструктивная национально-культурная политика польских властей в Западной Беларуси создавали напряженность во взаимоотношениях белорусской и польской культур. Именно эта негативная сторона белорусско-польских культурных

взаимоотношений получила наиболее полное освещение в отечественной исторической науке, в историко-культурных публикациях. До настоящего времени в белорусской историографии доминирует односторонний взгляд на взаимоотношение белорусской и польской культур в Западной Беларуси. Традиционная интерпретация сводится к описанию и осуждению политики денационализации и полонизации края. Однако факты свидетельствуют, что здесь происходили более сложные культурные процессы. Представляется, что взаимодействие белорусской и польской культур необходимо рассматривать на двух уровнях: государственной политики и повседневной жизни.

Общеизвестно, что политика польских властей в Западной Беларуси препятствовала свободному развитию культуры белорусского народа. Широкую известность в 1920-е гг. получило высказывание одного польского политического деятеля о том, что за 50 лет никаких белорусов в Польше не будет, что всех белорусов в Польше можно будет посадить на один диван[5]. На недалновидность, порочность и опасность такой политики указывали как белорусские, так и польские политические деятели, представители творческой интеллигенции. В 1930-е гг. депутат польского сейма В. Пэлчинская предлагала перейти от политики запретов и репрессий к сотрудничеству с белорусскими политическими и общественными организациями, предоставив им возможность работать легально[6]. С явным сожалением о негибкости польской правительственной политики в отношении Западной Беларуси отзывалась белорусская поэтэсса Л.Гениюш: «Ужо не гаварылася – Беларусь, а «усходнія крэсы», а народнасць проста пісалі: тутэйшыя. А ці не разумней, не лепей было б для іх і для нас быць людзмі й дэмакратамі у супольнай дзяржаве, але дарма тут было апеляваць да розуму» [7]. Следует отметить, что интерес к белорусской культуре и ее деятелям среди широких кругов населения предвоенной Польши был невысок. Имело место и высокомерное, пренебрежительное отношение. Белорусский певец М.Забейда-Сумицкий вспоминал, что исполнение им на концертах в Варшаве белорусских народных песен было встречено насмешками. В то же время

певец с благодарностью писал о помощи, которую оказали ему деятели польской культуры, когда он оказался без работы [8].

Характер белорусско-польских культурных взаимоотношений в рамках Польского государства в 1920–1930-е гг. определялся, прежде всего, неравноправным положением белорусской культуры. В иных условиях развивались белорусско-польские культурные взаимоотношения в БССР. Здесь польское население составляло национальное меньшинство. По переписи 1926 г. на территории республики проживало 97,5 тыс. поляков, что составляло всего лишь 1,9 %. Подавляющее большинство польского населения в БССР (79,8%) проживало в сельской местности, меньшая часть (20,2%) – в городах. При этом они занимали второе место после евреев по уровню грамотности (50%)[9].

Национальная политика, проводившаяся в БССР в 1920-е гг., учитывала этнокультурные потребности польского населения, но проводилась в нужном для государства направлении. Для руководства национально-культурной работой среди поляков при ЦК КП(б)Б было создано Польское бюро. Польскоязычные учебные заведения находились в ведении Польского бюро Народного комиссариата просвещения БССР. Учительские кадры для польских школ готовились в польском педагогическом техникуме, который открылся в 1923 г. и на польском отделении педагогического института в Минске. В 1926/27 учебном году в республике работало 138 польских школ, из них – 127 начальных и 11 семилеток[10]. В Белгосуниверситете работала кафедра польского языка, а при педагогическом факультете – польская секция. В БССР выходили польскоязычные периодические издания, издавалась учебная, научно-популярная и художественная литература, в 1927–1936 гг. работал польский театр. Небольшая группа польских поэтов и писателей на правах национальной секции входила в Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей (БелАПП). Вся эта масштабная работа была направлена на «советизацию» польского населения БССР.

Наряду с предоставлением весьма широких возможностей для развития национально-культурной жизни, в политике по отношению к полякам постоянно присутствовали настороженность и недоверие. Это было связано, прежде всего, с

традиционно тесными взаимоотношениями польского населения костела. Кроме того, сказывалась периодически обострявшаяся напряженность в советско-польских отношениях. Исторически сложившийся негативный образ поляка-пана в сознании белорусского крестьянства также давал себя знать. Это обстоятельство нашло отражение в воплощении образов поляков в первых белорусских художественных фильмах «Лесная быль» (1926 г.) и «Кастусь Калиновский» (1927 г.). Концепция этих, несомненно талантливых, лент основывалась на классовом подходе и все герои «чуждого» происхождения являлись отрицательными персонажами, но образам польских аристократов и католическим священникам придавались особо негативные черты: хитрость, склонность к интригам, мстительность, заносчивость, неискренность и т.д. [11]

Очень интересный материал о взаимном восприятии белорусов и поляков содержат региональные архивы. Так в докладе уполномоченного по работе с польским населением Мстиславского района содержится яркая характеристика жизни польского населения на крайнем востоке Белоруссии в 1925 г. Мстиславщина с начала 1919 г. и по 1924 г. находилась в составе РСФСР. В результате так называемого первого укрупнения БССР в 1924 г. регион был передан в состав Советской Белоруссии. В районе проживало около 1 тысячи поляков, около 300 человек жили в г. Мстиславле, остальные – в сельской местности. При этом 90% из них охарактеризованы как зажиточные хозяева. В тексте доклада дается такая социокультурная характеристика: «Молодежь совершенно не умеет разговаривать по-польски. Польский язык – это язык праздничный, костельный и употребление его в жизни нигде не встречается» [12].

Довольно острой и болезненной была проблема языка обучения детей белорусов-католиков. В быту они, как правило, говорили по-белорусски, а религиозные обряды, как и их родители, отправляли на польском языке. Наркомпрос БССР в 1924 г. обязал обучать эту группу детей на белорусском языке, а польский преподавать как предмет [13]. Польско-белорусская школа была создана в Мстиславском районе, и сначала в нее записалось 25 человек, но потом, как следует из доклада, «убедившись, что дух ее революционный и антирелигиозный –

часть отпала, остались дети передовых середняков и бедняков» [14]. Представители старшего поколения польского населения хранили костельные традиции, а молодежь пренебрегала ими и, как писал автор доклада, «перестала считать себя поляками, а прямо белорусами» [15]. Однако это не мешало местной польской молодежи ощущать себя элитой. Приведем красноречивую цитату из вышеупомянутого доклада с сохранением оригинальной орфографии: «Все эти группы pochodят с былой шляхты, что дает им и сейчас очень много гордости, например, на вечер устраиваемый поляками никто из крестьян не смеет ити под стахом выбиения зубов. Поляки говорят: Это мужицкая кровь, мы – шляхта» [16].

Подъем в национально-культурной жизни в БССР в 20-е гг., способствовал активизации интереса белорусской научной и художественной интеллигенции к польской культуре. Институт белорусской культуры (с 1929 г. Белорусская Академия Наук) являлся основным центром сбора и изучения польского фольклора на территории республики. Польская художественная культура традиционно привлекала внимание белорусской творческой интеллигенции. Особенно пристально следили за достижениями современной польской литературы члены белорусской литературной организации «Узвышша». По заданию редакции журнала белорусский поэт Я.Пуца подготовил и опубликовал литературно-критический обзор творчества Ю.Тувима. В 1920-1930-е гг. успешно развивалась и такая форма культурного взаимодействия как литературный перевод. Я.Купала переводил на белорусский язык произведения А.Мицкевича, М.Конопицкой, В.Сырокомли, В.Броневского. Переводами польских поэтов занимались М.Лужанин, Ю.Гаврук, С.Шушкевич и др. На сценах белорусских театров ставились спектакли по произведениям Э.Ожешко, С.Жулавского, А.Фредра.

Административные мероприятия по вытеснению национально-демократических элементов и установлению пролетарской гегемонии в национальной культуре, проводившиеся в БССР с конца 1920-х гг., коснулись и польской культуры. В 1930-е гг. возможности для развития белорусско-польских культурных взаимоотношений значительно сузились. Резкое ухудшение советско-польских отношений во

второй половине 1930-х гг. самым непосредственным образом отразилось на позициях польской культуры в БССР. В 1936 г. был расформирован польский государственный театр. В 1937 г. постановлением СНК БССР на территории республики был ликвидирован и преобразован в белорусские целый ряд польских культурных учреждений. Среди них: педагогический и дошкольный техникумы в Минске, польский отдел Пушкинской библиотеки, отделение издательства польской литературы при Белгосиздате, 23 детских сада, 65 начальных и средних школ. В частности, закрытие школ объяснялось тем, что в них «прымусова навучаліся на польскай мове беларускія дзеці» [17]. Эта акция, чем бы она ни мотивировалась, в итоге способствовала нарастанию межнациональной неприязни и вносила деструктивный элемент во взаимоотношения белорусской и польской культур. В средствах массовой информации, в художественных произведениях в 1930-е гг. формируется образ поляка-реакционера, клерикала, врага советской власти независимо от классовой принадлежности. Следует отметить, что для большей части белорусов в то время такой образ поляка был понятен и принимался.

Первая половина XX в. была сложным и драматичным периодом в истории белорусско-польских культурных контактов. Для этого периода было характерно переплетение позитивных и негативных тенденций во взаимном восприятии и культурных взаимоотношениях обоих народов. Интенсивность и формы культурных взаимодействий во многом зависели от политического фактора, а в отдельные периоды и определялись им. Опыт и достижения белорусско-польских культурных взаимоотношений первой половины XX в. необходимо учитывать в новой историко-политической реальности.

Примечания

1. *Радзік Рышард*. Палякі – беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX-XX ст. (да 1939 г.) // *Беларускі гістарычны агляд*. – Т. 4 (1997 г.). – Сшыткі 1-2. – С. 35.

2. Цит. по: *Мазец В.* За сваё кроўнае // *Маладосць*. – 1994. – № 5. – С.230.

3. Цит. по: *Астрога В., Скалабан В.* Пiлсудскi ў Менску. Хронiка аднаго вiзiту // Спадчына. – 1998. – № 4. – С. 34–35.
4. *Кротаў А.* Беларускi стэрэатып польскага народу // Беларуская мiнуўшчына. – 1996. – № 4. – С. 16-20.
5. *Рагуля В.* Успамiны // Спадчына. – 1994. – № 4. – С. 110.
6. *Вабiшэвiч А.* Нацыянальная школа ў Заходняй Беларусi (1921–1939 гг.) // Беларускi гiстарычны часопiс. – 1994. – №2. – С. 45.
7. *Генiюш Л.* Выбраныя творы. – Мiнск: Беларускi кнiгазбор, 2000. – С. 237.
8. *Забэйдэ М.* Мастацтвам за мiр/ На суд гiсторыi: Успамiны, дыялогi. – Мiнск: Мастацкая лiтаратура, 1994. – С. 196–197.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 15. – Оп. 28. – Д. 22. – Л.157.
10. Там же. – Л. 154.
- 11 Гiсторыя кiнамастацтва Беларусi. У 4 т. – Т.1. – 1924–1959 гг. / *А.В. Красiнскi.* – Мiнск: Беларуская навука, 2001. – С. 37-38.
12. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМО). – Ф. 41. – Оп. 1а. – Д. 51. – Л.36.
13. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии: Сб. документов. Ч.1. 1918–1928 / *Сост. Н.С. Сташкевич и др.* – Минск: Беларусь, 1990. – С.111.
14. ГАООМО. – Ф. 41. – Оп. 1а. – Д.51. – Л. 37.
15. Там же. – Л. 38.
16. Там же. – Л. 38об.
13. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 123. – Оп 1. – Д. 76. – Л. 31–33.

В.Н. Ракачев (Краснодар, Российская Федерация)

ОБРАЗ БЕЛАРУСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН И БЕЛОРУСОВ: ОПЫТ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наши представления об окружающем мире в значительной степени стереотипизированы и стереотипы как особая форма сознания, упрощают и схематизируют информацию о внешнем мире и позволяют легко ориентироваться в нем. Разновидностью стереотипов выступает этнический стереотип – национальный образ народа, который наделен определенными качествами, достоинствами и недостатками. Этот образ зачастую определяет характер межэтнического взаимодействия.

Сегодня, когда формируется единое экономическое пространство России и Беларуси, выстраивается национальная стратегия во взаимоотношениях с ближними и дальними соседями, особый интерес приобретает изучение национальных образов и механизмов их постижения, играющих ведущую роль в интеграции, характере и направленности межнациональных взаимодействий. Исследование этих механизмов в истории и на современном этапе может способствовать выработке модели взаимоприемлемого поведения, культуре межнационального общения двух восточнославянских стран.

Для изучения стереотипов россиян и белорусов нами был использован метод неоконченных предложений. Респондентам предлагалось продолжить 10 предложений начинающееся словами «Беларусь – это ...» направленных на выявление представлений респондентов о Беларуси в виде своего рода авто и гетеростереотипа. Исследование проводилось в 2014 г. в Краснодаре и Минске в рамках реализации совместного российско-белорусского проекта «Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания», подготовленного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-23-01002а(м) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект № Г12Р-009. Выборочная совокупность в исследовании представлена двумя блоками выборки – российской – 800 чел. и белорусской – 700 чел.

Выбор метода неоконченных предложений в качестве инструмента выявления стереотипного образа обусловлен, прежде всего, тем, что он позволяет получать реакции, в которых проявляются неосознаваемые, но значимые для человека области переживаний и поведения. Предполагается, что, продолжая предложение без дополнительных стимулов, респондент воспроизводит определенный ассоциативный ряд, который включает в себя как стереотипы, так и факты из личного жизненного опыта.

Используя данный метод, мы получили следующую структуру образа Беларуси, существующего в представлениях россиян, включающую в себя семь основных компонентов:

Компонент 1 – объединяет элементы, отражающие природно-

климатические и географические особенности Беларуси (лес, природа, города, ресурсы, территория, географическое положение).

Компонент 2 – совокупность элементов, связанных с политико-правовыми аспектами белорусского государства (президент Лукашенко, политический режим, уровень развития государства, социальное государство, союзные отношения с Россией).

Компонент 3 – включает набор элементов, характеризующих экономику Беларуси (экономическое сотрудничество с Россией, белорусские товары, уровень экономического развития).

Компонент 4 – совокупность элементов, связанных с этнокультурными особенностями белорусского народа, качествами, чертами характера, присущими жителям Беларуси (этническая характеристика, этническая (славянская) общность с русским народом, черты характера, качества белорусов).

Компонент 5 – объединил элементы, характеризующие культуру и искусство Беларуси (музыкальная культура, спорт, архитектура, культурное наследие).

Компонент 6 – включает элементы, связанные с историческим прошлым Беларуси (Великая Отечественная война, СССР, историческое единство России и Беларуси, культурно-историческое наследие).

Компонент 7 – объединил личные оценки, отношения, интенции респондентов в отношении Беларуси (желание побывать, место, где был, симпатии, антипатии).

Интенсивность проявления компонентов отражает структуру соответствующего образа в сознании респондентов. Преобладание одних компонентов, второстепенность других, как было отмечено выше, позволяет выделить содержательное ядро и периферию стереотипного образа. Для оценки интенсивности проявления компонентов нами были рассчитаны частоты их встречаемости по всей выборке. Анализ характера распределения этих частот позволил сделать вывод о том, что ядро образа составляют три компонента – 2, 3 и 4. Это соответственно политико-правовые, экономические и этнокультурные характеристики. Остальные компоненты служили для описания периферии образа.

Характеризуя внутреннее содержание компонентов,

составивших как ядро, так и периферию образа, необходимо отметить, что оно достаточно однородно, число составивших их элементов незначительно. Это свидетельствует о достаточно высокой степени согласованности стереотипа (т.е. высокая степень единства представлений среди членов стереотипизирующей группы, относительно определенных свойств и качеств представителей другой группы), что собственно и позволяет отнести выделенные респондентами характеристики к стереотипным. Кроме того, такая ситуация свидетельствует об устойчивости стереотипного образа Беларуси и белорусов в представлениях россиян, поскольку выборка включала различные возрастные группы. Вместе с тем, наблюдается определенная динамика стереотипного образа в зависимости от возраста респондентов, которая проявляется в его направленности (преобладании позитивных или негативных характеристик), содержании (наборе приписываемых качеств), структуре (степень распространенности определенных компонентов между ядром образа и его периферией).

Остановимся подробнее на содержании компонентов, составляющих ядро стереотипного образа Беларуси и распределении, составляющих их элементов. Компоненты, составившие ядро образа, представлены примерно равными долями. Вместе с тем и среди них выделяются определенная доминанта – это Компонент 3 (включающий набор элементов, характеризующих экономику Беларуси), доля отнесенных к нему предложений составляет 27,5% от общего числа. Затем с незначительным отрывом следует Компонент 2 (объединивший элементы, связанные с политико-правовыми аспектами белорусского государства) – 27,2%. На долю Компонента 4 (качества белорусов) пришлось 18,6% предложений.

Таким образом, респонденты-россияне ассоциируют и представляют Беларусь, прежде всего, через ее экономику, политику и народ.

Внутреннее содержание компонентов так же неоднородно. Среди составивших их элементов явно выделяются по частоте упоминания одни, и лишь изредка другие. Такую же ситуацию мы наблюдаем и в отношении элементарных смысловых обоснований. Это позволяет нам определить степень

согласованности в отношении тех или иных характеристик, приписанных качеств. Наибольшая степень согласованности проявляется в таких элементах как белорусские товары (14,4%), качества белорусов (13,5%), политико-правовой режим (10,5%), президент Лукашенко (8,7%), уровень экономического развития (8,4%). Среди составивших их элементарных обоснований с равной частотой абсолютно лидируют «Лукашенко» и «картошка» и с некоторым отрывом от них «братский народ», «доброта» и «дружелюбие».

В этнических стереотипах важное значение имеет убежденность в соответствующем знании и его эмоциональное наполнение. Формируясь в под влиянием этнокультурных контактов, межэтнические установки закрепляют эмоционально-оценочное отношение как к другим этническим группам, так и к своей, вследствие чего межэтнические установки, в том числе и стереотипы, оказываются «пристрастными». И именно поэтому для нас в исследовании важным параметром при измерении стереотипа Беларуси и белорусов была степень их эмоциональной насыщенности, их «позитивности» и «негативности».

На основе эмоционального компонента стереотипа в исследовании вырисовываются два противоположных образа Беларуси – «позитивный» и «негативный». По степени интенсивности, по частоте указанных характеристик в целом преобладает «позитивный» образ. Однако в отдельных компонентах и элементах присутствует и «негатив».

Содержание «позитивного» образа можно передать с помощью таких типичных элементарных обоснований как «развитая экономически страна», «демократическое государство», «социальное государство», «союзник России», «братский, дружественный народ». «Негативный» образ преимущественно транслируется посредством таких содержательных характеристик как «отсутствие свободы», «низкий уровень жизни», «слаборазвитая экономика».

В целом можно отметить, что восприятие россиянами Беларуси как страны и белорусов как народа носит позитивный характер, а сам стереотипный образ согласован и весьма устойчив.

Результаты гетеростереотипного описания русскими белорусов можно дополнить сравнением с автостереотипным

образом, составленным с помощью того же метода неоконченных предложений респондентами-белорусами.

В структуре автостереотипного образа также было выделено то же число компонентов, т.е. семь ключевых сфер, посредством которых раскрывается данный образ.

Так компонент 1 – природно-географические условия включает в себя 6 элементов – природа, ресурсы, географическое положение, населенные пункты, экология.

Компонент 2 – политико-правовой объединяет 5 элементов – президент, политический режим, форма устройства, направления политики, безопасность.

Компонент 3 – экономический включает так же 6 элементов – финансы/цены/зарплаты; промышленность/производство/товары; уровень развития страны, порядок, сельское хозяйство, социальная сфера (медицина, образование и т.д.).

Компонент 4 – этнонациональный состоит всего из трех элементов – национальный характер, национальные особенности, символы.

Компонент 5 – культура и искусство объединил всего три элемента – искусство, спорт, достижения культуры.

Компонент 6 – историческое прошлое, так же включает всего три элемента – древняя история, новейшая история, отношение к истории.

Наконец компонент 7 – личные оценки, интенции включает наименьшее число элементов – родственные связи, отношение к стране, стремления и замыслы.

Распределение элементарных оснований по компонентам относительно равномерно. Среди компонентов четыре выделяются в качестве базовых, собственно они и образуют ядро образа, это природно-географический (17,5%), политико-правовой (23,9%), социально-экономический (22,2%) и этнонациональный (22,2%). В то же время эти компоненты внутри дифференцированы в наибольшей степени, тогда как оставшиеся компоненты, включившие наименьшее число элементарных оснований внутренне более однородны.

При сравнении гетеро- и автостереотипов белорусов и представлений о Беларуси можно отметить, что компоненты, составляющие их ядро, практически совпадают. И в авто- и в

гетеростереотипе ядро образа составили социально-экономический, политико-правовой и этнонациональный компоненты. То есть и в представлениях русских о белорусах и Беларуси и в представлениях самих белорусов о себе и своей стране в основе лежат экономические, политические и этнокультурные образы и представления.

В то же время периферия образа Беларуси в авто- и гетеростереотипе несколько различается. Так у россиян среди компонентов периферии при описании Беларуси и ее жителей преобладают описания связанные с историей и культурой Беларуси, а у белорусов личные характеристики и отношения к своей стране, а затем история.

В историческом компоненте так же с содержательной точки зрения наблюдаются заметные отличия. У россиян история Беларуси, прежде всего, ассоциируется с советским периодом, Великой Отечественной войной, героизмом партизан и защитников Брестской крепости. В автостереотипе белорусов исторический компонент включает в себя, прежде всего, упоминания об исторических корнях и связях с Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой, гербом «Погоня».

Компонент, содержащий личные оценки и отношения значительно больше у белорусов и преимущественно содержит указания на родственные отношения, на родину, место рождения, что, в общем-то, вполне объяснимо и закономерно. У россиян же в личных отношениях и оценках фигурируют в первую очередь наличие знакомых и друзей и желание посетить страну.

В целом можно отметить достаточно высокий уровень согласованности в содержании образа Беларуси на основе сопоставления авто- и гетеростереотипов, что в свою очередь может говорить об истинности стереотипа.

Я.В. Ракачева (Краснодар, Российская Федерация)

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ И РОССИЯН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУСОВ

Одним из эффективных методов в исследовании

стереотипного образа является метод семантического дифференциала. Он относится к числу проективных процедур, особенность которых заключается в том, что стимулирующая ситуация приобретает смысл не в силу объективного содержания, но по причинам, связанным с субъективными наклонностями испытуемого, т.е. вследствие субъективированного личностного значения, придаваемого ситуации респондентом.

Именно эта специфика данного теста делает возможным ее применение в изучении этнических стереотипов: поскольку стереотип, в сущности, не имеет объективного содержания, а лишь то «личностное значение», которое вкладывает в него индивид.

Тестируемые объекты оцениваются по ряду бимодальных шкал, полюса которых обычно задаются вербально при помощи антонимов: хороший – плохой, теплый – холодный, активный – пассивный и т.п. Предполагается, что человек способен оценить изучаемый объект, соотнося интенсивность внутреннего переживания по поводу объекта с заданной оценочной шкалой в 7 баллов. Деления шкалы фиксируют различные степени данного качества объекта – от максимальной до минимальной выраженности. Шкалы, коррелирующие между собой, группируются в независимые факторы, образующие семантическое пространство.

При помощи данной методики определяется эмоционально-личностное отношение человека к некоторому другому объекту. Семантический дифференциал применяется в исследованиях, связанных с изучением психологии восприятия и поведения человека, с анализом социальных установок и личностных мотивов. В нашем исследовании использовалась модификация семантического дифференциала, разработанная З.В. Сикевич [1] для измерения и оценки этнических стереотипов. Степень выраженности того или иного качества в рамках биполярной шкалы оценивается семью баллами.

Если респондент положительно оценивает объект, его оценка будет приближаться к позитивному полюсу, т.е. иметь численное выражение «5», «6» или «7» баллов. Если испытуемый, напротив, склонен к негативному оцениванию объекта, его оценка будет смещаться к «минусу» и принимать числовое выражение «3», «2»

или «1».

Таким образом, 7 – максимальная степень выраженности «положительного» признака, 1 – максимальная степень выраженности «отрицательного» признака, 4 же представляет собой середину шкалы, т.е. некоторое равновесие полюсов. Суммируя средние баллы по каждой из пар, мы получаем среднюю оценку по всем включаемым в тест признакам и, следовательно, в нашем случае общую соотносительную (положительную или отрицательную) направленность стереотипа, и, косвенно, «знак» этнических отношений.

В российских исследованиях семантический дифференциал адаптирован для сравнительного оценивания, во-первых, этнических групп (т.е. «нас» и «не-нас») посредством авто- и гетеростереотипов, во-вторых, государств, в которых проживают эти группы. Во втором случае речь идет не столько об этностереотипах, сколько о социально-политических стереотипах, которые, тем не менее, взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Данный метод был применен нами для оценки содержания и направленности стереотипного образа России и россиян в представлениях белорусов. Исследование проводилось в 2014 г. в Краснодаре и Минске в рамках реализации совместного российско-белорусского проекта «Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания», подготовленного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-23-01002а(м) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект № Г12Р-009. Выборочная совокупность в исследовании представлена двумя блоками выборки – российской – 800 чел. и белорусской – 700 чел.

Полученные результаты с использованием метода семантического дифференциала так же позволяют говорить о существовании положительного этнического стереотипа русских в представлении белорусов. Средний балл по всем шкалам составил 5,1, т.е. стереотипный образ России и россиян носит позитивных характер. В семибальной шкале данный показатель занимает срединное положение в позитивном континууме от 4 до 7. В то же время анализируя отдельные шкалы можно отметить,

что показатели по некоторым из них смещены в негативный континуум или приближаются к нейтральным оценкам.

Баллы по всем 21 биполярным шкалам положительные. В то же время максимально позитивные оценки респонденты дали русским в таких семантических парах как «друзья/враги», «общительные/необщительные», «сильные/слабые», «с чувством собственного достоинства/без чувства собственного достоинства», «свободолюбивые/покорные».

Минимальные оценки были даны в таких парах как «уважающие законы/не уважающие законы», «интернационалисты/националисты», «индивидуалисты/коллективисты», «трудолюбивые/ленивые», «счастливые/не счастливые».

Таким образом, гетеростереотип русских/россиян содержит следующие характеристики: «общительные», «друзья», «свободолюбивые», «с чувством собственного достоинства», «сильные», «развитые», «союзники, но при этом слабо уважают законы», «националисты», «ленивые», «коллективные».

Наименьшие оценки были даны респондентами по таким биполярным шкалам – уважающие законы/не уважающие законы (4,2), интернационалисты/националисты (4,4), индивидуалисты/коллективисты (4,4) и трудолюбивые/ленивые (4,5). Показательно, что эти же качества фигурируют и в стереотипе, выявленном с помощью метода неоконченных предложений и выступают составляющими негативного образа России.

К нейтральным приближаются показатели по таким шкалам как инициативные/безынициативные (5,0), счастливые/несчастливые (4,6), деловые/беспечные (4,9), нравственные/беснравственные (4,8), виролюбивые/воинственные (4,8).

В целом подавляющее большинство качеств, через которые белорусы оценивают и воспринимают Россию и россиян положительные, что формирует общую позитивную направленность стереотипа. Однако все же стоит отметить, что стереотип смещен от крайне позитивного полюса к нейтральному центру.

Для сравнения приведем данные по изучению

автостереотипного образа белорусов, выявленные с помощью того же метода. Он так же имеет положительную направленность. Однако средний балл автостереотипа белорусов несколько меньше, чем средний балл гетеростереотипа россиян/русских и составил 5,0 (для русских 5,1). Максимально положительные оценки получили такие качества, которые выделяют белорусы по отношению к себе как дружелюбность, патриотичность, чувство собственного достоинства, добрососедство, союзничество, общительность, силу и любовь к свободе.

Наименьшие оценки получены по таким шкалам как индивидуалисты – коллективисты (4,0), уважающие законы – не уважающие законы (4,26), бедные – богатые (4,37), интернационалисты – коллективисты (4,38), счастливые – несчастные (4,48).

Показательно, что в автостереотипном описании оценки так же не опускаются ниже нейтрального показателя, т.е. фактически все характеристики оцениваются в положительном континууме.

Сравнивая автостереотип белорусов и их гетеростереотип в отношении россиян/русских, можно отметить следующие особенности. В целом по абсолютному большинству показателей в обоих образах оценки очень близки или практически совпадают (таблица 1).

Таблица 1

Представления белорусов о русских/россиянах и о себе

Качества	Русские	Белорусы
Миротлюбивые – воинственные	4,8	4,9
Духовные – бездуховные	5,1	5,3
Союзники – соперники	5,5	5,7
Развитые – отсталые	5,5	4,9
Открытые – закрытые	5,3	5,2
Общительные – замкнутые	5,7	5,6
Сильные – слабые	5,6	5,5
Индивидуалисты – коллективисты	4,4	4,0
Добрососедские – враждебные	5,3	5,5
Патриоты – не патриоты	5,4	5,5

Друзья – враги	5,7	5,7
Нравственные – безнравственные	4,8	4,8
Богатые – бедные	4,9	4,4
Трудолюбивые – ленивые	4,5	4,6
Деловые – беспечные	4,9	4,6
Свободолюбивые – покорные	5,7	5,4
Счастливые – несчастливые	4,6	4,5
Инициативные – безынициативные	5,0	4,6
Уважающие законы – не уважающие законы	4,2	4,3
Интернационалисты – националисты	4,4	4,4
С чувством собственного достоинства – без чувства собственного достоинства	5,7	5,5
Средний балл	5,1	5,0

Но при этом русские, как считают сами белорусы, в большей степени, чем белорусы обладают чувством собственного достоинства, более инициативны, счастливые, свободолюбивые, деловые, богатые, индивидуалисты, сильные, общительные, развитые.

Белорусы в отличие от русских более законопослушны, трудолюбивы, нравственны, патриотичны, добрососедские, союзники, духовные и миролюбивые.

В равной степени и белорусам и русским присущи такие качества как интернационализм, дружелюбность, открытость.

Наибольшее различие между белорусами и русскими наблюдается по таким биполярным шкалам как развитые – отсталые, богатые – бедные, индивидуалисты – коллективисты, свободолюбивые – покорные, а так же инициативные – безынициативные.

В исследовании Н.А. Сосновской, использовавшей метод семантического дифференциала для анализа образов России и Беларуси в представлениях белорусов, так же отмечается, что образы обеих стран позитивно окрашены.

При этом большинством респондентов Беларусь воспринимается как миролюбивая (6,35), родная (6,14), духовная (5,29), независимая (5,16). Самые низкие значения Беларусь

получила по такому параметру как богатая – бедная (4,1). В образе же России ведущими позициями восприятия являются сила (5,72) и независимость (5,66). При сопоставлении оценок России и Беларуси отмечается преобладание первой практически по всем параметрам. Но в некоторых параметрах наблюдается сближение России и Беларуси. Это такие характеристики как закрытая, правовая [2].

Таким образом, результаты нашего исследования в целом коррелируют с данными, полученными белорусской исследовательницей, что позволяет говорить о достаточно высокой степени валидности полученных данных.

Примечания

1. *Сикевич З.В.* «Образ» прошлого в символическом сознании россиян // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 87–93.

2. *Сосновская Н.А.* Представления об образе современной Беларуси в общественном сознании населения страны // Социологический альманах. – 2013. – № 4. – С. 245.

Н.Н. Косач (г. Краснодар, Российская Федерация)

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Идеология – система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество [1]. Роль идеологии в современных условиях возрастает. Она служит надежным инструментом преобразований, защиты и реализации национальных интересов, достижения стратегических целей развития страны и общества. Идея независимой, стабильной, благополучной государственности составляет сущность суверенной идеологии, а определяющий фактор ее авторитета – правдивая интерпретация прошлого, критическое отношение к настоящему и оптимистическое видение будущего белорусской нации [2].

Основы идеологии Республики Беларусь четко прописаны в Конституции, которая является основным законом государства. Документ, обладает высшей юридической силой, занимает верхнюю ступеньку в иерархии правовых актов. В Республике

Беларусь Конституция была принята в 1994 г, а в 1996 и 2004 гг. в нее были внесены некоторые изменения, принятые на референдуме [3]. В конституционных нормах формируется определенная система взглядов и идей. Идеологические установки пронизывают все содержание конституции, все ее части, идет ли речь о роли государства, его отношениях с обществом и индивидами, правах и свободах человека, организации государственной власти. В этом смысле любая конституция – мировоззренческий документ, оказывающий большое влияние на духовную жизнь общества, способствующий распространению и утверждению определенных политических и правовых идей, представлений, ценностей.

Демократия в Республике Беларусь, как это закреплено в ст. 4 Конституции, осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. При этом следует иметь в виду, что согласно части второй указанной статьи идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не могут устанавливаться в качестве обязательной для граждан. Пятая Конституция Беларуси лишена таких радикальных идеологических определений и установок, как «социалистическое государство», классового характера правового регулирования. Более того, каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение [4].

Таким образом, в ней формулируются фундаментальные ценности, являющиеся лучшими достижениями человеческой мысли. К ним можно отнести: правовое, демократическое, социальное государство; многообразие форм собственности; признание человека, его прав и свобод как высшей ценности общества и государства; демократию, свободу, достоинство, семью, особую заботу о ветеранах войны и труда, лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов, и др. [5].

Особое значение в формировании идеологии Республики Беларусь принадлежит Главе государства. Задача создания идеологии белорусского государства была поставлена Президентом Беларуси А.Г. Лукашенко. В своем докладе на семинаре руководящих работников республиканских и местных

государственных органов в марте 2003 г. он заявил: «Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан. Государство без идеологии, как и человек без мысли, не может жить и развиваться, тем более противостоять внутренним и внешним угрозам и вызовам. Идеология для государства – то же самое, что иммунная система для живого организма.... Если мы хотим видеть Беларусь сильной, процветающей державой, то должны, прежде всего, думать об идеологическом фундаменте белорусского общества» [6].

Вскоре было образовано Главное идеологическое управление Администрации Президента Республики Беларусь на областном уровне и в Минске – управления идеологической работы облисполкомов и горисполкома, на городском и районном уровнях – отделы идеологической работы горисполкомов и райисполкомов. Установлено, что персональную ответственность за состояние идеологической работы в коллективах работников несут руководители государственных и иных организаций, а непосредственная организация этой работы в коллективах возлагается на одного из заместителей руководителя [7]. Таким образом, сложилась идеологическая вертикаль в Республике Беларусь.

Главная цель идеологической вертикали – формирование у граждан высокой морально-психологической готовности к решению задач социально-экономического развития региона, выработка солидарной ответственности власти и граждан за проводимую государственную политику в стране, воспитание чувства патриотизма и национальной гордости за принадлежность к своему государству, к истории и культуре белорусского народа [8].

Единые требования к подбору и расстановке кадров в сфере идеологической работы определены Указом Президента Республики Беларусь от 20.02.2004г. № 111 «О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы в Республике Беларусь» [9]. Таким образом, в идеологической работе прослеживается деятельностный принцип: необходимость максимально приблизить идеологическую работу к конкретным делам, поступкам, акциям

и действиям. Результаты этих форм активности должны быть осязаемы для граждан. Они должны иметь реальную пользу для конкретного человека. Деятельностный подход предполагает включенность населения в идеологический процесс. Данный принцип не допускает конъюнктурности в идеологической работе, получения личной выгоды, расхождения слова и дела, отвергает фразы и лозунги, неподкрепленные конкретными поступками и делами [10].

С.А. Кизима (к.и.н., профессор Академии управления при Президенте Республике Беларусь) в монографии «Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство», дает следующую характеристику идеологии Республики Беларусь: «Белорусская идеология и белорусская модель успешны, поскольку не навязывают гражданам внешних точек зрения, а включают в себя местные ценности и интересы. Идеологический национализм пробуждает веру в возможности единой белорусской нации встретить достойно вызовы, связанные с процессами глобализации, опираясь на исконно присущий местному населению патриотизм, не раздробленный по признаку проживающих в Беларуси национальностей» [11].

Имеются и противоположные точки зрения, к примеру, в своих мемуарах «Беларусь на распутье или Правда о Беловежском соглашении» известный белорусский дипломат и политик П. Кравченко автор дает критическую оценку власти Республики Беларусь (конца XX – начало XXI вв.), которая ярко выражается, по его мнению, в следующем: «Попытки соединить несоединимое – рынок и управление, демократию и тоталитаризм – это шараханье в разные стороны. Движение без царя в голове – это даже не стояние на месте, это откат назад» [12].

Навязываемая нам идеология держится на трех апробированных в XIX столетии принципах – самодержавии, православии и народности. Конечно, они переименованы, но суть осталась прежней. Выстраивается идеология светской монархии. Правда, пока еще без института престолонаследования, но очень напоминающая самодержавное правление. И дело близится к тому, чтобы объявить главу исполнительной власти пожизненным правителем, неким мессией для Беларуси [13].

В заключении хотелось бы отметить, что в целом идеология белорусского государства направлена на формирование причудливого сплава советской и национальной белорусской идентичностей с преобладанием первого компонента. Очевидно, что правящая элита во главе с президентом умело, использовала ностальгию большинства граждан по советскому прошлому и их неприятие политического курса начала 1990-х г., направленного на радикальный разрыв с этим прошлым на всех уровнях. Акцент на советских, а не национальных ценностях служит дополнительным инструментом борьбы правящей элиты с оппозицией, которая в официальной идеологии представляется не обычной политической оппозицией, могущей сменить правящую элиту, а оппозицией антигосударственной, нацеленной на разрушение всех государственных ценностей и в итоге на утрату самобытности и независимости Беларуси.

При анализе становится понятно, что идеологические основания легитимности политического режима Беларуси тесно переплетены с персональной легитимностью. Субъектом формирования и внедрения новой идеологии является лично президент А.Г. Лукашенко. Очень важно, что субъектом формирования идеологии не является (даже формально) политическая партия (необходимый элемент формирования легитимности на структурном уровне). Все это содержит в себе серьезные потенциальные угрозы для стабильности политического режима: преобладание персональной легитимности над идеологической и структурной, даже в условиях формирования и трансляции официальной идеологии, ставит легитимность и стабильность политического режима в зависимость даже не от одного политического института, а от одной личности – личности первого Президента Беларуси А. Лукашенко, поскольку именно он является главным субъектом и фактором формирования идеологии белорусского государства [14].

Суверенная идеология – это своеобразный политико-ценностный «навигатор» материальной и духовной культуры нации, общественной трансформации. Именно в таком контексте воспринимается образно сформулированная мысль Президента Республики Беларусь: «Внедрение чуждых установок никогда не

сможет сделать тот или иной народ похожим на западный. А разрушить основы самобытной цивилизации может. В этом случае можно со всей определенностью сказать, что исчезнет не только культура народа, но и сам народ» [15]. Важно понимать, что суверенная идеология определяется не только реальным соотношением сил в данный момент, но и накопленными в ходе исторического процесса представлениями о мире, ценностями, образцами поведения [16].

И хотя основные принципы идеологии белорусского государства сформулированы в Конституции, но сами по себе они не могут быть реализованы, т.к. глава государства оказывает иницилирующее влияние на формирование идеологии белорусского государства и определяет структуру идеологической сферы общества. Обладая широким кругом прерогатив высшей исполнительной власти, он же определяет основные направления идеологии во внутренней и внешней политике государства. Президент Беларуси выполняет по Конституции следующие идеологические функции: гарантийную, арбитражно-интегративную, контрольную. Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт президентства в Беларуси является ведущим органом власти в формировании идеологии белорусского государства.

Примечания

1. Значение слова Идеология по Ожегову // <http://tolkslovar.ru/i336.html> (дата обращения: 29.08.2017).

2. Беларуская думка. – 2016. – № 2. Самобытные ценности. – С. 46 // http://rodnaya-istoriya.ru/images/a_images/postsov/2012(дата обращения:20.08.2017).

3. Конституция Республики Беларусь – правовая основа идеологии белорусского государства //<http://bsuir.info/load/57-1-0-4641>(16.07.2017).

4. Основы идеологии белорусского государства // <http://userdocs.ru/pravo/138720/index.html?page=9> (дата обращения:20.08.2017).

5. Конституция Республики Беларусь – правовая основа идеологии белорусского государства // <http://bsuir.info/load/57-1-0-4641>//<http://bsuir.info/load/57-1-0-4641> (дата обращения:20.08.2017).

6. Доклад на семинаре руководящих работников по идеологической работе//http://president.gov.by/ru/news_ru/view/doklad-na-seminare-rukovodjaschix-rabotnikov-po-ideologicheskoy-rabote-5821 (дата обращения:16.08.2017).

7. *Земляков Л.Е.* Идеология и молодежь Беларуси // http://nashaucheba.ru/v25163/земляков_л.е._идеология_и_молодежь_беларуси?page=35 (дата обращения: 31.08.2017).

8. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Организация идеологической работы в системе органов исполнительной и распорядительной власти Республики Беларусь // <http://kniga.seluk.ru/k-psihologiya/1055255-1-organizaciya-ideologicheskoy-raboti-sisteme-organov-ispolnitelnoy-rasporyaditelnoy-vlasti-respubliki-belarus-m.php> (дата обращения: 29.07.2017).

9. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Организация идеологической работы в системе органов исполнительной и распорядительной власти Республики Беларусь // <http://kniga.seluk.ru/k-psihologiya/1055255-1-organizaciya-ideologicheskoy-raboti-sisteme-organov-ispolnitelnoy-rasporyaditelnoy-vlasti-respubliki-belarus-m.php> (дата обращения: 20.07.2017).

10. *Князев С.Н. Паречина Г.* Идеологическая работа в Республике Беларусь: состояние и пути совершенствования // <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/125342/1/Идеол.%20работа.pdf> (дата обращения: 20.08.2017).

11. *Кизима С.А.* Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство: монография. – Минск: Беларусь, 2008. – С.214.

12. *Кравченко П.* Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика. – М.: Время, 2006. – С. 440.

13. Там же. – С. 441.

14. *Борисов Н.А.* Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима на примере идеологии белорусского государства. – С. 38 / <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/postsovetskoe-zarubeje/postsovetskoe-zarubeje/formirovanie-nacionalnoie-ideologii-i-problem-legitimnosti-politicheskogo-rejima-na-primere-ideologii-belorusskogo-gosudarstva.html> (дата обращения: 29.08.2017).

15. *Беларуская думка.* – 2016. – № 2. Самобытныя ценнасці. – С. 20 // http://rodnaya-istoriya.ru/images/a_images/postsov/2012.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

16. Там же. – С. 47 // http://rodnaya-istoriya.ru/images/a_images/postsov/2012.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

О.Е. Побережная (г. Минск, Республика Беларусь)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Опыт самостоятельной жизни современной Беларуси определил динамичное и стабильное социальное развитие как одну из парадигм суверенного государственного строительства. Государственно-публичное управление процессами, протекающими в социальной сфере, и ведущими к росту и накоплению человеческого потенциала, создает условия для внутренней стабильности, единства и процветания общества и государства. Развитие человеческого потенциала выступает в качестве одного из стратегических направлений политики белорусского государства, обозначенных в «Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг.», а также в действующей программе социально-экономического развития 2016–2020 гг.

Успешное решение вопросов социального развития и стабильности осуществляется путем постепенного реформирования социальных, экономических и политических механизмов функционирования общества. Сущность реформирования может быть определена как политический инструмент мобилизации общества и государства в условиях перманентного мирового системного кризиса. В этом контексте можно выделить несколько ключевых направлений, определяющих лицо белорусской модели как социально ориентированное и устойчивое.

В докладе Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании в 2006 году отмечается, что Беларусь «выработала свою собственную модель развития, основанную на взвешенных, продуманных, эволюционных преобразованиях. <...>. С сохранением всего лучшего, что ранее мы имели в нашей экономике и наших традициях. Но одновременно мы учились работать в новых рыночных условиях, используя весь мировой опыт, учитывая современные тенденции мировой экономики и политики» [1].

Политика, проводимая белорусским государством на современном этапе, идеологически базируется на концепции устойчивого развития, которая выражается в обеспечении условий для свободного развития человека и процветания общества в целом, а также создании соответствующей демократической политической системы. В этом русле осуществляются все реформы в республике, в том числе преобразование инфраструктуры социальной сферы и перестройка социальных отношений. Суть устойчивого развития может раскрываться как стремление к стабильному социально-экономическому развитию, не разрушающему природную среду и не препятствующему непрерывному прогрессу общества.

В Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 года подчеркивается гуманистическая, социальная направленность деятельности государства, где человек и его развитие являются приоритетными задачами. Этот программный документ служит основой для выработки долгосрочной стратегии, определяющей цели, этапы и сценарии перехода Республики Беларусь к зрелому гражданскому обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании всестороннего развития личности, повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды [2].

Республика, таким образом, развивается в русле новой идейной парадигмы, которая отражает процессы трансформации внутри страны.

Следующее направление можно определить как изменение внутреннего состояния белорусского общества. В республике помимо преобразования системы управления и изменения социальной структуры общества идет процесс изменения «качества» общества от закрытого, с замкнутой социальной мобильностью и пониженной социальной ответственностью личности, при государственном контроле социальных процессов, к открытому обществу. Открытое общество рассматривается не в «попперовском» понимании, описывающем современное западное общество, а как включенное в процесс глобализации и интеграционные процессы.

Сочетание этих факторов повышает социальную мобильность в разы и создает в сознании людей эффект

сравнения между различными социальными проектами. Это позволяет выбирать место жительства, место работы, расширяет круг образовательных возможностей. Это изменяет рынок труда в республике и требования к качеству предлагаемой работы и её оплате. Следствием становятся изменения в структуре доходов населения и изменение характера формирования благосостояния. При этом открытое общество не только увеличивает возможности, но и повышает социальную ответственность индивидов. Социальная мобильность и ответственность взаимообусловленные процессы. Увеличение социальной мобильности выводит человека из-под опеки государства. Государство соответственно снижает свой контроль над социальным поведением индивидов. Процесс формирования открытого общества в Беларуси протекает не просто, учитывая предыдущий исторический опыт (патерналистское социальное государство) и характеризуется отрицательной динамикой трудовой миграции из страны (уезжает из страны на длительные сроки больше, чем приезжает).

Следующим направлением можно считать комплексное преобразование управления и организации социальной сферы. Первое, в чем выражается такое комплексное преобразование – это *разгосударствление социальной сферы*. Оно выражается в широком привлечении к исполнению социальных обязательств государства институтов гражданского общества и муниципализации социальной политики.

Основным субъектом, который осуществляет предоставление социальных услуг и регулирование процессов социального взаимодействия в республике, по-прежнему остаётся Министерство труда и социальной защиты. Его структурными подразделениями являются – Фонд социальной защиты населения, который напрямую занимается проблемами пенсионного обеспечения и социальной защиты, и объединенные региональные структуры в виде отделов социальной защиты и обеспечения местных администраций [3]. Они являются государственными институтами и финансируются за счет прямых налоговых отчислений и из средств республиканского бюджета.

Гражданское общество как область постоянно расширяющегося, организованного, основанного на общности

интересов, волеизъявления людей, является одним из главных составляющих процесса формирования и совершенствования всех сторон жизнедеятельности как отдельных людей, так и общества в целом. Оно как поле приложения активности людей в различных сферах общественной жизни формирует личность, определяет её гражданский статус и защищает её права, служит инструментом непосредственной и опосредованной их реализации [4].

Активное развитие гражданского общества и его участия в решении социальных вопросов, служит развитие системы социального партнерства, в которой одну из ключевых ролей играют профсоюзы. На сегодняшний день можно говорить о том, что они принимают деятельное участие в реализации социальных обязательств государства. Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ) осуществляет наравне с государственными органами коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений. В его основе лежит Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзами [5]. Отдельной областью участия профсоюзов в реализации социальных обязательств выступает регулирование вопросов заработной платы. Профсоюзы выступают гарантами своевременной и полной оплаты труда работников, регулируют формы и способы оплаты труда, определяют по соглашению с нанимателями размеры пособий и дополнительных выплат. Весь перечень вопросов оговаривается и раскрывается в Генеральном соглашении.

Помимо расширения роли институтов гражданского общества в реализации социальных обязательств, большое значение приобретает муниципализация социальной сферы, передача части полномочий по решению социальных вопросов с республиканского уровня в ведение местных органов власти.

Частичная муниципализация социальной сферы произошла в области исполнения государственных социальных стандартов. Система государственных социальных стандартов была создана в 1999 году, её правовой основой стал Закон Республики Беларусь «О государственных минимальных социальных стандартах». Им было установлено, что государственные минимальные

социальные стандарты применяются для решения таких задач, как обеспечение государственной поддержки развития социальной сферы и социальной защиты граждан; оказание необходимой социальной помощи; обеспечение формирования и использования средств республиканского и местных бюджетов и средств государственных внебюджетных фондов на социальные нужды и т.д.

Социальные стандарты стали, по сути, государственной гарантией бесплатного либо доступного по цене социального обеспечения в жизненно важных сферах. Эталонные социальные стандарты были разработаны Советом министров Республики Беларусь в 2003 году и послужили образцом для разработки региональных социальных стандартов, создаваемых на местном уровне [6].

Система государственных социальных стандартов является совокупностью нормативов в таких ключевых областях социальной сферы, как образование, здравоохранение, социальное обслуживание, жилищно-коммунальная сфера, иначе говоря, в тех областях, в которых протекает повседневная жизнедеятельность каждого человека, формируется пространство его социальных связей и взаимодействий, качество личности, человеческий и социальный капиталы. Стандарты представляют собой денежные выплаты, перечень бесплатных или доступных услуг, а также социальные пособия и выплаты. Сюда можно отнести минимальные размеры пенсий, государственные пособия семьям, воспитывающим детей, материальную помощь малообеспеченным и др.

Разгосударствление сферы социальных услуг тесно связано с формированием рынка социальных услуг, с конкуренцией их производителей, что создает условия для повышения качества и снижения издержек на их производство. Появляется возможность свободного выбора оператора социальных услуг, однако этот процесс должен сопровождаться ростом платёжеспособности населения. Но именно в этом узловом моменте и возникает проблема. Большинство белорусских граждан не имеет возможности полностью оплачивать социальные услуги, что является основным препятствием для формирования рынка социальных услуг.

Второе, в чем выражается комплексное преобразование – это преодоление негативных тенденций в развитии общества. В вопросе преодоления негативных тенденций формирования половозрастной структуры населения государство принимает меры по стимулированию рождаемости. Одной из таких мер выступает «семейный капитал». Семейный капитал – это безналичные денежные средства в \$10 тыс., которые предоставляются семьям для использования в Беларуси в полном объеме либо по частям в безналичном порядке. Эти деньги могут быть использованы по одному или нескольким направлениям: улучшение жилищных условий; получение образования; получение услуг в сфере социального обслуживания, здравоохранения; формирование накопительной (дополнительной) пенсии матери (мачехи) в полной семье, родителя в неполной семье [7]. Таким образом, государство стремится увеличить количество семей, имеющих двух и более детей и компенсировать будущую нехватку трудовых ресурсов и рост пенсионных обязательств, которые при сохраняющейся тенденции некому будет выполнять. На это же направлена и пенсионная реформа, увеличивающая возраст выхода на пенсию каждые полгода до 2025 года и выходе на цифру 63 года, кроме того, увеличение страхового стажа для выхода на пенсию с 10 лет до 15 лет.

Ещё одним механизмом преодоления негативных тенденций является построение новой модели социальной поддержки населения. Ее целью является обеспечение устойчивого повышения качества жизни социально уязвимых групп населения, а отличительными особенностями – программно-целевой характер, широкое применение выявительного подхода при определении нуждаемости граждан и семей в социальной поддержке, адресный принцип и межведомственное взаимодействие при оказании помощи. В настоящее время главным приоритетом в проведении государственной социальной политики является осуществление перехода к более эффективной модели социальной защиты – *адресной социальной помощи*.

Для модели адресной социальной политики характерны дифференциация выполнения социальных функций государства в отношении различных слоев населения, перераспределение

социальных расходов государства в пользу наиболее уязвимых групп населения, повышение эффективности социальной системы, снижение социальной напряженности в обществе.

Приоритетное обращение к адресной социальной помощи реализуется в соответствии с «Комплексной программой адресной социальной защиты населения». Переход к адресной социальной помощи помогает решить вопрос рационального и справедливого распределения ресурсов, а также сделать предоставляемые льготы весомыми и реальными, а не уравнительными, как было до сегодняшнего дня. С 2001 года в Беларуси работает система государственной адресной социальной помощи, которая с 2007 года также заменила отмененные льготы. С 1 января 2010 года вступил в действие Указ Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2009 года № 458 «О государственной адресной социальной помощи». Он объединил в единую систему адресной социальной помощи два вида государственной поддержки: государственную адресную социальную помощь (ГАСП) и безналичные жилищные субсидии (БЖС). На сегодняшний день БЖС отменены для большей части категорий и из системы адресной социальной помощи исключены.

Введен новый вид помощи — социальное пособие на технические средства реабилитации. Они будут бесплатно предоставляться детям, не признанным инвалидами, но нуждающимся по медицинским показаниям в таких средствах, и инвалидам. Исключение — те, у кого инвалидность наступила в результате противоправных действий, по причине алкогольного, наркотического, токсического опьянения, членовредительства. Указом Президента Республики Беларусь от 12 января 2012 года № 41 с изменениями и дополнениями, принятыми Указом Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 145 «О государственной адресной социальной помощи» уточняется перечень получателей и оснований для предоставления адресной социальной помощи. В него вошли 5 видов социальных выплат: ежемесячное и единовременное социальные пособия, социальное пособие для возмещения затрат на приобретение подгузников, социальное пособие на оплату технических средств социальной реабилитации и обеспечение продуктами питания детей первых

двух лет жизни. Изменился также подход к расчетам бюджета прожиточного минимума.

Новая система социальной защиты оправдывает свое название. Механизм адресной социальной помощи кардинально отличается от системы льгот. Если система социального льготирования носила превентивный характер, в расчете на возможные жизненные неурядицы, при наличии устойчивых социальных рисков, то система ГАСП строится на «оказании помощи своевременно и дифференцированно – в зависимости от каждого конкретного жизненного обстоятельства конкретной семьи или гражданина. При этом помощь оказывается единовременно или на определенный период с тем, чтобы, поддержав человека в самой трудной, острой ситуации, дать ему возможность стать на ноги и далее решать свои проблемы самостоятельно» [8].

Таким образом, система государственной адресной социальной помощи призвана снизить государственные расходы на социальное вспомоществование и предотвратить появление социального иждивенчества. Для этого в апреле 2015 года был введен в действие Декрет Президента Республики Беларусь №3 от 2 апреля 2015 года «О предупреждении социального иждивенчества», который устанавливает новый налоговый механизм, обеспечивающий выплаты в казну государства недополученных подоходных налогов и обязывающий граждан отработать определенное количество дней (183) в году, чтобы не попасть в категорию уклоняющихся от социальной ответственности [9]. Действие этого Декрета предназначено для повышения участия людей в софинансировании совокупных социальных расходов, которые несет общество и государство.

Таким образом, основные направления в социальном развитии государства и общества в Республике Беларусь выражаются в смене идеологической парадигмы, преобразования управления и организации социальной сферы, комплексном её преобразовании, а также постепенной трансформации социальной сферы в сторону её большей гибкости и динамичности, её разгосударствлении, привлечении общественных институтов к решению социальных вопросов.

Примечания

1. Лукашенко А.Г. Доклад Президента Республик Беларусь на третьем Всебелорусском народном собрании 2 марта 2006 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республик Беларусь. – 2006. – Режим доступа: <http://www/president.gov.by/press24121.html>. – Дата доступа: 14.08.2017.

2. Национальная стратегия устойчивого развития до 2030 года (проект) [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – 2013. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/nfiles/001708_663161_Proekt_21_11.doc x. – Дата доступа: 06.08.2017.

3. Социальная политика Беларуси в начале XXI века: сб. науч. тр. / Науч.-исслед. экон. ин-т М-ва экономики Респ. Беларусь / *науч. ред.: С.С. Полоник, И.М. Удовенко, Л.С. Боровик*. – Минск, 2005. – С. 9–11.

4. *Побережная О.Е.* Конституционно-правовые основы деятельности гражданского общества как субъекта реализации прав человека в Республике Беларусь // Конституция – Основной Закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 марта 2014 г. / *под ред. Г. А. Василевича*; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 178.

5. Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2014–2015 годы [Электронный ресурс] // Федерация профсоюзов Беларуси. – 2015. – Режим доступа: http://fpb.by/dfiles/000159_3395__soglashenie_na_20142015_gody.doc – Дата доступа: 20.08.2017.

6. Социальные стандарты – важнейшие показатели социально ориентированной внутренней политики государства / Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь. – Информ. матер. – 2005. – № 6. – С. 6–22.

7. Семейный капитал в Беларуси стартует с 1 января 2015 года [Электронный ресурс] // Белта. Все новости. – 2015. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Semejnyj-kapital-v-Belarusi-startuet-1-janvarja_i_690923.html – Дата доступа: 04.08.2017.

8. Социальные пособия. Обзор. Новости. [Электронный ресурс] / Федерация профсоюзов Беларуси. – 2010. – Режим доступа: http://www.fpb.by/ru/menu_left/social_part – Дата доступа: 11.08.2017.

9. О предупреждении социального иждивенчества: Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 года № 3 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2015. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/3decree.pdf> – Дата доступа: 30.08.2017.

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.Н. Трестьян (г. Минск, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАНЦЕЛЯРИЙ ГРАЖДАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Гражданский губернатор (начальник губернии) являлся одним из представителей местной государственной власти Российской империи. Впервые в России эта должность появилась во времена Петра I, а на территории Беларуси – в 1772 г. после первого раздела Речи Посполитой.

При губернаторе существовала его личная канцелярия. Она являлась исполнительным органом и осуществляла связь с центральными правительственными, местными гражданскими, военными и духовными учреждениями. Ее структура никогда не была однотипной, а определялась местными условиями.

Основная функция канцелярии состояла в организации делопроизводства по всем вопросам, которыми занимался гражданский губернатор. Здесь велась переписка с центральными властями и уездной администрацией о состоянии дел в губернии. В ведение губернской канцелярии входило составление годовых отчетов; надзор за земскими учреждениями, типографиями и литографиями; взаимодействие с военным ведомством и т. п.; выдача заграничных паспортов; секретные дела; наблюдение за состоянием дорог, мостов, переправ, санитарным состоянием городов; принятие мер против распространения пожаров, инфекционных болезней; сбор и учет прямых и косвенных налогов; обеспечение проходящих и квартирующих войск продовольствием и квартирным постоем; проведение судебного разбирательства уголовных и гражданских дел и др. [1].

Делопроизводство в канцелярии осуществлялось путем ведения книг регистрации входящих и исходящих документов; книг прихода, расхода и выдачи заграничных паспортов, подорожных бланков; реестров высочайших повелений, указов Сената и предписаний министерств; реестров бумаг, которые в

подлиннике передавались в губернское правление, палаты, приказ общественного призрения, различные комиссии и комитеты; алфавитных реестров и реестров дел по жалобам, прошениям, секретным делам и т. д. [2].

Изначально канцелярию гражданского губернатора возглавлял секретарь. Однако с 1835 г. ее руководителем стал правитель канцелярии, который назначался начальником губернии [3]. Обычно эту должность занимала наиболее доверенная и близкая к гражданскому губернатору личность. В обязанности руководителя канцелярии входил общий надзор за всем, что в ней происходит. Он контролировал производство дел в канцелярии; следил за сохранностью казенных денежных сумм, документов и книг; занимался всеми секретными и особой важности вопросами; заведовал заготовлением, хранением и выдачей заграничных паспортов и подорожных бланков; докладывал о важнейших событиях, происходящих в регионе начальнику края; получал корреспонденцию; контролировал выполнение резолюций и устных распоряжений гражданского губернатора [4]. Поскольку правитель канцелярии был ключевой фигурой, начальник губернии часто брал его с собой к месту нового назначения.

Согласно штату канцелярии гражданского губернатора в ее состав, кроме руководителя, входили его помощники, регистратор, писцы, а также чиновники по особым поручениям. Помощники правителя канцелярии делились на два разряда: старшие и младшие. Они назначались начальником губернии и занимались ведением делопроизводства канцелярии. Регистрацией входящих и исходящих бумаг в специальных журналах должен был заниматься регистратор, который также назначался начальником губернии. Для переписки бумаг и подготовки документов разрешалось брать писцов. Гражданский губернатор имел право самостоятельно определять их число по мере необходимости, не выходя при этом за пределы штатной суммы. Писцы делились на три разряда: высший, средний и низший. В соответствии с разрядом они получали определенную сумму жалованья.

При губернаторе находились чиновники по особым поручениям, которые определялись и увольнялись с утверждения

министра внутренних дел. По штату их полагалось два, но губернатору разрешалось иметь еще двух внештатных чиновников на тех же правах и без жалованья. На эту должность не мог быть назначен не только родственник губернатора по восходящей и нисходящей линии во всех степенях, в том числе и в боковых степенях до четвертой включительно, но даже однофамилец губернатора [5; 6]. Чиновники по особым поручениям занимались наиболее важными для начальника губернии делами: расследованием служебных злоупотреблений, ревизией государственных учреждений, случаями неподчинения властям, выполнением секретных распоряжений и т.д. Впервые эта должность была введена в 1818 г.

Таким образом, канцелярия гражданского губернатора являлась своеобразным связующим звеном между центром и местными учреждениями, сюда стекалась информация о положении дел в губернии от полицмейстера, уездных исправников, управляющего палатой государственного имущества, председателя казенной палаты. От частных граждан в канцелярию начальника губернии поступали жалобы и донесения на неправомерные действия земских начальников, полицейских, чиновников губернского правления, просьбы о предоставлении места [7]. Здесь сосредотачивалась вся информация обо всех сферах местной жизни губернии.

Впервые канцелярия гражданского губернатора на территории белорусских губерний была создана в 1793 г. в Минской губернии. В 1796 г. подобное учреждение было образовано в Белорусской и Литовской губерниях. Канцелярия Белорусского гражданского губернатора находилась в Витебске, а Литовского – в Вильне. Штаты канцелярий утверждались Сенатом, а служащие назначались гражданскими губернаторами. Канцелярии не имели структурных подразделений. Дела рассматривались общим потоком без распределения их по группам. Здесь разбирались дела по вопросам ассигнования денег на строительство и ремонт жилых, административных и хозяйственных построек, устройства сельских и провиантских магазинов, противодействия стихийным бедствиям, а также обращения различных лиц. В них велась переписка по обозрению губернии, военным делам, делам печати, общественного

самоуправления и дворянских выборов; составлялись годовые отчеты; происходила выдача заграничных паспортов; решались секретные дела [8].

В 1801 г. была проведена новая административно-территориальная реформа. Белорусская губерния была разделена на Могилевскую и Витебскую губернии, а Литовская – на Гродненскую и Виленскую. В 1802 г. в этих губерниях были открыты канцелярии гражданских губернаторов, которые по-прежнему не имели структурных подразделений. Только в 30-х гг. XIX в. были созданы так называемые «столы» (по шесть столов в канцелярии витебского (1830 г.), могилевского (1831 г.), минского (1837 г.) гражданских губернаторов) [9].

Следует отметить, что строгого разграничения между столами не было, поле их деятельности менялось в зависимости от расширения или сужения обязанностей гражданских губернаторов.

Несмотря на то, что на территорию белорусских земель была распространена российская система местных органов власти, функционирование здесь института гражданского губернаторства было сопряжено с определенными особенностями, которые отразились и на штате канцелярий.

Еще в октябре 1826 г. Комитетом министров была начата разработка штатов для всех губернских учреждений, но их согласование затянулось почти на 10 лет. 29 мая 1836 г. последовало высочайше утвержденное положение Комитета о добавочных суммах на содержание канцелярий гражданских губернаторов, губернских правлений и городских полиций [10]. Согласно этому указу все канцелярии начальников губерний были разделены на три разряда. Виленская канцелярия была отнесена к первому разряду, Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская – ко второму.

3 июня 1837 г. Николай I утвердил «Общий наказ губернаторам», который объединил в один все предыдущие законодательные акты, касавшиеся гражданских губернаторов, а также утвердил штаты канцелярий гражданских губернаторов [11].

Одним из главных отличий канцелярии Виленского (Гродненского, Минского, Витебского и Могилевского до

1826 г.) гражданского губернатора от канцелярий гражданских губернаторов внутренних губерний Российской империи являлось наличие должности переводчика. Это было связано с тем, что на территории Беларуси делопроизводство в местных органах управления и суда велось на польском и русском языках. Впервые эта должность в канцеляриях Виленского и Гродненского гражданских губернаторов была введена в 1804 г. [12; 13].

Следует отметить, что канцелярии Виленского, Гродненского, Минского, Витебского и Могилевского гражданских губернаторов отличались не только от внутренних губерний Российской империи, но и друг от друга. Так, в штат канцелярий Виленского и Гродненского начальников губерний дополнительно входили один бухгалтер и два его помощника, а в штат Минской – один бухгалтер и один его помощник. Они занимались делами по земским повинностям. Наличие дополнительных чиновников в штатах канцелярий Виленского, Гродненского и Минского гражданских губернаторов обуславливалось сбором земских повинностей в этих губерниях по особому порядку [14; 15].

Канцелярии гражданских губернаторов Витебской, Могилевской, Гродненской и Минской губерний формировались по «обычному штату», а Виленского – по «особому» [16]. Разница состояла в том, что Виленскому гражданскому губернатору разрешалось иметь при себе не двух, а трех чиновников для особых поручений, что было связано с обширностью и многолюдностью губернии, а также ее пограничным положением [17]. Впервые должность чиновника по особым поручениям в канцеляриях Витебского и Могилевского гражданских губернаторов была введена в 1825 г., а Виленского, Гродненского и Минского – в 1826 г. [18; 19; 20].

В 1845 г. были утверждены новые штаты канцелярий гражданских губернаторов [21]. Согласно этим штатам в канцеляриях белорусских гражданских губернаторов, в отличие от канцелярий внутрироссийских начальников губерний, предусматривалось наличие не двух, а трех старших помощников. В канцеляриях Минского, Гродненского и Виленского гражданских губернаторов сохранялась должность

бухгалтера, а также двух его помощников в Гродненской и Виленской губерниях, и одного – в Минской. Кроме того в штат канцелярии Виленского начальника губернии по-прежнему входил переводчик.

Таким образом, канцелярия гражданского губернатора была одним из главных механизмов органов местной власти, где сосредотачивалась вся информация обо всех сферах жизни в губернии. Она являлась связующим звеном между центральными и местными учреждениями. Особенное положение белорусских губерний обусловило наличие некоторых отличий в штатном расписании канцелярий гражданских губернаторов на территории Беларуси от канцелярий начальников внутренних губерний Российской империи.

Примечания

1. *Градовский А.Д.* История местного управления в России. – СПб., 1868. – С. 226.
2. Свод законов Российской империи (СЗРИ). – СПб., 1857. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 164.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 1. – Т. 27. – Ст. № 20719. – С. 547.
4. СЗРИ. Санкт-Петербург, 1857 г. Т. 2. Ч. 1. С. 165.
5. *Гісторыя Магілева: мінулае і сучаснасць / Уклад. А.М. Бацюкоў, І.А. Пушкін.* Магілёў, 2011. – С. 109.
6. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 10. – Отд. 2. – Ст. № 8466. – С. 1015.
7. *Павлова Г.В.* Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX в. – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2004. – С. 81–82.
8. *Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е.К. Анищенко [и др.]; сост. Ю.Н. Снапковский, Д.Л. Яцкевич.* – Минск, 2014. – С. 102–103.
9. *Кліз Г.С.* Губернатарскія канцылярыі ў Беларусі 30–60 гг. XIX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / Рэдкал.: У.К. Коршук [і інш.]. – Мінск, 2010. – Вып. 5. – С. 58.
10. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 11. – Отд. 1. – Ст. № 9240. – С. 629.
11. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 12. – Отд. 2. – Ст. № 10303. – С. 84.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1286. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 9–9об.
13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф.1430. – Оп. 1. – Д. 2004а. – Л. 11.
14. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 4. – Ст. № 3009. – С. 509.
15. НИАБ. – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 277. – Л. 299 об.

16. *Клиз Г.С.* Указ. соч. – С. 59–60.
17. РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 106. – Л. 22.
18. РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 3. – Д. 293. – Л. 10.
19. РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 106. – Л. 33.
20. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 1. – Ст. №. 136. – С. 197.
21. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 20. – Отд. 2. – Ст. № 18580. – С. 3.

С.А. Толмачева(г. Минск, Республика Беларусь)

СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1861–1914 гг.)

К местным органам по опеке над крестьянами в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях (современная территория Республики Беларусь*) на протяжении 1861–1914 гг. в разное время относились губернские по крестьянским делам присутствия, мировые посредники и их уездные съезды, на смену которым пришли уездные по крестьянским делам присутствия, а позже – земские начальники, их уездные съезды и губернские присутствия. Эти структуры сохраняли определенную преемственность функций и обязанностей.

Для реализации реформы 1861 г. и окончательного разрешения споров между помещиками и временнообязанными крестьянами на основании «Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» [1] создавались губернские по крестьянским делам присутствия. В соответствии с законом в их состав входили: губернатор (председатель), губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, губернский прокурор, два члена из местных дворян, которых приглашали по согласованию с

* Современная территория Республики Беларусь включает в себя 4 уезда Виленской губернии (Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский), 5 – Витебской (Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Полоцкий), 6 – Гродненской (Гродненский, Брестский, Кобринский, Волковысский, Пружанский, Слонимский), Минской – 9 (вся губерния), Могилевской – 11 (вся губерния).

губернатором и министром внутренних дел, а также два члена из местных дворян-помещиков, избранных дворянскими собраниями. При рассмотрении вопроса о выкупе крестьянами полевых угодий на заседание присутствия приглашался в качестве члена председатель казенной палаты, а в случае необходимости – и представитель от Министерства финансов. Таким образом, это был коллегиальный орган, в котором преобладали чиновники по должности, а кандидатуры представителей от поместного дворянства также согласовывались с администрацией.

Решения губернского присутствия принимались простым большинством голосов. В спорных ситуациях председатель имел решающий голос. В особо важных случаях губернатор мог задержать исполнение решения губернского присутствия и передать его на рассмотрение министра внутренних дел.

Губернское по крестьянским делам присутствие имело широкий круг полномочий в отношении сельского населения. Так, оно занималось поземельными отношениями между помещиками и крестьянами, взиманием налогов, земских и мирских сборов, организацией и надзором за деятельностью крестьянского сословного самоуправления, рассматривало жалобы крестьян на решения мировых посредников, их съездов, а с 1878 г. (во внутренних губерниях Российской империи – с 1874 г.) – уездных по крестьянским делам присутствий, должностных лиц волостного и сельского самоуправления и т. д.

Для практической реализации аграрной реформы в 1861 г. был создан также институт мировых посредников [2]. Посредники обладали широким кругом полномочий как в административных, так и судебно-нотариальных делах. Основной их обязанностью было регулирование поземельных отношений между крестьянами и помещиками, а также некоторые судебно-полицейские обязанности: о потравах, порубках леса и т. д. С распространением на территорию Беларуси судебной реформы 1864 г. с 1872 г. эти функции передавались мировым судьям.

В соответствии с законом мировые посредники избирались из местных потомственных дворян с земельной собственностью не менее 500 дес. Уездные предводители дворянства составляли списки подходящих по имущественному цензу землевладельцев,

из которых губернатор подбирал кандидатов, которые в итоге утверждались Сенатом. Таким образом, посредник не мог быть снят с должности административным путем, не был прямо и непосредственно подчинен даже уездному съезду мировых посредников и губернской администрации.

22 марта 1861 г. губернаторам был разослан циркуляр министра внутренних дел С. Ланского, в котором отмечалась важность кадрового состава мировых посредников и необходимость назначения «людей беспристрастных», с «несомненным сочувствием преобразованиям и хорошим обращением с крестьянами»[3]. Необходимо отметить, что первый состав мировых посредников на территории Беларуси в основном придерживался либеральных позиций. Это нередко приводило к конфликтам между ними и помещиками. Например, в 1862 г. два посредника Быховского уезда Могилевской губернии вынуждены были просить об отставке из-за обструкции со стороны местных дворян[4].

Абсолютное большинство посредников в крае составляли местные дворяне римско-католического вероисповедания. С начала 1861 г. начались волнения в Царстве Польском. Мировые посредники белорусских уездов оказались в оппозиции к правительственной политике. В начале 1863 г. поддержка посредниками национально-освободительного движения стала очевидной. В результате 7 марта 1863 г. Александр II дал разрешение Виленскому генерал-губернатору самому увольнять с должностей мировых посредников, «которых он, при нынешних чрезвычайных обстоятельствах, признает недостаточно благонадежными» [5]. Указом от 18 апреля 1863 г. «правительственные должности» в крае были замещены чиновниками по назначению от правительства [6].

22 мая 1863 г. Виленский генерал-губернатор отмечал, что многие мировые посредники сами принимали участие в восстании и привлекали крестьян на свою сторону. Поэтому он приказал уволить всех мировых посредников и кандидатов к ним, закрыть их уездные съезды в Виленской и Гродненской губерниях. Такие же меры распространялись и на Минскую губернию, за исключением тех местностей, где губернатор признавал возможным сохранить мировые учреждения. В

качестве временной меры на должности мировых посредников назначались чиновники от правительства. В то же время в Витебской и Могилевской губерниях предлагалось уволить с должностей и заменить правительственными чиновниками только неблагонадежных мировых посредников [7].

По представлению Западного комитета были приняты указы от 22 и 27 мая 1864 г., в соответствии с которыми все служебные места в крае, а также и их начальники, имевшие непосредственное отношение к крестьянству, должны были занять исключительно лица русского происхождения православного вероисповедания [8]. В результате в белорусских уездах Виленской губернии в 1869 г. все мировые посредники были православного вероисповедания, а должности занимали с 1863 г. или позже. При этом 9 из 16 посредников были награждены медалью «За усмирение польского мятежа 1863–64 гг.» [9].

Новые мировые посредники, которых приглашали из внутренних губерний России, обычно не владели земельной собственностью в крае и не имели родственников среди местных помещиков. В связи с тем, что у их абсолютного большинства не было иного дохода, кроме жалования, им ввели надбавку в 500 р. Правительство надеялось не только улучшить финансовое положение посредников, но и сделать их материально независимыми от местных помещиков. Так, в 1865 г. в белорусских уездах Витебской губернии только два посредника получали годовое жалование в 1500 р., остальные – по 2000 или 2500 р. [10]. Это означает, что только эти двое были из местных дворян. По размеру жалования можно определить, что в 1868 г. в 35 белорусских уездах из 127 посредников 101 приехал из внутренних губерний. При этом в Виленской (16 чел.) и Гродненской (22 чел.) губерниях все должности мировых посредников занимали приезжие [11].

Апелляционной инстанцией на решения мировых посредников стали съезды мировых посредников, которые создавались в соответствии с «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» от 19 февраля 1861 г. [12]. Мировые съезды собирались из посредников уезда и одного представителя от правительства. Председателем съезда

являлся уездный предводитель дворянства. В качестве члена от правительства присутствовал один из специально назначенных для этого чиновников, который следил за исполнением изданных правительством постановлений по крестьянскому делу.

По положению Главного комитета об устройстве сельского состояния от 12 сентября 1866 г., председателями мировых съездов, как и раньше с 1864 г., назначались не уездные предводители дворянства, а чиновники от правительства. При этом председатель утверждался не Сенатом, а министром внутренних дел [13]. В 1867 г. правительство вернулось к общероссийской практике назначения в Беларуси на должности председателей съездов мировых посредников-предводителей дворянства. Они назначались Виленским генерал-губернатором из местных дворян-землевладельцев “не польского происхождения” [14]. Так одновременно решалась проблема заполнения вакансий уездных предводителей дворянства выходцами из русских губерний. До этого времени должность предводителя была почетной и бесплатной, поэтому желающих ехать в губернии Северо-Западного края было мало, совмещение же должности предводителя и председателя съезда позволило оплачивать должность предводителя дворянства. Изначально жалование составляло 2500 р., а с 4 января 1875 г. оно было увеличено на 500 р. [15]. В результате предводитель-председатель превращался в обычного чиновника и в то же время становился высшим административным лицом в уезде, но, в отличие от внутренних губерний, в Беларуси эта должность была не выборной, а замещалась по назначению от правительства.

Таким образом, кадровая политика в отношении состава местных органов по опеке над крестьянами на территории Беларуси постоянно была на контроле у правительства.

С 1874 г. в Российской империи был ликвидирован институт мировых посредников, вместо которого были созданы уездные по крестьянским делам присутствия. Они состояли из уездного предводителя дворянства (председатель), неперменного члена (одного на 1–2 уезда), уездного исправника, а также одного из почетных мировых судей уезда по приглашению министра юстиции. Основной “рабочей силой” являлся неперменный член, который становился чиновником VI класса. Только он получал за

службу в присутствии жалование в размере 1500 р. в год, а также 500 р. на разъезды.

Названный закон не распространялся на территорию Беларуси по политическим причинам. Новые органы местного управления создавались в соответствии с законом 1878 г. только в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, а в Виленской и Гродненской губерниях продолжал функционировать институт мировых посредников.

Кадровый состав уездных по крестьянским делам присутствий в первых трех губерниях имел свои особенности. На неперменного члена возлагались некоторые обязанности бывших мировых посредников по поземельному устройству крестьян. В белорусских губерниях эти функции были более сложными, так как тут существовали различные категории сельского населения, которых не было в большинстве губерний империи (сельские вечные чиншевики, православные арендаторы и др.). Поэтому в соответствии с законом 1878 г. [16] тут вводилась должность второго, дополнительного неперменного члена уездного присутствия, которая должна была быть отменена через два года. Но по ходатайствам губернаторов в Витебской и Минской губерниях она сохранялась, начиная с 1880 г., каждый раз на три года из-за большого объема работы [17]. В 1898 г. должность второго неперменного члена существовала в 8 из 11 уездных по крестьянским делам присутствий Витебской и в 8 из 9 – Минской губернии [18].

При этом деятельность реформированных органов уже к концу 70-х гг. XIX в. показала практические недостатки и не удовлетворяла правительство. В результате 12 июля 1889 г. был подписан закон о земских начальниках, который значительно изменил структуру органов местного управления в отношении сельского населения [19]. На территории Западного края «Положение о земских участковых начальниках» не вводилось по политическим обстоятельствам. Только на основании закона от 12 июня 1900 г. институт земских начальников с 1 октября 1901 г. был распространен на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии, а по закону от 8 июня 1903 г. – и на Гродненскую, Виленскую и Ковенскую [20].

В соответствии с законом от 12 июля 1889 г. при назначении на должности земских начальников существовал нормальный и экстраординарный порядок. По последнему они назначались министром внутренних дел. При нормальном порядке существовали две категории кандидатов на это звание. Общими условиями для обеих категорий был возраст – свыше 25 лет и принадлежность к местному потомственному дворянству. При этом в первую категорию входили: 1) лица, прослужившие в губернии не менее трех лет на должности предводителя дворянства (к ним не предъявлялся никакой имущественный ценз); 2) дворяне с высшим образованием или лица, прослужившие в губернии не менее трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи или неперменного члена крестьянского присутствия. При этом они сами или их жены владели в пределах уезда не менее чем половиной количества земли, необходимой для участия в избрании гласных в уездное земское собрание, или другим недвижимым имуществом на сумму более 7 500 р.

Вторую категорию кандидатов на должность земского начальника составляли: 1) лица со сравнительно большим (двойным) имущественным цензом и относительно низким образовательным цензом (среднее образование и классный чин); 2) лица, сохранившие в пределах уезда хотя бы только усадьбу, но подходили по своему образовательному или служебному цензу для кандидатов первой категории.

В западных губерниях земские начальники назначались порядком, который был определен для губерний, где не проходили дворянские выборы. 19 апреля 1904 г. Николай II утвердил мнение Государственного совета «О некоторых изменениях и дополнениях в существующих постановлениях о земских участковых начальниках», в котором отмечалось, что в Витебской, Минской и Могилевской губерниях земские начальники назначались министром внутренних дел, а в Виленской и Гродненской – генерал-губернатором по предложениям губернаторов [21].

Уездный предводитель дворянства составлял список из кандидатов, независимо от их категории. Из этого списка губернатор после совещания (а не согласования) с губернским и

уездным предводителями дворянства выбирал на каждую вакантную должность земского начальника по одному кандидату. При невозможности набрать необходимое количество лиц обращался к списку кандидатов других уездов своей губернии. Затем губернатор представлял список кандидатов министру внутренних дел. Из числа избранных губернатором или предложенных предводителями дворянства кандидатов министр утверждал на должности тех, кого считал целесообразным. При этом он мог назначить земского начальника и по своему выбору, не учитывая представленные предложения. Выбор министра ограничивался лишь одним обстоятельством – избранное им лицо должно было иметь высшее или среднее образование. Закон 29 декабря 1889 г. расширил возможности министра внутренних дел, который временно получил право назначать земскими начальниками всех вообще лиц, которые, по его мнению, были достойны занять названную должность, имели достаточные для этого знания и хотя бы первый служебный классный чин.

В 1901 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях был создан 171 участок земских начальников, в том числе на территории Беларуси – 144: в Минской – 67, в Могилевской – 54, а в пяти белорусских уездах Витебской губернии – 23 [22].

Кадровый состав первых земских начальников был следующий: 37,5% (54 чел.) имели военный чин, 54,9% (79 чел.) получили чины на гражданской службе и 6,3 % (9 чел.) не имели чина. Многие из этих чиновников (85 чел. или 60,7% в трех губерниях) приехали из внутренних губерний [20]. Например, в августе 1903 г. земским начальником во 2-м участке Пинского уезда Минской губернии стал коллежский советник П. Домуховский, переведенный с такой же должности из Вологодской губернии. После многочисленных “упущений по службе” и замечаний в июле 1908 г. он “перешел” в Дорогобужский уезд Смоленской губернии [23].

В 1903 г. шесть белорусских уездов Гродненской губернии были разделены на 36 участков земских начальников [24], а 4 уезда Виленской губернии – на 30 участков [25]. Таким образом, в конце 1903 г. территория 35 белорусских уездов была разделена на 210 участков земских начальников. Министр внутренних дел В. Плеве напомнил Виленскому генерал-губернатору о

необходимости соблюдения положения от 27 мая 1864 г. и избегать назначения на должности земских начальников «лиц польского происхождения и католического исповедания» [26]. Однако Виленский генерал-губернатор считал, что «поляк, идущий в земские начальники, следовательно, на дело руководимое русским правительством, без сомнения так или иначе отторгается от среды польского общества, которое желает оставаться оппозиционным» и признавал «назначение некоторого числа лиц польского происхождения в число земских начальников ... края с точки зрения правительственных в нем интересов выгодным» [27]. В результате царь подписал разрешение на занятие должностей земских начальников в качестве эксперимента по три католика в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях [28].

К 1 января 1912 г. в 35 белорусских уездах в 210 участках должности земских начальников занимали 9 католиков (4,3%), 13 лютеран (6,2%), 1 магометанин, по 11 чел. (5,2%) сведения о вероисповедании не установлены, а 19 мест (9,0%) были вакантными. Наибольшее количество незанятых мест приходилось на Минскую (6) и Могилевскую (5) губернии. К слову, в Чаусовском уезде Могилевской губернии 2 из 3 участков в январе 1912 г. были без земских начальников. На территории Беларуси гражданские чины имели 135 названных чиновников (70,7% от занятых мест), а военные – 52 (27,2%), не имели чина 4 чел. (2,1%), не указано – 2 чел. (1,0%). Образование в различных учреждениях армейского и морского подчинения получили 83 чел. (43,5%), в университетах – 58 чел. (30,4%), институтах – 9 чел. (4,9%), не указаны сведения об образовании – 8 чел. (4,2% от занятых мест). Остальные земские начальники имели различный уровень образования – домашнее, гимназическое, учительское и пр. [29]. Таким образом, кадровый состав земских начальников 35 белорусских уездов был весьма разнообразным.

В целом можно сказать, что со времени создания в 1861 г. структура учреждений по крестьянским делам претерпела значительную трансформацию. При этом на протяжении всего времени правительство держало на контроле кадровый состав губернских и уездных учреждений и принимало все возможные меры для ограничения занятий должностей, непосредственно

относящихся к крестьянству, кандидатами из местных дворян римско-католического вероисповедания. В результате ходатайства многих из них, способных и желавших принести пользу родному краю, не удовлетворялись, не смотря на наличие вакансий. Кроме того, в отличие от внутренних губерний, кадровый состав формировался не на основе выборного начала, а по назначению от правительства, а в ряде случаев и по согласованию с императором.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. 36. – Отд. 1. – Ст. № 36660. – С. 202–218.

2. Журналы и мемории Общего собрания Государственного Совета по крестьянскому делу с 28 января по 14 марта 1861 г. – Пг., 1915. – С. 56.

3. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. – М., 1978. – С. 4.

4. Могилевские губернские ведомости. – 1862. – 18 апреля.

5. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 38. – Ст. № 39354. – С. 209.

6. *Жытко А.П.* Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. – Мінск, 2003. – С. 204.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.1291. – Оп. 36, 1863 г. – Д. 33. – Л. 3–3 об.

8. *Жытко А.П.* Указ. соч. – С. 204.

9. Памятная книжка Виленской губернии на 1869 год. – Вильна, 1869. – С. 159–160, 170–171, 176, 182–183.

10. Там же. – С. 15–17.

11. Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. – СПб., 1868. С. 17–21, 166–173, 282–289, 495–501, 620–629.

12. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 36. – Отд. 1. – Ст. № 36660. – С. 202–218.

13. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 41. – Отд. 2. – Ст. № 43636. – С. 18–19.

14. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 42. – Отд. 1. – Ст. № 44359. – С. 283.

15. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 50. – Отд. 1. – Ст. № 54252. – С. 24.

16. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 53. – Отд. 1. – Ст. № 58352. – С. 225–226.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.1291. – Оп. 38. – Д. 2. – Л. 81, 103, 110–114, 127.

18. РГИА. – Ф.1291. – Оп. 54. – Д. 229. – Л. 2–4.

19. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 9. – Ст. № 6196. – С. 508–535.

20. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 20. – Отд. 1. – Ст. № 18854. – С. 762–764; Т. 23. – Отд. 1. – Ст. № 23106.

21. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 24. – Ст. № 24388. – С. 368–371.

22. Памятная книжка Витебской губернии на 1902 год. – Витебск, 1901. – С. 69, 86, 118, 126–127, 154–155; Памятная книжка Минской губернии на 1902 год. – Минск, 1901. – С. 104, 113, 130, 143, 154, 165, 178, 192, 203;

Памятная книжка Могилевской губернии на 1902 год. – Могилев, 1902. – С. 62, 78, 87–88, 108, 119, 128, 138, 151, 162, 171, 178.

23. Акт ревизии, произведенной Пинским уездным предводителем дворянства И.А. Папа-Афанасопуло во втором земском участке Пинского уезда. – [Минск], Б.г.

24. Памятная книжка Гродненской губернии на 1904 год. – Гродна, 1904. – Отд. IV: Справочные сведения. – С. 70–81.

25. Памятная книжка Виленской губернии на 1904 год. – Вильна, 1904. – Ч. II: Статистические сведения. – С. 21–22.

26. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 30, 1903 г., гр. Г. – Д. 175. – Л. 4.

27. Там же. – Л. 7.

28. Там же. – Л. 33.

29. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1912 года (исправлен по 1 января). – Часть II: Губернии, области, градоначальства / *По I отделению Департамента Общих дел.* – СПб.: Тип-я Мин-ва внутр. дел, 1912. – С. 59–62, 71–76, 159–165, 336–344, 352–357.

3.3. *Зинеева* (г. Черкесск, Российская Федерация),
С.В. Телень (г. Мозырь, Республика Беларусь)

КАВКАЗСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Кавказское казачество (черноморцы, линейцы, затем собственно кубанцы), если говорить не об отдельных выходцах, а об организованных группах, его представлявших, фиксируется в событиях истории Белоруссии неоднократно. Прежде всего следует учитывать, что речь здесь не о каком-либо колонизационном движении с Кавказа на территорию Северо-Западного края, а о военно-политических (и полицейских) мероприятиях русского правительства, в которых казаки участвовали на белорусских землях с конца XVIII в.

Сформировавшаяся в современной Республике Беларусь концепция национальной истории, тиражируемая не только в специальных работах профессиональных историков, но и местными школьными учебниками, предполагает рассмотрение шляхетского сословия XVIII – начала XX в., господствовавшего на белорусских землях, в качестве главного субъекта национальной белорусской истории. Как правило, польское самосознание, католическое вероисповедание и, соответственно,

полоноязычие этой шляхты, ее встроенность в сословно-правовые структуры польской шляхты бывшей Речи Посполитой в современной белорусской науке в расчет не принимаются. При всей дискуссионности данного взгляда, мы, уважая стремление дружественного нам белорусского народа к идеологическому обеспечению суверенитета своего государства, вынуждены учитывать этот подход. Данное обстоятельство побуждает нас видеть в тех событиях, которые инициировались местными шляхетскими повстанцами, обстоятельства не только польской, но и белорусской истории. Это тем более представляется оправданным, поскольку борьба с польскими шляхетскими инсургентами в 1794–1795, 1830–1831 и 1863–1864 гг. проходила зачастую на территории географически совпадающей с территорией современного белорусского государства.

К 1794 г. Речь Посполитая уже мало чем напоминала то могучее государство, которое в XVI–XVII вв. угрожало соседям. Она была дважды подвергнута разделам (в 1772 и 1793 гг.) Пруссией, Австрией и Россией. На территории Польши находились русские войска. Против них и было в первую очередь направлено восстание под предводительством Тадеуша Костюшко. Восстание началось в марте 1794 г. в Кракове. Ударной силой инсургентов стала шляхта. Ее целью было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., охватывавших также белорусские и украинские земли[1]. Общее количество русских войск, двинутых против повстанцев составило 50 тыс.[2]. Официально командовал ими генерал-аншеф Н.В.Репнин, но фактически основными операциями руководил А.В.Суворов [3].

Черноморским казакам было суждено принять участие в боевых действиях 1794 г. Вот как пишет о причинах появления черноморских конных полков в Польше историограф Полтавского полка И.В. Гулыга: «В то время, как черноморцы переселялись из-за Буга и начали устраиваться на Кубани, на западе России назрели серьезные политические события. В Польше вспыхнуло восстание, главным образом вследствие ее раздела. Правительство признало полезным вызвать на театр военных действий и черноморских казаков как естественную конницу, привыкшую действовать против... поляков» [4].

Действительно, еще за тридцать лет до рассматриваемых событий, в 1763 г., Екатерина грозила полякам: «Если осмелятся схватить... кого-нибудь из друзей России, то я ... спущу запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбой позволить им отомстить за оскорбления, которые наносит им король польский»[5].

22 апреля 1794 г. (здесь и далее даты даются по старому стилю) Екатерина II своим рескриптом повелела генерал-губернатору Новороссии графу П.А. Зубову отрядить в Польшу два пятисотенных конных черноморских полка под командой самого кошевого атамана Захария Чепеги. Предписывалось сформировать означенные полки из «исправных людей»[6]. Командовать полками Чепега назначил войсковых полковников Высочина и Малого[7]. 14 июня они выступили[8].

Всего выступило в поход черноморцев, не считая самого кошевого, войсковых полковников 2, есаулов 10, сотников 10, хорунжих 10, квартирмейстеров 2, полковых писарей 2, сотенных есаулов (урядников) и казаков 937[9]. У П.П. Короленко и И.Е. Гулыги говорится, что Высочин и Малый были отправлены в Польшу в распоряжение графа Салтыков [10], что требует уточнения. И.И. Салтыков был в это время президентом военной коллегии, но не командующим войсками или их частью в Польше [11]. Авторы, надо полагать, опирались на сообщение документа, где говорится, что черноморцам было назначено идти «к войскам... Салтыкова»[12]. Впрочем, это именно Салтыков распорядился Чепеге в походе «наблюдать строгую дисциплину; не позволять отнюдь подчиненным... делать обывателям обид, наказывая за сие и за всякие своевольства без пощады»[13]. Сколь соответствовали данному распоряжению действия казаков, мы рассмотрим ниже.

После успешного штурма Варшавы, состоявшегося 24 октября, и в котором принимали активное участие черноморские полки, они перешли на зимние квартиры в Белоруссию, расположившись по селам Брестского воеводства. Здесь они оставались до апреля 1795 г. Штаб-квартира Чепеги в это время находилась в местечке Шерешеве[14]. После перехода в Брестское воеводство корпус, в который входили черноморские полки возглавил генерал-поручик Б.П. де Ласси, в свою очередь

тесно взаимодействовавший с генерал-губернатором Литвы Н.В. Репниным[15]. По его распоряжению в апреле 1795 г. черноморские полки были переведены для содержания кордонов между Наревом и Бельском, вместе с Северским карабинерным, Украинским легкоконным и Фанагорийским гренадерским полками в распоряжение генерал-поручика Кноррига[16] В качестве кордонной стражи черноморцы должны были сыграть свою роль в обеспечении административного порядка на территории современной Белоруссии.

Как пишет К. Осипов, в 1795 г. Суворов «провел ряд весьма благоприятных для Польши (включая Белоруссию. – З.З. и С.Т.) мероприятий... он запретил сбор продовольствия для нужд армии под квитанции, приказал расплачиваться наличными; строги ми мерами поддерживал в войсках дисциплину, пресекал мародерство, охранял памятники культуры»[17]. Черноморцы в осуществлении такой политики играли достаточно заметную роль. Они с апреля по октябрь охраняли границу, обеспечивая службу таможен. Бригада Чепеги находилась на границе, которую постоянно «наблюдала», уведомляя обо всем «главную команду» (т.е. главное командование русских войск в Польше)[18]. Кроме того, в период нахождения на зимних квартирах черноморцы принимали участие в обеспечении почтовой связи от м. Белое до Венгрова[19]. Приходилось им, как уже говорилось выше, участвовать и в обеспечении внутреннего порядка, в защите населения от «разбойников», посылая по дорогам частые разъезды[20].

Подобная деятельность могла бы быть зачтена черноморцам в позитив, но, как пишет Петрушевский, в русской армии XVIII в. были сильны традиции, так сказать, самообеспечения: «Следы этой распущенности существовали довольно долго и особенно были видны в третью польскую войну» в 1794 г.[21]. Разумеется, А.В. Суворов всячески пресекал беззакония. В этой связи черноморцы неоднократно получали соответствующие распоряжения от начальства. Например, 11 апреля 1795 г. де Ласси писал Чепеге: «Вследствие получения Его Сиятельства Высокоповелительного г-на генерал-фельдмаршала... Александра Васильевича Суворова... предписывается оному кошу (черноморцев.– З.З. и С.Т.), ... чтобы ничего насильно и без денег

не брано»[22]. 4 мая 1794 г. де Ласси направил Чепеге ордер: «Вследствие предписания главного начальства строжайше запрещается безотводу пущать на луги и другие сенокосные места полковых и прочих лошадей и тем обывателям причинять обиды»[23]. Уже 23 сентября 1795 г., когда полки готовились к отправке домой на Кубань, из корпусного штаба Чепеге было направлено предписание, чтобы тот следил, дабы его подчиненные при следовании на Кавказ не чинили обывателям никаких обид[24].

Однако в литературе и архивных документах мы встречаем достаточно свидетельств о нарушении этих предписаний русскими воинскими людьми, в том числе черноморцами. А.Ф. Петрушевский приводит в качестве примера такой случай. «Проходя через одно местечко, – пишет Петрушевский, – кошевой (Чепега. – З.З. и С.Т.) заметил бегающих по улице поросят и обратился к своему полковнику: «Алексей Семенович, вишь, какие гладкие поросята; чего глядишь!» Полковник соскочил с коня, поймал несколько поросят, заколол их, положил в торбу и продолжил путь с кошевым»[25]. Если так вели себя командиры, нижними чинами нарушения допускались тем более. Два объемных архивных дела Государственного архива краснодарского края имеют характерные заголовки: «Жалобы жителей Литвы на притеснения от войск, расположенных в ней по квартирам». Судя по документам, помещенным в эти дела, наиболее часто конфликты у казаков случались со шляхтичами и евреями, гораздо реже с крестьянами. Основным мотивом жалоб местных жителей было обвинение казаков в грабежах. Один такой случай имел место 17 февраля 1794 г.: «Ночью наехавши в деревню Рогачи черноморских казаков человек до пятнадцати, окруживши корчму и не выпустя из оной никого, перевязали всех там бывших и, учинивши грабительство, уехали»[26]. Черноморцы не упускали случая, чтобы вывернуть карманы богатому еврею. Так, 17 августа 1794 г. де Ласси направил Чепеге ордер, где велел разобраться с казаками, которые у некоего Изи «взяли... сто девяносто червонцев галандских и серебром тридцать рублей»[27].

Особенно часто казаков обвиняли в безденежной заготовке фуража. Типичный случай описан в приказе Чепеге,

последовавшем из корпусного дежурства 25 июня 1795 г.: «Селения Пасонков ксендз Коминский жаловался Его Превосходительству Борису Петровичу (де Ласси – 3.3. и С.Т.), что полков черноморских находящийся в том селении табун пасут сверх от веденных им по анамету сеножатах и сверх того накошенное той деревни обывательское сено не дают перевозить»[28].

Реакция командования на описанные инциденты была закономерно негативной. По случаю происшествия в корчме 17 февраля командование распорядилось «кому следует приказать виновных в том воровстве отыскать и доставить обиженным справедливое удовлетворение, а впредь подтвердить, чтобы черноморцы из своих квартир в чужие не отлучались»[29]. 4 мая 1795 г. де Ласси своим ордером Чепеге не просто запретил «без отводу пущать на луги и другие сенокосные места полковых и прочих лошадей», но объявил, что «если кем без ведома и отводу военных земских смотрителей будут где самовольно заняты и выпасены сеножати или хлебы обывательские, с таковыми поступлено будет по всей строгости законов, и сверх того обиженные будут удовлетворены в полной мере их претензий из принадлежащей тому полку суммы»[30].

Разбирательства по поводу нарушений действительно производились. Так было, например, в сентябре 1795 г. после ограбления черноморским казаком Завирюхой пинского шляхтича Квитницкого[31]. Но иногда само местное население определенным образом подавало повод для конфликтов: 7 марта 1795 г. полковой есаул Лукьян Губа доносил Высочину, что казаки «вверенной сотни», готовы платить за фураж обывателям (на это казаки получали деньги в «Главной провиантской комиссии, состоящей в Варшаве»[32]), но жители деньги брать не хотят, т.к. деньги – «ассигнации»[33].

И все же среди многих свидетельств нарушений, допущенных черноморцами, встречаются и такие, которые лишают данную ситуацию ее однозначности. Так, 25 июля 1795 г. некий прапорщик Попов, черноморский офицер, обратился к Чепеге с рапортом: «Сего теченя (диалект. июля – 3.3. и С.Т.) 24-го числа находящийся в деревне Плюсках на залоге Черноморского полку казак Трофим Зинченко когда увидел, что

от Фанагорийского гренадерского полку лошади ходят по обывательским сеножотям, и пошел с тамошними мужиками, чтобы оные отогнать оттоль в деревне Плюски, ... то в самое время... прибежал того полку поручик... и начал бить оной мужиков, и когда оной Зинченко вступился за тех мужиков и просил того поручика не бить безвинно, то оной поручик первые сам ударил его в щеку, а напоследок бил его... плетью и чем попало». Попов после случившегося отправился к командиру Фанагорийского полка полковнику Жеребцову, «который при моих убеждениях, – пишет Попов, – о удовлетворении обиженных и о наказании виновных, ... разбрал меня всеми непотребными чести офицерской поносными словами, угрожая бить...»[34]. Не ясно, чем закончилось это дело, однако замечателен сам факт заступничества казаков за местных жителей, тем более перед великороссами-фанагорийцами.

Вторым значимым эпизодом присутствия кавказских казаков в истории Белоруссии связан с событиями польского мятежа 1830–1831 гг. Одним из необходимых условий шляхетского восстания 1830 года было наличие автономии Королевства Польского в составе Российской империи. А.П. Щербатов писал по этому поводу: «Польша при утвержденном после Венского в 1815 г. конгресса конституционном образе правления с национальной армиею, вне общего для России принципа самодержавия, не отказалась от прошлого своего государственного значения. Конституционные учреждения, не успев еще вселить в народном понимании законность и чувство меры, способствовали развитию заносчивых мечтаний, всегда опасных в особенности народностям политически малоразвитым и малообразованным»[35].

Подобно восстанию 1794 г., новый польский мятеж преследовал цель восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.[36] Более того, идеологи инсurreкции призвали вторгнуться всей массой польской армии в Литву, Белоруссию и на Украину. Как писал один из них, М. Мохнацкий, в газете «Новая Польша»; «Таким образом мы подняли бы дух... кавказских народов, неохотно сносящих русское владычество... Театром войны должна быть не сегодняшняя Польша, а Польша, находящаяся под властью Росси»[37].

На этот раз на территории Белоруссии действовали уже не черноморцы (их полки сражались на территории самой Польши), а казаки Кавказского Линейного казачьего войска (КЛКВ). Линейцы в означенных событиях были представлены Сборно-Линейным полком. Официальной датой формирования Сборно-Линейного полка считается 1 декабря 1830 г. Изначально часть состояла из 5 сотен, которые комплектовались от всех полков Кавказской линии. У С. Петина говорится, что данный полк «состоял из представителей 8-ми полков Кавказского линейного казачьего войска»[38]. Действительно, именно 7 полков и Терское семейное войско, выставлявшее один полк, объединились в 1832 г. в КЛКВ. Однако сколь представлены были в Сборно-Линейном полку именно кубанские линейцы? Судя по архивным документам, из трех полков кубанских линейцев, существовавших к 1830 г. (Кубанский, Хоперский, Кавказский) в Сборно-Линейном полку четко фиксируются хоперцы и кавказцы[39]. Насчет же казаков Кубанского полка есть сообщение А.Д. Ламонова: «В 1831 г. несколько кавказцев (т.е. представителей станицы Кавказской. – З.З. и С.Т.) участвовали в сражении с поляками... близ Варшавы»[40]. Между тем станица Кавказская в первой половине XIX в. состояла в округе Кубанского полка[41]. Из работ А.Г.Рыбальченко можно заключить, что все линейные казачьи полки выставили команды по чуть более полусотни при нескольких офицерах[42]. По свидетельству М.А. Караулова и В. Толстова, в организации Сборно-Линейного полка самое живое участие принял И.Ф. Паскевич[43.]. Командиром полка был назначен будущий атаман КЛКВ полковник П.С. Верзилин. Ф.А. Щербина называет Верзилина настоящим боевым офицером, имевшим богатый опыт борьбы с горцами и турками[44].

13 декабря 1830 г. Сборно-Линейный полк в числе 1 штаб- и 16 обер-офицеров, 39 урядников и 548 казаков «выступил из Ставрополя в город Гродно»[45]. Здесь линейцам надлежало включиться в мероприятия, направленные против повстанцев.

Необходимо подчеркнуть, что польское национальное движение в Белоруссии еще более, чем в Королевстве, носило шляхетский характер. А.П. Щербатов писал, что здесь «все умственные силы, все богатство края находились в руках

дворянства, сроднившегося с польскою национальностью»[46]. Однако сугубо шляхетский характер восстания в Белоруссии препятствовал образованию у него массовой базы. К тому же сказывалось отсутствие регулярных государственных структур, существовавших в Королевстве. Поэтому многочисленная в этих краях шляхта прибегла в Литве к партизанским методам борьбы. Центром восстания тут становится Виленская губерния, в то время включавшая и значительную часть северо-западных белорусских земель[47].

Между тем в Виленской губернии в марте-апреле было мало русских войск. Виленский военный губернатор Храповицкий постоянно просил русское командование выслать подкрепление. Во второй половине марта положение русских еще более ухудшилось. Единственной значимой группировкой правительственных войск был гарнизон Вильно. В уездах же хозяйничали численно преобладавшие повстанцы.

В целях подкрепления сил Храповицкого в губернию и был направлен Сборно-Линейный полк. Правда, в середине марта 1831 г., когда часть уже находилась в Минской губернии, Верзилин получил приказ от походного атамана казачьих полков Действующей армии ген.-майора Власова изменить маршрут следования и повернуть в сторону Мендзиержиц (юго-восточная Польша)[48]. По пути полк должен был конвоировать пленных, но где-то под Несвижем Верзилин получил новый приказ: срочно повернуть на Вильно[49].

Приход в Вильно Сборно-Линейного полка был кстати. Гарнизон Вильно теперь вырос до 3 тыс. человек[50]. Однако силы повстанцев составляли здесь все же много более: около 30 тыс. человек[51]. Особенно крупные силы мятежников были сосредоточены в районе г. Ошмян. В городе хозяйничал отряд графа Пшездецкого, насчитывавший более 2,5 тыс. 1 апреля Храповицкий послал в Ошмяны отряд из 300 линейцев и 500 чел. пехоты при 4-х орудиях. Общее командование им было поручено полковнику Верзилу[52].

Приближение отряда вызвало панику среди мятежников. Ими было решено отступить в леса, оставив в Ошмянах для прикрытия отступления 600 человек. Вот этот повстанческий арьергард и попал под удар Верзилина 4 апреля 1831 г. Будучи

разбит в предместье, враг, тем не менее, отчаянно сопротивлялся. Преследуя противника, линейцы в пеших рядах, действуя холодным оружием, ворвались в город. Здесь они встретили сопротивление не только со стороны повстанцев, но и со стороны местного, в массе своей еврейского, населения. Это привело казаков в ярость. Как пишет очевидец, «обыватель Упитского повета», казаки выкатили два орудия на улицу и сделали вдоль нее два выстрела картечью. После этого последовала последняя атака, перешедшая в погром. В ходе его, по сообщению того же мемуариста, впрочем весьма пристрастного, линейцы убивали всех подряд на своем пути, грабили еврейские лавки, костелы, дома[53]. Линейцы, по сообщению Ю. Клуковского, также не слишком объективного мемуариста, не щадили никого: «Ничего для варваров не было святого»[54].

Повстанцы, потеряв 350 чел. убитыми (по другой версии, среди убитых преобладали мирные жители[55]), отступили в окрестные леса. После этого начались репрессии в отношении обывателей. Часть жителей Ошмян казаки привязали к пушкам и привели в Вильно. Иным обрили головы и в таком виде оставили[56]. В целом же дело в Ошмянах имело большой резонанс. На него Николай I откликнулся словами: «Дела литовские исправляются, урок Ошмян был действителен»[57].

Для нас важно то, что со времени «ошмянской резни», едва ли имевшей, однако, место в отношении мирного населения, а не инсургентов, понятие «черкесы» (варианты: «кабардинцы» и даже «киргизы»), закрепившееся в шляхетском обществе за линейцами, надолго стало символом свирепости, беспощадности. Так, по прошествии многих лет, «черкесами» называли кубанцев шляхетские повстанцы 1863 года[58]. Еще позже, в период Первой мировой войны, так именовали их легионеры Ю.Пилсудского[59].

Ошмянское дело было крупнейшим предприятием линейцев за все время войны 1831 г. Оно весьма подняло авторитет Сборно-Линейного полка и его командира. Верзилину и его казакам поручаются новые ответственные акции. Например, уже 6 апреля отряд Верзилина, в котором бы до 300 линейцев и две роты Белозерского пехотного полка при двух орудиях, разбил в бою у с.Овсянишки соединенный повстанческий отряд,

насчитывавший до 3 тыс. чел.[60].

Кстати, представляется показательным, что в отношении белорусских крестьян никаких свидетельств о репрессивных действиях казаков, как и солдат регулярных русских частей, в источниках нет. Это говорит за себя в еще большей мере, чем вышеописанный случай заступничества черноморцев перед офицерами Фанагорийского полка, о чем речь шла выше.

Таким образом, представляется важным отметить то обстоятельство, что в тех случаях, где мы встречаем кавказских казаков применительно к событиям белорусской истории, очевидна направленность пацификаторских действий черноморцев и линейцев в отношении лишь тех категорий населения Белоруссии XVIII–XIX вв., которые только по идеологическим соображениям и могли бы быть ныне относимы к категории субъектов белорусской истории. Но, как представляется, субъект этой истории, выступающий в лице местного шляхтича, есть предмет дискуссий (относительно его «белорусскости»). В отношении же собственно белорусов роль кавказских казаков находит аналогии скорее в роли казаков в деле освобождения болгарских крестьян от ихтурецких господ в ходе войны 1877–1878 гг.

Примечания

1. Историй Польши. – М., 1954. – Т.1. – С.346.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. ВУА. – Д. 2735. – Л. 3.
3. *Осипов К.С.* Александр Васильевич Суворов. – М., 1950. – С. 130; *Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е.* Во славу Отечества Российского. Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в. – М., 1984. – С.264.
4. *Гулыга И. Е.* 1-й Полтавский атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. – Тифлис, 1913.– С.31.
5. Цит. по:*Соловьев С.М.* История падения Польши //*Соловьев С.М.* Соч. – М., 1995.– Кн. XVI. – С. 413.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф.249. – Оп. 1.– Д. 292.– Л. 2–3.
7. Там же.– Л. 1.
8. ГАКК. – Ф.249. – Оп. 1.– Д. 288.– Л. 4.
9. Там же.– Л.15.
10. *Короленко П.П.* Черноморцы. – СПб., 1874.– С. 89;*Гулыга И.Е.* Указ.соч. – С.31.

11. *Ростунов И.И.* Генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Жизнь и полководческая деятельность. – М., 1989. – С.333.
12. ГАКК.– Ф. 249.– Оп. 1. – Д. 288.– Л. 12.
13. Там же.– Л. 12 об.
14. ГАКК.– Ф. 249.– Оп. 1. – Д. 318 (Т.1).– Л. 65.
15. ГАКК.– Ф.249.– Оп. 1. – Д. 311 (Т.1).– Л. 175.
16. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1.– Д. 306.– Л. 216 об.; Д. 318 (Т.1).– Л. 65.
17. *Осипов К.* Великий русский полководец. – М., 1950. – С. 17.
18. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1.– Д. 318 (Т. 1).– Л. 198 и об, 323, 338.
19. Там же.– Л. 51.
20. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1. – Д.311 (Т. 1).– Л. 191.
21. *Петрушевский А.Ф.* Генералиссимус князь Суворов. – СПб., 1900. – С. 371.
22. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1. – Д.311 (Т. 1).– Л. 175 и об.
23. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1.– Д. 311 а (Т. 2).– Л. 222.
24. Там же.– Л. 404.
25. *Петрушевский А.Ф.* Указ. соч. – С.371–372.
26. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1. – Д. 311 (Т. 1).– Л. 93.
27. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1.– Д. 311 а (Т. 2).– Л. 319.
28. Там же.– Л. 279.
29. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1. – Д. 311 (Т. 1).– Л. 93
30. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1.– Д. 311 а (Т. 2).– Л. 222.
31. Там же. – Л. 368.
32. ГАКК. – Ф. 249.– Оп.1. – Д. 306.– Л. 145.
33. ГАКК. – Ф. 249.– Оп. 1. – Д. 311 (Т. 1).– Л. 148.
34. Там же. – Л. 282–283 об.
35. *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность.– СПб, 1894.– Т. 4.– С. 3.
36. *Historia Polski.* – Warszawa, 1958. – Т. II. – Cz. 2. – S. 457.
37. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. – М., 1956.– Т. 2.– С. 99.
38. *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб, 1899. – С.80.
39. РГВИА. – Ф. 1058.– Оп. 2.– Д. 541.– Л. 4, 15, 23; ГАКК. – Ф. 670.– Оп. 1.– Д. 5.– Л. 92 об.
40. *Ламонов А.Д.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1898.– Т. 4.– С. 23.
41. ГАКК. – Ф. 256.– Оп. 1.– Д. 111.– Л. 4.
42. *Рыбальченко А.Г.* Памятка хоперских казаков. – Екатеринодар, 1910.– С. 47;*Его же.* Краткая историческая памятка хоперских казаков. – Баталпашинск, 1910.– С. 9.
43. *Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем

(памятка терского казака). – Владикавказ, 1912.– С. 185; *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896.- Тифлис, 1900.– Т. 1.– С.225.

44. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1913. – Т.2. – С.416.

45. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 5089.– Л.6.

46. *Щербатов А. П.* Указ. соч. – С.4.

47. *A. Z.* Wojna na Litwie w roku 1831. – Kraków, 1913. – S.18–23.

48. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 5089.– Л. 28–29.

49. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 295.– Оп.1. – Д. 297.– Л. 1–2.

50. *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. – СПб., 1890. – Т.1. – С. 282.

51. *Mielżyński M.* Wyprawana Litwie. – Kraków, 1908. – S.20.

52. ГАКК. – Ф. 670. –Оп. 1.– Д. 5.– Л. 92 об.

53. *Wrotnowski F.* Zbiór pamiątek o powstaniu Litwy wr. 1831. –Paryż, 1835. – S. 240–241.

54. Powstanie 1831 roku na Litwie. Wspomnienia uczestników. – Wilno, 1931. – S.104.

55. *Tokarz W.* Wojna polsko-rosyjska 1830 I 1831. – Warszawa, 1993. – S. 229.

56. *Wrotnowski F.* Op. cit. – S.242.

57. *Tokarz W.* Op. cit. – S.229.

58. *Przyborowski W.* Dzieje 1863 r. – Kraków, 1905. – S.370.

59. *Dąbrowski M.* Z cyklu Żłntrz I brygady. Kampania na Wołyniu. – Warszawa, 1919. – S. 18.

60. ГАКК. – Ф. 670. –Оп. 1.– Д. 5.– Л.93.

Л.В. Бурькина (г. Майкоп, Российская Федерация)

БЕЛОРУССКИЕ МИГРАНТЫ КАК СТАБИЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII–XIX ВВ.

Расширение границ на южных просторах России в конце XVIII в. было сопряжено с широкомасштабными миграционными потоками, повлекшими за собой значительные демографические, этнокультурные и социально-экономические трансформации в регионе. Миграционное движение на Северный Кавказ представляло собой глубокий кумулятивный процесс,

складывавшийся под воздействием социально-экономических, военно-политических, конфессиональных, этнокультурных и иных факторов, функционировавших обособленно или в разноплановой комбинации. Миграционные волны в регионе в XIX в. проходили в пределах переселенческой политики российского правительства как на принудительной, так и на добровольной основе. Вместе с тем случались и стихийные миграции, связанные в первую очередь с ростом экономического потенциала региона.

В основе колониальной политики России лежало стремление укрепить восточнославянское ядро в регионе и создать надёжный этносоциальный оплот империи. Стержневым компонентом восточнославянской колонизации Северо-Западного Кавказа являлось казачество, а также массовые потоки крестьян. В 90-е гг. XVIII в. сюда двинулись выходцы не только из русских, а также «из исконно украинских территорий: Киевщины, Переяславщины, Черниговщины, Среднего Поднепровья, а позднее Слободско-Украинской губернии и др.» [1]. Украина для Северо-Западного Кавказа являлась источником формирования основных эшелонов переселенцев еще задолго до окончания Кавказской войны [2].

В результате разделов Речи Посполитой все белорусские земли были включены в состав Российской империи. Мигранты из белорусских земель также были вовлечены в освоение просторов Кубани и Черноморского побережья Кавказа. Белорусский исследователь В.Е. Козляков отмечает, что современная историография дала не очень много примеров обращения учёных к этой проблематике [3]. Исключением можно считать труды известных кубанских историков О.В. Матвеева, Н.И. Бондаря, В.Н. Ракачёва, впервые затронувших историю белорусов Кубани и Черноморья и внесших значительный вклад в разработку белорусоведения Северного Кавказа [4].

В последнее пятилетие к исследованию белорусского следа на Северном Кавказе подключились и исследователи из Республики Беларусь В.Е. Козляков, П.С. Крючек, В.Н. Сергеев [5].

На территорию Кубани белорусы, именуемые в документах первой половины XIX в. «литвинами», мигрировали в 90-е гг.

XVIII – первой половине XIX в. либо небольшими группами в числе украинских крестьян-переселенцев, а также в составе контролируемых царизмом первых миграционных волн черноморского казачества, либо индивидуально из среды духовенства и шляхты.

Очевидно, как указывает О.В. Матвеев, существенная часть белорусов переселилась на Кубань в ходе контролируемых царизмом миграций малороссийских казаков в 1792–1849 г.г. Полиэтнический состав Черноморского казачьего войска можно объяснить, прежде всего, спецификой системы его комплектования и пополнения. По данным Ф.А. Щербины, в организованном из различных мест разноплеменном войске состояли на службе великороссы, поляки, литовцы, молдаване, татары, греки, немцы, евреи [6]. В.А. Голобуцкий добавлял ещё случаи пополнения войска болгарами, сербами, албанцами и представителями других национальностей [7]. Так, на заседании Войскового правительства 16 марта 1794 г. отмечалось: «Старшины и казаки при собрании сего войска поступили на службу из разных мест Российской империи и Польской области» [8]. Однако нет полного доверия к таким этномаркирующим фамилиям как Бессараб, Цыган, Болгарин, Литвин и пр., поскольку этноним «литвин» мог относиться (в зависимости от составителя документа) и к жителю северной Украины, и белорусу, реже поляку, а то и просто католику [9]. «Литвины», уроженцы северной Украины, имелись в составе Черноморского казачьего войска в 1792 г. [10].

В переписи 1794 г. фактически почти в каждом курене Области Войска Черноморского можно встретить носителей фамилии Литвин (Литвын) [11]. Лагута Семен и Лагута Трофим числятся в Полтавском курене [12]. Фамилия Лагута образована от имени собственного и относится к распространенному типу украино-белорусских фамилий. Кроме этого, благодаря материалам казачьей антропониимии предоставляется возможность косвенно определить регион, уроженцем которого являлся прибывший в Черноморию человек. Так, В.И. Шкуро указывает, что в Кисляковском курене в 1794 г. значился казак Могилевец Моисей, а в Кореновском – Могилевец Иван [13].

«Алфавитный список Переписи на Кубани 1794 года для сверки прозвищ–фамилий» позволяет высказать предположение, что Белицкий Роман из Ивонивского куреня, Белицкий Семён из Корсунского куреня (очевидно, фамилия происходит от старинного белорусского местечка Белица Гомельского уезда), Волинский Клим из Величковского куреня (фамилия Волинский (Волинский) в большинстве случаев имеет польское или белорусское происхождение), Маковецкий Григорий из Калниболоцкого куреня и Маковецкий Иван из Джереливского куреня (носители фамилии Маковецкий происходили из г. Слуцка и его окрестностей) – были выходцами с белорусских земель. В разных куренях 36 раз встречается фамилия Чернявский и 6 раз – Чорнявский, а поскольку фамилия Чернявский ведет свое происхождение от названия местечка Чернавчицы Гродненской губернии, можно предполагать, что представители данной фамилии были уроженцами белорусской губернии [14]. В разных куренях встречается фамилия Недвига, которая имеет как украинские, так и белорусские корни [15], подобным образом обстоят дела и с фамилией Скляр (Скляр по-белорусски и по-украински –стекольщик).

Согласно проекту П.Д. Киселёва и В.П. Кочубея в 1821 – 1825 гг. на земли Черноморского казачьего войска переселялись малороссийские казаки из Полтавской и Черниговской губерний [16], в их рядах и белорусы из белорусских поветов (уездов) Черниговской губернии. По сведениям подполковника Генерального штаба М. Домонтовича, составителя статистико-этнографического описания Черниговской губернии, «в Малороссии жители задесенской части Черниговской губернии известны под общим названием «литвинов». Этим именем малороссияне зовут вообще всех белорусов, полагая отличительными их чертами: в говоре – дзеканье, а в одежде – белый цвет и лапти. Признаки эти имеют и черниговские литвины, отличаясь ими от коренных малороссиян. История заселения северной части Черниговской губернии вполне может подтвердить родство этих литвинов с белорусами» [17]. Однако «чистый тип белоруса в полной силе» встречается лишь в Мглинском, Суражском, Новозыбковском, Стародубском и отчасти Городнянском уездах Черниговской губернии [18]. В

Государственном архиве Краснодарского края имеются документальные подтверждения о водворении уроженцев белорусских уездов Черниговской губернии в куренные селения Черномории [19].

К сожалению, переселение 1821–1825 гг. в Черноморию было связано с большими проблемами, поскольку 1821 год на Северо-Западном Кавказе выдался неурожайным, и к тому же налетевшая саранча погубила не только зерновые, но и травы. Из-за этой трагедии часть переселенцев вынуждена была бродить по дворам и просить себе хлеба [20].

Немало уроженцев Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской губерний, участвовавших в польских восстаниях 1830–1831 гг. и в 1863 г., служили в Кавказской армии, в укреплениях Черноморской береговой линии. Бесспорно, что офицерский корпус Кавказского Линейного казачьего войска зачастую комплектовался в первой половине XIX в. и адептами белорусской шляхты. Их «белорусскую» идентичность обнаружить довольно непросто, потому что дворянство западных русских губерний на данном этапе оставалось во многом нацеленным на польскую культуру и католицизм. Впрочем, как подчёркивает А.Ю. Бендин, во второй половине XIX – начале XX вв. среди белорусов Северо-Западного Кавказа идентичность православно-русской ориентации сложилась как доминирующее ядро [21].

Межконфессиональные браки ряда уроженцев западных губерний – представителей римско-католического вероисповедания – являются признаком их относительной религиозной толерантности [22]. Кроме Черноморского казачьего войска и Кавказской армии, мигранты из белорусских земель присутствовали и в сфере духовенства Правого фланга Кавказской линии и Черномории [23].

В 90-е гг. XVIII – первой половине XIX вв. происходил процесс интеграции белорусского этноса как в состав этнически когнатной восточнославянской ассоциации в масштабах региона, так и в структуру конфессионально-этнической общности русских в масштабах России. Данный процесс проходил на базе либо совместных религиозных и этнокультурных славянских ценностей, как это было справедливо в отношении белорусов-

православных, либо на базе ценностей сословных, карьерных (служилых), как это имело место в отношении белорусов римско-католической конфессии.

Глобальная трансформация этнопанорамы региона произошла после завершения Кавказской войны, махаджирства адыгов в султанскую Турцию и переселения на их земли казаков и жителей внутренних губерний России. Для адыгов последствия войны были столь же трагичными и мучительными, как и собственно военные действия: массовая депортация, насильственное переселение, постепенная интеграция в политическую, экономическую и социально-культурную орбиту Российской империи [24].

Отмена крепостного права в Западном крае, обнародование Положения 29 апреля 1868 г., позволявшее иногородним обосновываться и обзаводиться недвижимой собственностью на казачьих территориях, строительство Владикавказской железнодорожной магистрали стимулировали переселение в регион крестьян – уроженцев Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний. Белорусы энергично адаптировались к традиционной культуре и природно-климатическим условиям новой родины, а коренным её жителям импонировали толерантность, спокойствие, выдержка и трудолюбие белорусов [25]. Этнически компактных колоний-поселений, подобно немецким или чешским, они не сформировали, а культурно-бытовая специфика проявлялась в лингвистической базе только у старших поколений мигрантов.

По материалам первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Кубанской области было представлено лиц с родным белорусским языком 12 356 чел. [26] (0,65% от всего населения области), в Черноморской губернии белорусов насчитывалось 625 чел. (1,2% от всех жителей) [27]. Они стали неотъемлемой частью этнически родственного восточнославянского сообщества региона. Восточнославянская колонизация Северо-Западного Кавказа играла особую роль в качестве скрепляющего и стабилизирующего фактора в генерировании целостности пространства Российской империи, способствовала преодолению разобщения и многовековой

вражды автохтонного населения региона, их консолидации в пределах единого государства.

Примечания

1. *Касименко А.К.* История Украинской ССР [Текст]: Попул. очерк: [Перевод] / Акад. наук УССР. – Киев: Наукова думка, 1965. – С. 44.

2. Радянська енциклопедія історії України. – Київ: Голов. ред. укр. рад. енциклопедії, 1972. – Т.4. – С. 500.

3. *Козляков В.Е.* Белорусы на Северном Кавказе: некоторые вопросы историографии // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 9: / науч. ред., сост. *О.В. Матвеев.* – Краснодар: Эдви, 2016. – С. 7.

4. *Бондарь Н.И., Матвеев О.В, Ракачев В.Н.* Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 4 / науч. ред., сост. *О. В. Матвеев.* – Краснодар: Эдви, 2008. – С. 43–98; *Бондарь Н.И.* Этнокультурный облик Кубани (XVIII–XXI вв.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.) [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, ноябрь–декабрь 2013 г., г. Краснодар / М-во культуры Краснодарского края, Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУ "Кубанский казачий хор"; [науч. ред., сост. *Н. И. Бондарь, А. И. Зудин*]. – Краснодар: Традиция, 2013. – С. 218–231; *Матвеев О.В.* Белорусский компонент в составе казачества Кубани в зеркале источников конца XVIII первой половины XIX вв. // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. Всероссийская научно-практическая конференция, 17–18 октября 2013 г.: [материалы] / отв. ред. *И.О. Тюменцев; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы».* – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС. 2013. – С. 101–111; *он же.* Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX вв.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII – XXI вв.) [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, ноябрь–декабрь 2013 г., г. Краснодар / М-во культуры Краснодарского края, Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУ "Кубанский казачий хор"; [науч. ред., сост. *Н. И. Бондарь, А. И. Зудин*]. – Краснодар: Традиция, 2013. – С. 102–122; *он же.* Некоторые итоги и перспективы изучения культуры славянского населения Кубани и Черноморья // Славяноведение. – 2013. – № 1. – С. 91–98; *он же.* Белорусы на Кубани и в Черноморье в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды БГТУ. Научный журнал. История, философия, филология. – 2014. – № 5(169). – С.19– 21; *он же.* Белорусы в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья в конце XVIII – первой половине XIX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2014. – № 1–2. С. 5–22; *он же.* Белорусы в Кавказской войне // Война и воинские традиции

в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения). – Ростов-на-Дону, 06-07 мая 2016 г. – Ростов н/Д.: Альтаир. 2016. – С. 100–108.

5. *Козляков В.Е.* Белорусы на Северном Кавказе: некоторые вопросы историографии // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 9: / научн. ред., сост. *О.В. Матвеев*. – Краснодар: Эдви, 2016. – С. 6-17.; *Крючек П.С.* Проблема включения белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX в. / *П. С. Крючек, В. Н. Сергеев* // Труды Белорусского государственного технологического университета. – Минск: БГТУ, 2014. – № 5 (169). – С. 3–6; *они же.* Переселенческие процессы с территории Беларуси на юг России во второй половине XIX – начале XX в. как фактор взаимопознания народов / *П. С. Крючек, В. Н. Сергеев* // Труды исторического факультета Белорусского государственного университета. Научный сборник. – Минск: БГУ, 2014. – С. 62–72; *Крючек П.С.* Переселенческая политика в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере переселения из Беларуси в южные губернии России). // Труды Белорусского государственного технологического университета. – Минск: БГТУ, 2015. – № 5 (178). – С. 8–11.

6. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: тип. Кубан. обл. правл., 1910. – Т. 1. – С. 576.

7. *Голобуцкий В.А.* Черноморское казачество. – Киев: изд-во АН УССР, 1956. – С. 141.

8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 250. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 12.

9. См.: *Чаквин И.В., Терешкович П.В.* Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV-начало XX вв.) // Советская этнография. – 1990. № 6.; *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zarusskiy.org/analytics/2008/06/22/13209/>

10. *Фролов Б.Е.* Национальный состав Черноморского казачьего войска (1787-1860 гг.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kazachiy-krug.ru/stati/kazachi-vojska-rossii/nacionalnyj-sostav-chernomorskogo-kazachego-vojska>

11. См: Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы / Администрация Краснодарского края, Упр. по делам арх. Краснодарского края, Гос. учреждение Краснодарского края "Государственный архив Краснодарского края"; [сост.: *Н.В. Малеева и др.*]. – Краснодар: Диапазон-В, 2006.

12. Алфавитный список Переписи на Кубани 1794 года для сверки прозвищ-фамилий [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.genoua.name/viewtopic.php?id=3465>

13. *Шкуро В.И.* Антропонимия черноморских казаков // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края 23–27 сентября / научн. ред. *В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнёв.* – Краснодар, 1996. – С. 287.

14. Алфавитный список Переписи на Кубани 1794 года для сверки прозвищ - фамилий [Электронный ресурс] – Режим доступа://<http://forum.genoua.name/viewtopic.php?id=3465>

15. Происхождение фамилии Недвига [Электронный ресурс] – Режим доступа://<https://www.analizfamilii.ru/Nedviga/proishozhdenie.html>

16. ГАКК. – Ф.249. – Оп.1. – Д. 767. – Л. 1.

17. *Домонтович М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. Составил Генерального штаба подполковник *М. Домонтович.* – СПб.: Типография Нерсона, 1865. – С. 532.

18. Там же. – С. 533.

19. ГАКК. – Ф. 345. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 105 об., 112 об., 122 об., 150 об., 151 об., 162 об., 163 об., 164 об., 172.

20. ГАКК. – Ф. 345. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 275.

21. *Бендин А.Ю.* Этническая идентификация белорусов 60-х гг. XIX – начала XX вв. в современной историографии [Электронный ресурс] – Режим доступа://<https://zapadrus.su/zaprus/istbl/161-60-xix-xx.html>

22. ГАКК. – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 1359. – Л. 107; Ф. 318. – Оп. 1. – Д. 526. – Л. 675.

23. *Бабич А.В.* Православные священники Кубани – выходцы из западных губерний Российской империи // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / научн. ред, сост. *О.В. Матвеев.* – Краснодар, 2008. – С. 60–63; он же. Духовенство польского происхождения на Кубани [Электронный ресурс] – Режим доступа://<http://www.proza.ru/2016/06/23/1012>

24. *Шеуджен А.Э.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. – Москва-Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – С. 105.

25. *Крючек П.С.* Переселенческая политика в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере переселения из Беларуси в южные губернии России). // Труды Белорусского государственного технологического университета. – Минск: БГТУ, 2015. – № 5. – С. 19.

26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. *Н.А. Тройницкого.* – СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1905. – Т. LXV. Кубанская область. – С. 60.

27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. *Н.А. Тройницкого.* – СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1901. – Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь 2. – С. 15.

А.П. Скорик (г. Новочеркасск, Российская Федерация)

БЕЛОРУСЫ НА ДОНУ

Дон традиционно является достаточно многонациональным историческим регионом, где проживали и сегодня проживают десятки народов, заметно отличающихся процессом этногенеза, принадлежностью к языковой семье, особенностями культуры и быта. Встречаются на донской земле и довольно редкие группы населения, историческая родина которых находится далеко за пределами донского края. К числу таких небольших этнических сообществ, основательно укоренившихся на территории Дона, относятся белорусы. Их присутствие на донской земле длительный период статистически не фиксировалось. В уникальном для своего времени издании «Полное географическое описание нашего Отечества», подготовленном группой русских исследователей, в томе 14, где описываются Новороссия и Крым (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и Область Войска Донского), в разделе статистических сведений о народах, населявших в начале XX в. Область Войска Донского, напротив строки о белорусах стоит прочерк [1].

В известном энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона при обобщении материалов переписи населения Российской империи 1897 г. в специальном томе о России не обнаруживается сведений о белорусах на Дону. В перечне «племенного состава» Российской империи белорусы вообще не указываются, но по отдельным территориям их незначительное наличие фиксируется в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилёвской, Смоленской, Черниговской губерниях [2].

Как мы полагаем, проблема заключается в том, что белорусов в массе крестьянского населения на Дону просто не выделяли, да и не акцентировали на этом внимание, ибо их малочисленные группы среди переселявшихся великороссов и малороссов особым ничем не отличались. В данном случае мы солидарны с известным донским исследователем В.В. Богачёвым, который отмечал: «Кроме крестьян донских, на земле Войска Донского ныне живёт множество пришлых. Большею частью, это – тоже

малороссы, и по преимуществу полтавцы, тамбовцы и саратовцы, но встречаются даже выходцы из Белоруссии (из Минской и Смоленской губерний). Они арендуют то казачьи пайки, то мелкие "офицерские" участки, на которых никогда не бывало помещичьих посёлков, то войсковые запасные земли. Их селения носят временный характер, состоят из маленьких землянок самого жалкого вида, обложенных заборами из кизека; за то окружены громадными скирдами соломы, иногда даже необмолоченного хлеба». Однако, тот же В.В. Богачёв в 1919 г. при специальной характеристике национального состава Области Войска Донского по состоянию на 1915–1916 гг. (по отдельным народностям) белорусов не указывает, и тут же оговаривается, что «все эти цифры не вполне надёжны, а проверка их или сводка в настоящее время в Новочеркаске были невозможны», [поскольку] «заведовавший статистическим обследованием края г. Швецов вывез в Ростов всю библиотеку Донского Статистического Комитета» [3].

Белорусы попадали на Дон в числе групп крестьян, которых казачьи офицеры переселяли на полученные за службу земельные участки. Такая практика казачьего землепользования способствовала возникновению поселений со значительной долей белорусского населения. К их числу относится слобода Гуляй-Борисовка Черкасского округа Области Войска Донского, основанная на левом берегу реки Большой Эльбузд (левый приток реки Кагальник, непосредственно впадающей в Азовское море). По данным на 1893 г. в слободе Гуляй-Борисовка в имевшихся 503 дворах в общей сложности проживали 3956 человек. О высоком социально-территориальном статусе слободы свидетельствует наличие собственной церковно-приходской школы. Поселение располагалось на расстоянии 88 вёрст от донской столицы, города Новочеркасска [4].

История возникновения Гуляй-Борисовки во временном отношении восходит к середине XIX в. Согласно сохранившемуся преданию, в 1858 г. казачий сотник Борис Иванович Поздеев для хозяйственного обустройства своего офицерского надела-пая перевёз из слободы Гуляевка Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского 250 душ крестьян (их национальное происхождение тогда мало кого

интересовало), поселил их на плодородных задонских землях на левом берегу реки Большой Эльбузд и основал, тем самым, новое донское поселение. По характерной для тех времён традиции оно получило наименование по имени хозяина земель – Борисовка. Сотник Поздеев оказался щедрым хозяином, ибо каждую осень обязательно благодарил своих крестьян за земные труды. На праздник Покрова Пресвятой Богородицы, по старинной донской традиции, после сбора урожая он обязательно устраивал праздник, для чего созывал всех крестьян на слободскую площадь, куда непременно выкатывал бочонок доброго вина и при этом приговаривал: «Гуляй, Борисовка!». Вот так постепенно и закрепилось в местной топонимике оригинальное двойное название поселения – Гуляй-Борисовка. Трудно однозначно утверждать, что именно сыграло в этом топониме главную роль: сочетание имени владельца с его жизнелюбием, или же повлияло на выбор имени название прежнего места слободы Гуляевки (откуда перевезли крестьян), и оно так слилось с именем сотника Поздеева. Кстати, слобода Гуляевка (ныне хутор во Фроловском районе Волгоградской области) образовалась после того, как казак Гуляев заложил в 1745 г. на реке Арчеда (левый приток реки Медведицы, впадающей в Дон) свою мельницу.

Среди крестьян-переселенцев в Гуляй-Борисовку были белорусы, но сколько точно их насчитывалось, ещё предстоит выяснить. По крайней мере, среди местных ветеранов Великой Отечественной войны, родившихся в донской слободе в начале XX в. встречаются белорусские фамилии (Нечет, Ильевич, Шупрович и др.). Ныне хутор Гуляй-Борисовка занимает территорию частично и на правом берегу реки Эльбузд. Хутор является административным центром Гуляй-Борисовского сельского поселения и располагается на юге донского региона в зерноградском районе Ростовской области на расстоянии 25 км к югу от районного центра г. Зернограда и в 78 км в направлении на юг–юго-восток от Ростова-на-Дону. В 2018 г. Гуляй-Борисовка будет отмечать свой 160-летний юбилей. В настоящее время в этом донском хуторе проживают более 130 белорусских семей, создан детский ансамбль «Славяночка», которым руководит Алла Григорьевна Ивахненко [5]. Она же возглавляет общественную организацию местная национально-культурная автономия

«Белорусы зерноградского района». В состав её учредителей также вошли Николай Васильевич Колмыков, Мария Анисимовна Нестерчук, Василий Александрович Янкович.

Белорусы принесли с собой на Дон множество блюд из национальной кухни, которые и по сей день нередки на повседневном и праздничном столе у наших современников в Ростовской области, имеющих белорусские корни. Традиционно многие блюда в белорусской кухне готовятся из картофеля, но бульба является далеко не единственным ингредиентом. Скажем, в приготовлении пищи широко используется овсяная мука, отсюда настоящие белорусские блины совершенно не похожи на аналогичное русское блюдо, ведь они делаются из самопроизвольно закисшего раствора овсяной муки с обычной водой. Исходная для этого расчина получается путём дополнительного просева овсяной муки, чтобы отделить шаколы (овсяные высевки). В итоге выпекаются расчинные белорусские блины. Причём, особенностью национальной кухни является частое смешивание муки, когда к овсяной или ржаной муке добавляется в разных пропорциях ячменная, гречневая, пшеничная, гороховая мука.

В качестве характерного этнического стереотипа в отношении белорусов на Дону стало частое упоминание драников, которые ассоциируются именно с белорусами. Эти белорусские картофельные оладьи готовятся из натёртого сырого картофеля с обязательным добавлением фарша (рыбного, грибного, мясного, яичного, в зависимости от пищевых пристрастий и материальных возможностей семейного бюджета), именуются драниками (или оладьями) с начинкой и подаются к столу с толчёным чесноком (как правило, к грибным оладьям) и со шкварками, представляющими собой хорошо обжарившиеся твёрдые кусочки пищи, которые получаются в результате длительного вытапливания сала. Картофельные оладьи (лепёшки) без добавления фарша обычно называют просто драниками, поскольку исходный ингредиент для их приготовления в виде тёртого сырого картофеля получается путём обдирания слоями (отсюда происходит название) на тёрке предварительно очищенной картофелины. Драники выпекают с добавлением муки на конопляном (сегодня чаще подсолнечном) масле. В

драники белорусы частенько подмешивают ягоды, например, мочёную бруснику, и подают к столу с ягодным сиропом вместе с положенными в него ягодами.

Белорусским национальным блюдом считаются клёчки, но они также получили распространение у австрийцев, евреев, канадцев, латышей, немцев, норвежцев, поляков, русских, словенцев, татар, украинцев, финнов, чехов, эстонцев. Естественно, белорусские клёчки готовятся из картофеля, а фаршированные клёчки (с мясной или же грибной начинкой) называются пызы (более поздний вариант – цеппелины), или «клёчки с душами». Для приготовления картофельных клёчков используется тёртый картофель и натёртый лук, которые смешивают между собой, отжимают сок, добавляют яйцо, соль, муку. Из получившейся массы катают небольшие шарики и бросают в кипящую подсоленную воду. Сваренные шарики затем обжаривают в топлёном сливочном масле и подают на стол горячими вместе со сметаной. Существует вариант приготовления и мучных клёчков для супа.

Традиционным напитком для белорусов служит, прежде всего, фруктовый квас (холодник; также называется свекольный суп на его основе), но кроме него они пьют хлебный, ягодный, медовый квас, а весной употребляют, особенно на родине, природные соки берёзы и клёна (берька или берёзовик и кляновик). Из алкогольных напитков известна горилка (водка; название происходит от глагола «гореть») и горькая настойка «зубровка».

В качестве распространённых народных праздников у донских белорусов отмечаются Святки (две недели между Рождеством и Крещением), Пасха, Троица (или по-белорусски Сёмуха, поскольку празднуется через семь недель после Пасхи; в обрядах широко используются ветки берёзы), Купалье (праздник летнего солнцеворота, прежде всего, для молодёжи), Дзяды (или Деды, то есть народные поминальные дни у белорусов: всего от трёх до шести субботних дней в году, среди которых особо выделяется Дмитриевская суббота, приходящаяся на 26 октября (8 ноября)).

Сегодня в Морозовском районе Ростовской области возглавляет белорусскую диаспору Вера Михайловна Беланова,

которая одновременно является художественным руководителем фольклорного ансамбля «Лявониha», созданного в 1986 г. при Парамоновском сельском Доме культуры Морозовского района. Название ансамбля происходит от главного свадебного танца белорусов и одноимённой шуточной народной песни. Лявониha обычно исполняется сразу множеством танцевальных пар, которые, взявшись крепко за руки, кружатся, притопывают, подпрыгивают, одновременно быстро перемещаются по танцевальной площадке и выполняют в хореографическом отношении разные фигуры (ворота, звёздочку, змейку, круг), сменяя в движении партнёров, с разными переходами, движением линиями и т.д. Кроме того, к числу известных сохранившихся народных танцев относятся: «Бульба», «Бычок», «Дударыки», «Казыры», «Касцы», «Козачка», «Кола», «Крыжачок», «Лянок», «Микита», «Млынок», «Мяцелица», «Полька-Янка», «Ручники», «Таукачыки», «Чарот», «Чобаты», «Юрачка». В весенне-летний и зимний периоды в праздничные дни у белорусов принято водить хороводы. Эти гулянья сопровождаются распеванием песен и игрой на музыкальных инструментах, среди которых отметим следующие: басэтя, бубен, дудка, жалейка, колёсная лира, цимбалы. Песенное народное творчество белорусов сегодня на Дону сохраняет и развивает вокальная группа «Барвинок», созданная при Верхнеобливском сельском Доме культуры Тацинского района Ростовской области. Художественным руководителем вокальной группы «Барвинок» хутора Верхнеобливский является Татьяна Игоревна Шарконас, которая возглавляет районную белорусскую диаспору.

Организованного переселения больших групп белорусов на Дон не фиксируется, но можно выделить три волны трудовой миграции. Первая волна охватывает XIX – начало XX вв., хотя, по неподтверждённым сведениям, случаи «сманивания» белорусов казаками к переселению на донские земли или спорадического их попадания на Дон относятся к более раннему времени (XVI–XVII вв.). Вторая волна переселения связана с осуществлением коллективизации в конце 1920-х – 1930-е гг., когда убыль населения в результате проведения репрессивной политики власти пытались возместить за счёт переселения, в том числе, из районов Белоруссии, но речь не шла

об отборе переселенцев по национальному принципу. Третья волна переселения относится к середине XX в. После завершения Великой Отечественной войны белорусы приезжали и работали на стройках во многих местах Ростовской области и в Новочеркасске, в том числе, на Новочеркасском электровозостроительном заводе (НЭВЗе), ибо на родине царила разруха, восстановительный период протекал очень трудно и рабочих мест катастрофически не хватало [6].

Несколько белорусских семей поселились в хуторе Яново-Грушевский Октябрьского (сельского) района Ростовской области, рядом с НЭВЗом, среди которых оказалась часть членов большой семьи Бочаровых. Валентина Васильевна Бочарова (Шарова) связала свою трудовую биографию с заводом. Её брат после службы в армии тоже поселился в 1974 г. на хуторе. Ныне Владимир Васильевич Бочаров – глава крестьянского (фермерского) хозяйства, одного из лучших в Октябрьском районе. Основным видом хозяйственной деятельности для него является выращивание зерновых культур: в 2017 г. он получил урожай пшеницы в среднем по 52 центнера с гектара. Сегодня Владимир Васильевич проживает в станице Заплавской, но дома его редко застанешь, особенно в весенне-летне-осенний период. Порой он буквально пропадает на полях в заботах о будущем урожае. Кроме того, сообразно с рыночной конъюнктурой, в хозяйстве занимаются разведением свиней, выращиванием зернобобовых и маслинных культур, содержат домашнюю птицу. Многопрофильность крестьянского (фермерского) хозяйства позволяет ему успешно функционировать более 20 лет, с 1994 г., когда Владимир Васильевич взялся за своё дело. Интересы селян фермер Бочаров отстаивает в качестве выборного представителя в Собрании депутатов Бессергеновского сельского поселения и в Собрании депутатов Октябрьского района Ростовской области. Не забывает Владимир Васильевич и о своей исторической родине, а родился он в деревне Городок Струкачёвского (ныне Боровобудского) сельсовета Кормянского района Гомельской области, помнит любимые мамыны колдуны (драники с мясом; кусочки мяса, запечённые в картошке), свой родной большой сад с берёзами, доброго отца, собиравшего по весне заветный

берёзовый сок, речку Чечора и небольшой пруд на западной окраине деревни [7].

В Ростове-на-Дону проживает единственная в России женщина-белоруска, удостоенная в бывшем СССР в 1974 г. высокого звания «Герой Социалистического Труда», – Мария Ефимовна Новикова [8] (в девичестве – Соколова), уроженка Могилёвской области. Начиная с 1955 г., более 40 лет она проработала на заводе «Ростсельмаш», вначале – станочницей, затем бригадиром, освоила семь рабочих специальностей, обслуживала сама пять станков (то есть одна заменяла своим трудом десять человек) и завершила трудовую деятельность мастером производственного обучения в заводском ПТУ № 1.

Донской писатель и художник белорусского происхождения Владимир Николаевич Банцевич (1949 г.р.) родился в деревне Камень Брестской области. Успешно окончил в 1980 г. живописно-педагогическое отделение Ростовского художественного училища имени М.Б. Грекова. Участник многочисленных выставок, создал историческую галерею личностей, причастных к развитию г. Ростова-на-Дону (Пётр I, А.И. Ригельман, святой Димитрий Ростовский, Елизавета Петровна, Екатерина II, А.В. Суворов, Данила Ефремов, Ф.Ф. Ушаков, Александр I). Выпустил книгу сказок для детей и взрослых «Волшебное лукошко», издал историческую повесть о строительстве крепости святого Димитрия Ростовского под названием «Тайна богатого колодезя». С 1996 г. руководит детской творческой студией «Радуга» г. Ростова н/Д.

В Морозовском районе Ростовской области белорусским поселением стал хутор Парамонов, когда в 1960-е гг. сюда переехали первые 11 белорусских семей. С того времени донская земля является родным домом для многих перебравшихся сюда белорусов. Компактно поселились белорусы в хуторе Верхнеобливский Тацинского района [9].

Одной из наиболее крупных групп белорусов считается диаспора хутора Россошинский Зерноградского района Ростовской области. Здесь родились, благополучно выросли, и многие десятилетия живут целые поколения белорусских семей. На благодатную донскую землю первые поселенцы из Белоруссии в поисках работы прибыли в хутор Россошинский в

1930-е гг. Вторая волна переселения пришлась на 1987 и последующие годы, когда из-за последствий аварии на Чернобыльской АЭС и серьёзных нарушений экологической ситуации часть белорусов вынужденно покинули свои родные края. Сегодня в хуторе Россошинский (1-й и 2-й) из общего количества 750 семей местного населения около 300 семей составляют белорусы [10].

Белорусская диаспора на Дону, по данным общественной организации национально-культурная автономия «Белорусы Ростовской области, насчитывает в настоящее время более 32 тыс. человек [11], но по переписи 2010 г. обобщающая цифра выглядит в два раза меньше. Проблема заключается в том, что значительная часть белорусов во время переписей и при фиксировании своей национальности в иных документах называют себя русскими, не видя смысла выделяться. Формирование же культурно-национальной автономии способствует проявлению этнической идентичности. Можно назвать следующие районы Ростовской области, где компактно проживают белорусы: Аксайский, Белокалитвенский, зерноградский, Кагальницкий, Константиновский, Милютинский, Морозовский, Семикаракорский, Тагинский. Диаспора активно участвует во многих региональных мероприятиях. В частности, она стала одним из учредителей фольклорного проекта «Игорево поле», который ежегодно в мае месяце собирает своих участников в хуторе Погорелов Белокалитвенского района Ростовской области [12]. 21 мая 2011 г. в хуторе открыт памятный знак «Вещий Боян-Гусляр», посвящённый белорусско-русской дружбе. В Погорелове традиционно проходят международные Каяльские чтения на месте знаменитой в истории битвы войск Новгород-Северского князя Игоря Святославовича с ордой половецкого хана Кончака. Предания об этом сражении стали основой исторического сюжета «Слова о полку Игорево». Памятный знак «Вещий Боян-Гусляр» передаёт собирательный эпический образ народного сказителя, называемого на Руси Вещим Бояном, а в Белой Руси именуемого Гусляром. Знак создан по народной инициативе и на материальные средства белорусской диаспоры [13]. 7 июля 2017 г. уже в шестой раз прошёл в станице Кагальницкой

международный фестиваль «Купаловское лето на Дону», собравший более 5 тыс. человек. В качестве организатора фестиваля выступила национально-культурная автономия «Белорусы Ростовской области», усилия которой поддержали администрация Кагальницкого района, Правительство Ростовской области и отделение Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации (г. Ростов н/Д). В рамках фестиваля состоялся смотр-конкурс среди сельских поселений по национальной кухне с дегустацией различных блюд. Не обошлось и без традиционных купаловских обрядов очищения огнём, водой и травами. На берегу реки Кагальник активно плели обрядовые венки, вдохновенно загадывали желания, водили летние хороводы, пели народные песни под баян, играли в старинный «руччѣк», самозабвенно прыгали через ритуальный костёр. В самодельном павильоне «Свадьба в Малиновке» разыгрывалась шуточная брачная регистрация влюблённых пар. Они получали оригинальное свидетельство, заверенное специальной печатью пана атамана Грициана Таврического. Очередной фестиваль «Купаловское лето на Дону» завершился фейерверком и дискотекой [14].

Примечания

1. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества – настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семёнова-Тян-Шанского и под общим руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского и профессора В.И. Ламанского. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1910. – Т. 14. – С. 82.

2. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – Полутом XXVII. – Кн. 54. – СПб.: Типо-Литография И.А. Эфрона, 1899. – С. 86, 142.

3. Богачёв В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. – Новочеркасск: Издание отдела народного просвещения, 1919. – С. 341, 351.

4. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1893. – Т. IXа. Гуа – Гун. – С. 878.

5. Животкевич В., Андреев А. «Стараемся бережно хранить самобытность, которую веками накапливал белорусский народ» // Национальные приоритеты. – Ростов-на-Дону. – 2014. – № 3. С. – 54.

6. Полевые материалы автора. Информант (Инф.) Бунина Нелла Ивановна, 1939 года рождения, записана в г. Новочеркасске Ростовской области 31 мая 2017 г.

7. Полевые материалы автора. Информант (Инф.) Бочарова Ольга Владимировна, 1978 года рождения, белоруска, записана в г. Новочеркасске Ростовской области 22 июля 2017 г.

8. *Веклич А.* Сохранить традиции // Мінская праўда. – 2014. – 1 красавіка [апреля].

9. Там же.

10. *Животкевич В., Андреев А.* Указ.соч. – С. 54.

11. *Веклич А.* Указ.соч.

12. *Животкевич В., Андреев А.* Указ.соч. – С. 55.

13. На донской земле открыт памятный знак «Вещий Боян-Гусляр», посвящённый белорусско-российской дружбе // Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации URL: <http://embassybel.ru/departments/rostov/news/a4ebd845519d.html> (дата обращения: 15.07.2017).

14. Купаловское лето на Дону – 2017 // Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. URL: <http://www.embassybel.ru/departments/rostov/news/f59240d74266.html> (дата обращения: 15.07.2017).

И.Ю.Васильев (г.Краснодар, Российская Федерация)

БЕЛОРУСЫ КУБАНИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО

Эволюция этнической идентичности восточных славян Кубани показывает, как социальная принадлежность и территориальная идентичность формирует этническую идентичность [1]. Идентичность определяется как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности индивидов и групп к «своей» общности.

О важности социальной (профессиональной, сословной) и территориальной составляющих восточнославянской идентичности немало писала исследовательница из Омска М.А. Жигунова. Речь идет о превосходстве территориальных и социальных идентичностей над этнической [2]. Проблема этнической восточных славян в Российской империи затрагивалась многими исследователями – как российскими, так и зарубежными, например, А. Каппелером, А.И. Миллером [3]. «Украинцам и белорусам, официально считавшимся русскими, в принципе была открыта любая карьера – при

условии, что они владеют русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. Таким образом, украинцы не вычленились и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям... То, что украинцы признавались правительством и обществом принадлежащими к русской элите, увеличивало привлекательность восхождения по линии ассимиляции», — отмечает А. Каппелер [4].

Различные аспекты специфики национальной жизни белорусов на Кубани (уровень сохранения языка, идентичности, миграционные и демографические процессы) рассматривались Н.И. Бондарем, О.В. Матвеевым, В.Н. Ракачёвым [5].

Белорусы на Кубани не образовывали компактных поселений и диаспорных структур. Тем более, что национальное самосознание белорусов в первой половине XX в. ещё не сложилось. Знание языка и традиций метропольной территории сохраняло только старшее поколение [6]. Это наглядно демонстрирует то обстоятельство, переселение в большом количестве белорусов вначале 1930-х гг. в станицу Уманскую (Ленинградскую), не способствовало сохранению этнической специфики [7].

Важнейшую роль сыграло проживание в Кубанской области большого количества этнических русских (42,56 % населения региона по переписи 1897 г.; малороссы составляли 47,4 %). Русские жили не изолированно от других восточных славян, были представителями всех социальных групп (в том числе казаками), отличались повышенной мобильностью и активностью [8]. Значительную роль сыграл приток станицы с малороссийским населением «иногородних» крестьян. В 1890 г. их было уже 34,2 %, а казаки составляли 48,3 % населения. К 1917 г. удельный вес казаков и крестьян почти сравнялся. Значительное число переселенцев составляли великороссы из центрально-черноземных губерний [9]. Миграционные процессы были следствием высокого уровня развития капитализма в сельском хозяйстве Кубани, его теснейшей связи с общероссийским рынком.

Особую роль экономически и социально активных великороссов-мигрантов показывают статистические данные.

Казаков-малороссов по данным переписи населения 1897 г. было 447 954 чел., а великороссов – 337 423 чел. среди крестьян ненамного преобладали великороссы (348 839 великороссов, 341 854 малоросса) [10]. Крестьяне были основной частью новоселов в станицах. Немало лиц этого сословия среди городских рабочих, служащих, предпринимателей – динамично растущих социальных групп.

В таких социально лидирующих сословиях и социальных группах, как купечество, почетные граждане, духовенство, чиновники и личные дворяне, потомственные дворяне подавляющее преимущество было на стороне великороссов[11].

В целом социально-территориальная принадлежность в представлении восточных славян Кубани зачастую значила больше, чем этническая. «У меня мама была украинка, а папа – кубанец, казак», – рассказывала старожилка станицы Гривенской Н.В. Короткая [12]. «Кацапами называли иногородних, а местных – казаками», – объясняла уроженка станицы Нижнебаканской М.В. Коломацкая [13]. «Казаки, воны кубанцы», – ответил на вопрос украинцы или русские его одностаничники житель Челбасской П.И. Беда [14].

Белорусы в первой четверти XX в. проживали на Кубани в малых населенных пунктах, где в основном было сосредоточено иногороднее население [15]. По данным на 1926 г. в Старотитаровском сельсовете белорусы жили на хуторе Нефтепромысел (половина населения – 5 чел.), и на хуторе Приморский (меньшинство населения) [16]. Всего на тот период на Кубани фиксировалось 23 336 белорусов [17].

В том же году в Усть-Лабинском районе белорусы проживали на х. Бунькин Александровского сельсовета (меньшинство населения), в лесничестве на территории Ладожского сельсовета, на объекте «железнодорожная будка №84» на территории Усть-Лабинского сельсовета (всё население), в артели Асаульченко Чуйковского сельсовета (меньшинство населения) – всего 64 чел.[18].

Локализация проживания белорусов показывает, что последние были преимущественно иногородними работниками в динамично развивающихся отраслях хозяйства Кубани: сельском хозяйстве, на нефтепромыслах, в железнодорожном транспорте.

При этом никаких сведений об активном позиционировании белорусами своей этничности прослеживается. Белорусизация, проводившаяся на территории РСФСР в 1920-е – 1930-е гг., на Кубани не замечена.

В советское время численность белорусов в крае существенно выросла по причине миграционного прироста. В 1989 г. в Усть-Лабинском районе проживало 632 белорусов. В том же году в Темрюкском районе проживали 867 человек белорусов [19]. Как и прежде белорусов привлекали наиболее динамично развивавшиеся отрасли хозяйства региона, такие, как строительство объектов санаторно-курортной сферы, которое активно велось во второй половине XX в. [20].

В начале XXI в. на Кубани активизировался процесс консолидации восточных славян на основе принятия русской идентичности. Поэтому численность белорусов упала до 26 260 чел по данным переписи 2002 г. Одновременно в постсоветский период на Кубани стали возникать национально-культурные организации белорусов, что объясняется укреплением в течение советского времени национальной идентичности белорусов и появлением в 1991 г. независимой белорусской государственности. Белорусские организации действуют в основном в городе Краснодаре и на побережье края, в городах Сочи, Туапсе, Анапе. В Туапсе возникла и первая из организаций – Национально-культурная автономия «Спачына», наиболее крупной является краевая организация белорусов «Сябры» [21].

Пример с усвоением жителями Кубани русской идентичности показывает, как социальная принадлежность формирует этническую идентичность, и насколько система политических идентичностей может способствовать конструированию идентичности этнической или тормозить его. [22]. В условиях культурного и экономического преобладания русских это способствует принятию представителями русской идентичности украинцами и белорусами.

Таким образом, в течении XX – начала XXI вв. белорусы, поселявшиеся на Кубани, активно принимали национальную идентичность, наиболее распространённую в регионе. Этому в немалой степени способствовала как осознание для местного восточнославянского населения территориального и социально-

профессионального единства. В то же время имело место имели место и элементы этнического самосознания, которые существенно укрепились после появления в постсоветский период у белорусов самостоятельного государства. Это привело к стремлению сохранять свою национальную идентичность, оформить её в виде национально-культурных обществ, однако не отменяет принятие белорусами региона русской идентичности.

Примечания

1. *Жигунова М.А.* Современные этнокультурные процессы у русских среднего Прииртышья. Автореф... дисс. канд. ист. наук. – Омск, 2002

2. *Жигунова М.А.* «Русские вопросы» современности. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 1.08.2015).

3. *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. – М., 1997. – С. 125–144; *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 128–143.

4. *Каппелер А.* Указ. соч. – С. 125–144.

5. *Бондарь Н.И., Матвеев О.В., Ракачëв В.Н.* Материалы к историческому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар, 2008. – Вып. 4. – С. 204 – 207; *Матвеев О.В.* Белорусы на Кубани и в Черномории в конце XVIII первой половине XIX в. // Труды БГТУ. Научный журнал. – 2014 – №5. – История, философия, филологи.

6. Там же. – С. 8–11.

7. *Бондарь Н.И., Матвеев О.В., Ракачëв В.Н.* Указ. соч. – С. 204 – 207.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Кубанская область. – СПб., 1905. – Т. 15. - С. 238–239.

9. *Ратушняк В.Н.* О некоторых методологических подходах к оценке уровня аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в дореволюционный период // *Ратушняк В.Н.* Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар, 2000. - С. 172–176.

10. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год. - Екатеринодар, 1904. - С. 72.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Кубанская область. – С. 238–239.

12. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (ПМ КФЭЭ-1995). Станица (Ст.) Нижнебаканская Крымского района (кр.) Краснодарского края (кр.). Аудиокассета (А/к) № 923.

Информатор (Инф.) М.В. Коломацкая. Исследователь (Иssl.-ль) А.Н. Мануйлов.

13. ПМ КФЭЭ-2001. Ст. Челбасская Каневского р-на Краснодарского кр. А/к №. 2327. Инф. П.И. Беда. Иssl-ль О.В. Матвеев.

14. *Жигунова М.А.* «Русские вопросы» современности. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 1.08.2015).

15. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. – Ростов-н/Д., 1929; Список Населённых мест Кубанского округа. – Краснодар, 1927. – С. 187–190.

16. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо - Кавказскому краю. Ростов-Н/д., 1929. С. 176 – 179.

17. Народы России и Белоруссии: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания / *Под ред. В.Е. Козлякова и О.В. Матвеева.* – Минск, 2017. – С. 126.

18. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-н/Д., 1929.; Список Населённых мест Кубанского округа. – Краснодар, 1927. – С. 187–190.; Усть- Лабинск // <http://www.vokrugsveta.ru> (дата обращения — 09. 06. 2017).

19. Национальный состав Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года. – Краснодар, 1990. – С. 34–35.

20. Народы России и Белоруссии: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания. – С. 138.

21. Там же. – С. 135, 138.

22. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. – М., 2004. – С. 351–506.

А.А.Воробьев (г. Могилев, Республика Беларусь)

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1919-1920 гг.

Обретение Польшей по итогам Первой мировой войны независимости не только способствовало подъему национального самосознания польского народа, но и дало толчок развитию польского национализма, который с момента провозглашения независимого Польского государства только нарастал. Росту национализма способствовала политика правящих кругов Польши во главе с Ю.Пилсудским, который был ярким сторонником восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года, т.е. до начала ее разделов. Таким образом, в состав новой,

возрожденной, Польши должны были войти все белорусские земли, которые до начала Первой мировой войны составляли пять губерний Российской империи (Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую). Следует отметить тот факт, что осуществлять план включения белорусских земель в состав Польши поляки начали еще досоветско-польской войны 1919–1920 гг.

Так, сразу же после прихода к власти в России большевистской партии на территории Беларуси активизировался созданный еще царским правительством для войны с Германией польский корпус под командованием генерала Довбор-Мусницкого. Это корпус стал одним из основных боевых подразделений, вставших на путь вооруженной борьбы против новой, советской, России, причем выступал он за включение Беларуси в состав Польши. Правда, в феврале 1918 года корпус Довбор-Мусницкого был вынужден подчиниться немецким войскам, которые, после срыва советско-германских мирных переговоров оккупировали почти всю территорию Беларуси, за исключением небольшой ее восточной части. В печатных средствах неоккупированной части Беларуси (часть восточных уездов Витебской и Могилевской губерний) деятельность оккупационных немецко-польских войск освещалась довольно часто. Так, в письме в газету «Вперед» жители оккупированных белорусских земель сообщали, что генерал Довбор-Мусницкий отдавал приказы «снести с лица земли ту деревню, которая окажет сопротивление польским войскам». В деревне Буда-Кошелевская Могилевской губернии (ныне – районный центр, город Буда-Кошелево Гомельской области) разъезд уланов назначил контрибуцию в несколько тысяч рублей и требовал выдачи всех запасов хлеба. Когда часть контрибуции была внесена, крестьяне сказали, что больше внести не в состоянии, уланы окружили деревню, обстреляли из пулеметов и подожгли. Было убито много крестьян, от деревни остались развалины. Подобное же имело место в местечках Жилище, Смелы и т.д.[1]. По сообщениям местных жителей, на территории Быховского уезда Могилевской губернии поляками и немцами был установлен режим страшного террора: расстреливались и сжигались целиком отдельные селения с людьми независимо от

пола и возраста и их имущество. Царили поголовное избиение и непомерные обложения. На крестьянское население была наложена контрибуция. В течение трех дней каждая волость обязана была внести польским властям под страхом избиения, двойного обложения и штрафа в 5 тысяч рублей, 5 тысяч пудов ржи, 3 тысячи пудов овса, 1 тысячу пудов ячменя, 4 тысячи пудов гречихи, 5 тысяч пудов картофеля, 1 тысячу пудов сена, 4 тысячи штук яиц, а также предоставить 7 лошадей, 40 коров и 3 гусей. Свиное сало отнималось совершенно. Кроме того, установлен был налог на окна, двери, кур, собак, кошек и прочий домашний скот.

Введена была барщина: крестьяне в восстановленных помещичьих имениях должны были бесплатно два дня в неделю выполнять хозяйственные работы. На защиту от польского и немецкого хозяйничанья и гнета возмущенное крестьянское население поднялось поголовно. Навстречу наступающим польским регулярным отрядам выступало не только взрослое население, но даже дети, наспех формировались партизанские отряды, из соседних уездов прибывали отряды Красной армии[2]. Впоследствии немецкие оккупационные власти разоружили и расформировали части корпуса Довбор-Мусницкого, однако его солдаты остались в помещичьих имениях белорусских губерний, так как большинство местных помещиков были поляками. Поэтому последние оказывали всяческую помощь солдатам Довбор-Мусницкого, поскольку войска помогали помещикам эксплуатировать белорусское крестьянство.

Первая мировая война завершилась осенью 1918 г. поражением стран Четверного блока во главе с Германией. Польша получила независимость и вот тут-то вновь развернули свою деятельность и польские помещики белорусских губерний и их защитники в лице не только корпуса Довбор-Мусницкого, но и вновь создаваемой польской армии. Поляки, получив независимость, вспомнили два пресловутых лозунга, используемых польскими националистами всех времен. Первый – «великая Польша от моря до моря», второй – «Речь Посполитая в границах 1772 года». В полном соответствии с этими лозунгами всем соседям были предъявлены территориальные претензии.

Самые большие претензии были предъявлены Советской России, хотя руководство большевистской партии во главе с Лениным всегда выступало за предоставление независимости польским землям, которые входили в состав Российской империи. Свои намерения большевики претворили в жизнь, поддержав возрождение Польского государства. Но едва ли они рассчитывали на специфическую «благодарность» со стороны руководства независимой Польши в виде огромных территориальных претензий. Впрочем, большевики хотели решить территориальные проблемы с Польшей мирным путем, отдав ей ряд земель, которые не являлись исконно польскими. Уступчивость большевиков была обусловлена Гражданской войной в России и нежеланием воевать на много фронтов, включая и польский.

Поляки же расценили уступчивость большевиков как слабость и решили, воспользовавшись этой слабостью, захватить как можно больше чужих земель. Без официального объявления войны польские войска, еще до полного вывода немецких оккупационных войск, приступили к захвату белорусских, украинских и литовских земель. Уже к февралю 1919 г. поляки сумели захватить часть западнобелорусских и западнолитовских земель, что привело руководство большевистской партии во главе с В.И. Лениным к идее объединения советских республик Литвы и Белоруссии в одну под сокращенным названием (при известной любви большевиков к сокращениям) Литбел. Однако, несмотря на эти «пожарные» меры большевиков, поляки продолжали наступление, упорно тесня на восток части литовско-белорусской армии. Так, 26 февраля 1919 г. бои с поляками проходили уже под белорусским городом Слонимом[3]. 5 марта 1919 г., по сообщениям Полевого штаба Реввоенсовета Советской России, красные белорусские части оставили город Пинск и продолжили вести оборонительные бои с наступающими польскими войсками[4].

На занятых поляками белорусских землях восстанавливались имения польских помещиков, местное население должно было «компенсировать» помещикам все их материальные убытки за счет насильственно проводившихся конфискаций скота, хлеба и иного имущества. Естественно, эти меры привели к росту

антипольских настроений среди населения белорусских земель, включая создание партизанских отрядов, которые вели боевые действия против польских оккупантов. Одним из таких партизанских отрядов, действовавших на территории белорусского Полесья, командовал крестьянин Петриковской волости В.И.Талаш, которого за солидный возраст условно прозвали «дед Талаш» [5].

Только после разгрома основных сил белогвардейцев под командованием А.В. Колчака и А.И. Деникина большевистское руководство обратило свои взоры на запад, где поляки продолжали наступать и захватывать новые земли. Так, из всех пяти белорусских губерний (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской) к маю 1920 г. поляки захватили полностью три (Виленскую, Гродненскую и Минскую), а также некоторые уезды Витебской и Могилевской губерний, угрожая захватить и губернские центры (города Витебск и Могилев). В мае 1920 г. части Красной армии начали наступление против поляков и вначале имели некоторый успех, освободив город Борисов, захватив плацдармы на правом берегу реки Березина и намереваясь развить наступление на Минск[6]. Однако это наступление оказалось плохо подготовленным и, после первоначальных успехов, вскоре захлебнулось, обернувшись частичным отступлением с отвоеванных территорий. Было принято решение подготовить, с учетом допущенных ранее просчетов, новое наступление. В период между двумя наступлениями польские оккупационные власти развернули широкомасштабные репрессии против населения белорусских земель. В обращении к населению Минского комитета коммунистической партии большевиков Литвы и Белоруссии говорилось, что поляки установили страшный террор на оккупированных землях. «Целые деревни стираются с лица земли. Крестьян принуждают к тяжелым принудительным работам, отнимают у них последнее добро, разоряя их хозяйства, крестьян делают ответственными за каждый телеграфный столб, за каждый кусок телеграфной или телефонной проволоки, за каждый поврежденный столб, за порванную проволоку жандармы окружают целые деревни, расстреливают мужчин,

женщин и детей, насилюют и сжигают дома, обращая деревни и села в мертвые кладбища» [7].

Отступавшие на запад польские войска проводили тактику «выжженной земли» на оставлявшихся ими белорусских землях. В докладе командования 16-й армии вооруженных сил Советской России отмечалось, что «только в Погостской волости Игуменского уезда Минской губернии польскими войсками были дотла сожжены деревни и местечки Погост, Кукарево, Козлов Берг, Быховичи, Новоселки и Вяшевцы за их признательность большевикам» [8]. Поляками при отступлении был полностью разрушен город Борисов, причем сохранились свидетельства, что польские войска обстреливали город зажигательными снарядами с фосфором. При отступлении поляков из Молодечно ими разрушены были не только вокзал и станционные здания, но также взорваны мосты, дом железнодорожных служащих, железнодорожная гимназия и лазарет. Уничтожение производилось с таким рвением, что не позабыли ни одного телеграфного столба, ни одной железнодорожной будки. Не удовлетворяясь уничтожением станции, паны бросились поджигать и грабить дома, прилегающие к станции, деревни и местечко, не обращая внимания на мольбы жителей. Озверелые поляки бежали по местечку с керосином, обливая им и поджигая дома тех, кто не мог дать выкупа. Бежавшие тушить дома избивались.

Поэтому население восторженно встретило красных избавителей от польских ужасов[9]. Был разграблен отступавшими поляками и город Минск. Для предотвращения массовой гибели жителей от голода председатель Минского губернского ревкома просил продовольственный комитет Западного фронта Красной армии о срочной отправке в Минск хотя бы 20 вагонов хлеба, а также возможного количества сельдей, сахара и крупы[10].

Зверства польских оккупантов не только не уменьшали сопротивление населения белорусских земель, но только его увеличивали. Сводка политотдела Западного фронта Красной армии с 20 июня по 1 июля 1920 г. содержала сведения о действиях партизанских отрядов на оккупированной поляками территории Белоруссии: «На Игуменском направлении в тылу

врага действуют партизанские отряды, в которых участвуют даже 70-летние старики. Партизаны успешно действуют и в Рудобельских лесах. В Лунинец-Мозырском районе имеется много партизанских отрядов, есть некоторые в 700 человек, хорошо вооруженных и имеющих в достаточном количестве взрывчатые вещества. В Речицком районе действует партизанский отряд в 300 человек, имеющий винтовки, до 20 пулеметов и автоматы (так в тексте). Другой отряд, насчитывающий до 150 человек, вооружен винтовками. В ночь на 19 июня между Бабичами и Демехами партизанами был разобран путь, в результате чего потерпел крушение бронепоезд противника» [11].

При полной поддержке местного населения наступающие части Красной армии уже летом 1920 г. сумели очистить от польских захватчиков все белорусские земли, после чего боевые действия были перенесены на собственно польскую территорию. Однако затем произошло так называемое в истории Польши «чудо на Висле», когда выдохшиеся после нескольких месяцев непрерывных боев войска Красной армии были не только остановлены, но и вынуждены были начать отступление. Это отступление коснулось не только польской территории, но и территории белорусских земель, вновь оказавшихся под властью поляков. В это же время из Крыма начали наступление части белогвардейских войск под командованием барона П.Н. Врангеля.

Не сумев перераспределить силы для войны на два фронта, большевистское руководство было вынуждено пойти на переброску многих соединений с запада на юг, т.е. с советско-польского фронта на фронт против Врангеля. В результате подобных действий поляки на некоторое время сумели занять Минск и прилегающие территории, о чем в советской истории не любили упоминать и всячески замалчивали данный факт. К слову говоря, столь же хорошо замалчивался и факт перехода частями Красной армии польско-немецкой границы и интернирования Германией значительного количества солдат Красной армии, среди которых был целый конный корпус под командованием Гая. Руководство же Советской России во главе с В.И. Лениным, не сумев распространить революцию в Европе,

пошло на мирные переговоры с польским правительством во главе с Ю. Пилсудским.

Переговоры велись в столице получившей независимость Латвии Риге. Ленин в своей телеграмме руководителю советской делегации А.А.Иоффе очень интересовался его мнением «о настроениях поляков, возможности и скорости заключения мирного договора, на каких условиях и как стояли вопросы о Литве, Белоруссии и Восточной Галиции» [12]. Рижский мирный договор между советской Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г. В советские времена этот договор, как и Брестский мирный договор 3 марта 1918 г. между советской Россией и странами Четверного блока трактовался исключительно как успех молодой советской дипломатии, тогда как на самом деле все было почти с точностью наоборот. И Брестский и Рижский договоры были позором для большевиков, ибо последние, включая Ленина, необычайно переоценили перспективы «мировой социалистической революции», за что пришлось платить очень высокую цену в виде уступок немцам и полякам исконно восточнославянских земель. И если Брестский мир не продержался и года, то по итогам Рижского мира Польша закрепила за собой западные части Белоруссии и Украины почти на два десятилетия. Справедливо считая Рижский мирный договор несправедливым, руководство советской России, а впоследствии СССР, заняло однозначно враждебную позицию по отношению к Польше.

Впрочем, польское руководство заняло не менее, если не сказать намного более, враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу. Такое положение сохранялось до конца 30-х гг. XX столетия, когда историческая несправедливость в отношении западнобелорусских земель была устранена, и они вошли в состав СССР и БССР. Кстати говоря, белорусская писательница С.Алексиевич, которая недавно была удостоена Нобелевской премии, известная своими прозападными взглядами, успела еще до получения премии побывать в современной западной части Беларуси и выяснить там отношение местного населения к периоду пребывания их земель в составе Польши в 1921–1939 гг. С некоторым для себя удивлением, Алексиевич пришлось признать, что население

западнобелорусских земель до сих пор сохраняет крайне негативные чувства по отношению к полякам и ни при каких обстоятельствах не желало бы возврата в состав Польши.

В завершение можно и нужно сделать ряд выводов обелорусско-польских отношениях в период советско-польской войны 1919–1920 гг. и, что самое важное, о том, к каким последствиям они привели отношения между двумя соседними славянскими народами. Следует отметить, что события советско-польской войны 1919–1920 гг. резко обострили взаимоотношения между белорусами, с одной стороны, и поляками, с другой. Если до Первой мировой войны эти отношения находились в состоянии «холодного противостояния», то после революции 1917 г. в России и последовавшего за ней провозглашения в 1918 г. независимости Польши, эти отношения вылились уже в «горячую» войну. Отношения между помещиками-поляками и крестьянами-белорусами со времен существования Речи Посполитой и даже Великого княжества Литовского (после Кревской 1385 г. унии ВКЛ с Польским королевством) были неизменно антагонистическими. Линия раздела между двумя общественными классами проходила по двум направлениям. Во-первых, по религиозному (помещики-феодалы были католиками по вероисповеданию, а крепостные (а после 1861 г. лично свободные) крестьяне – православными или униатами (до Полоцкой церковной унии 1839 г.)). Во-вторых, помещики были поляками, т.е. представителями господствующей народности (впоследствии национальности), а крестьяне – белорусами, представителями угнетаемой народности и национальности. Эти отношения были возрождены поляками вместе с возрождаемой ими Речью Посполитой в границах 1772 г. и привели к войне. В советские времена об этих событиях в истории взаимоотношений поляков, с одной стороны, и восточных славян (включая белорусов) с другой, не принято было распространяться, дабы не вбивать клин в «нерушимую советско-польскую дружбу».

В период пребывания у власти в Польше местных коммунистов в школьных учебниках и среди простых обывателей было распространено мнение о том, что западнобелорусские земли, входившие с 1921 по 1939 гг. в состав

Польши, являются временно утраченными исконно польскими землями. В настоящее время, когда с политической карты мира исчез Советский Союз, претензии Польши вновь получили развитие на уже испытанной предыдущей историей волне антагонизма к своим восточным соседям и собратьям-славянам.

Однако, выдвигая различного рода претензии и требования к своим соседям, включая белорусов, поляки забывают о том, что творили их прадеды на белорусских землях. В свете последних требований поляков о «возмещении ущерба от советской оккупации», представляется не лишним выдвинуть встречное требование о возмещении ущерба, нанесенного поляками в ходе советско-польской войны 1919–1920 гг., а также периода пребывания Западной Беларуси в составе Польши. Подобная линия поведения, возможно, поможет навсегда покончить с тем беспрецедентным всепрощенчеством, которое имело место в советские времена. Большевики слишком великодушно простили всем иностранным агрессорам периода Первой мировой и Гражданской войн тот огромный ущерб, который был нанесен некогда единой восточнославянской государственности.

Примечания

1. Борьба за Советскую власть в Белоруссии (1918 – 1920 гг.), сборник документов и материалов в двух томах / *Под ред. А.И.Азарова и С.З.Почанина.* – Минск: Беларусь, 1968. – Т.1 (февраль 1918 г. – февраль 1919 г.). – С. 91.

2. Там же. – С. 193–194.

3. Там же. – Т. 2. (февраль 1919 г. – 1920 г.). – Минск: Беларусь, 1971. – С. 41.

4. Там же. – С. 42.

5. Там же. – С. 238–239.

6. Там же. – С. 306–307.

7. Там же. – С. 312.

8. Там же. – С. 331.

9. Там же. – С. 401.

10. Там же. – С. 404.

11. Там же. – С. 429.

12. Там же. – С. 469.

Т.В. Опиок (г. Могилев, Республика Беларусь)

О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНАХ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ ОСЕНЬЮ 1943–1945 гг.

На повседневную жизнь в экстремальных условиях военного времени оказывали влияние множество факторов. Среди наиболее значимых для Беларуси – длительность войны и серьезное влияние последствий оккупации на все сферы жизни послевоенного общества в течение продолжительного времени. Политический и экономический контекст Великой Отечественной войны и послевоенного времени существенным образом влиял не только на общественно-политическую жизнь, но и на приоритеты и содержание социальной политики, что, безусловно, сказывалось на повседневной жизни. Для Беларуси не только до 1945 г., но и в годы четвертой пятилетки возможности возвращения к мирной повседневной жизни населения были существенно ограничены приоритетами обороны (особенно в условиях продолжавшейся войны) и последующего восстановления экономики.

Возвращение к мирной жизни в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны для жителей Могилевской области началось с осени 1943 г. и продолжалось почти десять месяцев. Как следствие – восстановительные работы до завершения операции «Багратион» во многих районах области велись фактически в прифронтной полосе. Так, в Дрибинском районе к концу декабря 1943 г. из 152 существовавших до войны колхозов был освобожден только 51, при этом 23 колхоза практически ежедневно обстреливались противником. Сложной оставалась ситуация и в других районах [1].

Реальную угрозу жизни не только во время многомесячного стояния фронта на территории области, но и долгое время после войны представляли минные поля, оставшееся трофейное и отечественное оружие и боеприпасы. Наряду со специальными инженерными и трофейными частями работу по разминированию осуществляли районные и городские команды по разминированию, состоявшие из подростков-бойцов

Осоавиахима. Они создавались в соответствии с принятым в феврале 1944 г. постановлением ГКО СССР № 5216 «О привлечении организаций Осоавиахима к работам по разминированию и сбору трофейного и отечественного имущества в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Постановление среди прочего предписывало создать команды добровольцев-разминеров из лиц не моложе 15 лет обоего пола. На областных курсах Осоавиахима под руководством специалистов общества и офицеров инженерных частей Красной Армии стали спешно готовить инструкторов, в райцентрах – бойцов-разминеров. Обучение длилось не более двух недель.

Вот как вспоминал службу в такой команде ветеран Великой Отечественной войны, житель городского поселка Дрибин Аркадий Кузьмич Демьянов: «Разминирование мы вели по квадратам. Инструктор размечал палками участок. Становились по пять человек. Шли медленно, без разговоров. Железным щупом под небольшим углом осторожно прокалывали землю через каждые 15–20 сантиметров. Мины глубоко не прячут. Если шест наткнулся на твёрдый предмет, это место тщательно осматривали. ... Страшно на разминировании не было. Наоборот, даже интересно. Пацаны, одним словом. ... Как-то для потехи взялись палить по минам из винтовок. В меткости соревновались. лейтенант узнал, ругался. Все время есть хотелось. Были на подножном корме – суп из щавеля, картошка. Ночевали в землянках. Одеты-обуты во что попало. Я ботинки носил от разных пар. Домой явился – мать руками развела. А распустили нас, когда один паренек – он из деревни Шаблавы был – подорвался. То ли по невнимательности, то ли мина оказалась хитрой. ... Оторвало ему ноги выше колена. Так и остался инвалидом» [2].

Следует отметить, что разминирование территории Могилевской области в исследуемый период только начиналось. К маю 1946 г. из 37 минных полей площадью 24 тысячи га., было разминировано только 2 поля с незначительной площадью, не были начаты работы по разминированию выявленных в 1945 г. новых минных полей в Быховском, Дрибинском и Славгородском районах [3].

Во время оккупации при отсутствии организованного и систематического медицинского и санитарно-профилактического обслуживания населения широкое распространение получили инфекционные болезни. В структуре инфекционных заболеваний первое место занимала чесотка, второе – малярия, третье – сыпной тиф. В освобожденных районах Могилевской области отмечался значительный рост заболевания сыпным тифом. На 16 ноября 1943 г. в семи полностью или частично освобожденных районах области было зарегистрировано около 200 случаев заболевания. Особенно неблагоприятными были Мстиславский район (77 случаев в 9 населенных пунктах) и Дрибинский район (73 случая в 13 населенных пунктах) [4].

Сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка потребовала проведения безотлагательных мер. В декабре 1943 г. – январе 1944 г. начали действовать чрезвычайные противоэпидемические комиссии (республиканская, городские, районные и сельские). Могилевская областная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия была создана 19 ноября 1943 г. Но справиться с ситуацией было крайне сложно, поскольку практически во всех лечебных учреждениях освобожденных районов области не хватало персонала, мест для заболевших, медикаментов, инвентаря и предметов ухода за больными. В этих условиях Могилевским облисполкомом и бюро обкома КП(б)Б 19 ноября 1943 г. приняли специальное постановление «О мероприятиях по борьбе и профилактике заболеваний сыпным тифом». Оно предусматривало личную ответственность председателей райисполкомов и секретарей райкомов КП(б)Б в осуществлении своевременной госпитализации всех сыпнотифозных больных; выделение необходимого транспорта; проведение поголовной тщательной санитарной обработки всего населения в населенных пунктах, неблагоприятных по сыпному тифу; строительство и ремонт бань и дезинсекторов по каждому населенному пункту; строгий карантин сроком на 14 дней после госпитализации последнего больного; ежедневный медицинский подворный обход в сыпнотифозных очагах. Кроме того было решено провести расширение и ремонт больниц в Горловке (до 601 коек), в Мстиславле (до 60 коек), в

Кричеве (до 60 коек, из них – 25 инфекционных), в Шамове и Широково (на 20 коек в каждом).

Поскольку в сложившейся ситуации медицинские учреждения области самостоятельно справиться с ростом числа заболеваний инфекционными болезнями не могли, Могилевский облисполкомом и бюро обкома КП(б)Б обратились с просьбой в Наркомат здравоохранения БССР. В частности, просили: «... а) отпустить для оборудования больниц имущества на 300 коек, 1 тонну мыла «К», 20 гидропультов, 5 дезкамер, 2 тонны хозяйственного мыла, одну грузовую автомашину и срочно отправить зараженное имущество. б) Командировать в распоряжение Могилевского облздравотдела на постоянную работу 10 квалифицированных врачей различных специальностей. в) Командировать в распоряжение Могилевского облздравотдела сроком на 1,5-2 месяца противоэпидемическую бригаду, оснащенную дезсредствами и дезаппаратурой». Начальнику санитарного управления Западного фронта генерал-майору Гурвичу была адресована просьба об оказании содействия «в переброске имущества для больниц до станции Кричев и в организации противоэпидемической бригады [5]. Но и через год в связи с резким увеличением числа очагов инфекционных заболеваний и ростом количества смертных случаев в г. Бобруйске, например, среди прочих мер предусматривалась санитарная обработка населения через каждые 10 дней. Запрещалась прописка граждан, прибывающих в г. Бобруйск, без прохождения санобработки. Гостиницам, управдомам, всем квартиранимателям и домовладельцам запрещалось предоставлять места для ночлега без предъявления документа о прохождении санобработки [6].

За годы войны и оккупации численность населения области значительно уменьшилась, в некоторых населенных пунктах – в разы. Например, в Дужеvском сельсовете Чаусского района Могилевской области до войны было 878 колхозных дворов, осталось – 209. Население в сельсовете сократилось с 5 014 до 723 человек. Еще хуже складывалась ситуация в сожженных во время войны деревнях области. Так, в первых числах октября 1943 г. в четырех освобожденных сельсоветах Горецкого района из 42-х населенных пунктов было сожжено дотла 16. В

сгоревшей полностью деревне Паршино, например, остался только один человек [7].

В г. Могилеве до начала Великой Отечественной войны проживало 112 000 человек (до 1-го года – 4 000; до 7-ми лет – 14 000; от 7 до 15 лет – 15 000; от 15 до 54 лет – 68 000 и от 55 и выше – 9 000 человек). После освобождения от немецких захватчиков, по проведенному на 2 июля 1944 г. переучету, в городе осталось только 10 102 человека [8]. В результате восстановительных работ, возвращения людей из эвакуации, демобилизации из Красной Армии и репатриации граждан, насильно угнанных в Германию, на 1-ое января 1945 г. численность населения г. Могилева увеличилось до 48 200 человек, а на 1-ое января 1947 года – до 83 000 человек [9].

Возвращение из эвакуации, демобилизация из рядов Красной Армии меняли демографическую ситуацию в области, улучшая, в том числе, непростую ситуацию с кадрами специалистов и рабочих в освобожденных городах и деревнях. Работа по возвращению к мирной жизни красноармейцев и реэвакуированных специалистов активизировалась в области после окончания войны. Например, в докладной записке секретаря Могилевского ОК КП(б) Б И. Макарова секретарю ЦК КП(б)Б Г.М. Маленкову в январе 1946 г. содержится просьба «указаний Свердловскому и Молотовскому обкомам партии о разрешении реэвакуировать в гор. Могилев несколько специалистов и квалифицированных рабочих, работавших до войны на Могилевском труболитейном заводе и разрешить набор по договорам для Могилевского труболитейного завода 30 человек квалифицированных рабочих – металлургов из числа рабочих металлургических предприятия Свердловской и Молотовской областей» [10].

В соответствии с законом о демобилизации старших возрастов из действующей Красной Армии, в сельскую и городскую местность Могилевской области к январю 1946 г. прибыло 25 963 человека. Кроме того, прибыло по репатриации 3 238 человек. Из числа прибывших проживали в городах 3 574, из них в г. Могилеве – 1 766, остальные – 22 820 проживали в сельской местности.

К началу 1946 г. в городах области было трудоустроено – 3 407 демобилизованных, в сельской местности – 21 740. Кроме того, поступило на учебу – 318 демобилизованных. Таким образом, всего работали и учились 25 665 человек. Остальные 729 демобилизованных не работали и не учились «ввиду использования своего отпуска и занятости по разным другим домашним делам».

На железнодорожных станциях Могилева, Быхова, Шклова, Кричева, Коммунар и некоторых других населенных пунктов области были организованы комнаты отдыха для демобилизованных. На станции Могилев было открыто общежитие на 140 человек, работал агитпункт, красный уголок, столовая, баня, продуктовый пункт, стол справок, было организовано круглосуточное дежурство по встрече демобилизованных. В духе советского времени с демобилизованными проводились «доклады и беседы». Агитпункты обеспечивались «газетами, брошюрами, журналами, художественной и политической литературой, оборудованием, лозунгами и портретами вождей».

Среди вернувшихся к мирной жизни жителей Могилевской области на 1 января 1946 г. 11 494 – инвалиды войны (1-й группы – 197, 2-й группы – 5 708 и 3-й группы – 5 589 человек). Эта категория населения нуждалась в специальной поддержке и внимании властей, общественных организаций и обычных граждан. Многие инвалиды войны к концу исследуемого периода были трудоустроены на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, кооперации инвалидов, работали надомниками, обучались новым специальностям (всего – 8 023 человек). Инвалидам войны выплачивались пенсии и единовременные пособия, выдавались продовольственные пайки. Для их обслуживания в области было открыто 5 специальных магазинов (2 – в г. Могилеве, по одному – в Климовичах, Костюковичах и Мстиславле), 25 специальных столовых, протезная мастерская. Получали инвалиды войны помощь и от организаций Красного Креста БССР. Так, только в 1945 г. по Могилевской области из фондов Красного Креста инвалидам Отечественной войны было выдано 3 670 вещей верхней одежды,

25 пар обуви и 121 пара белья и 4 332 предмета разной другой одежды [11].

В порядке общественной помощи инвалидам Отечественной войны Могилевской области в 1945 г. было построено 884 дома, отремонтировано 277 квартир, выдано 28 254 кг. зерновых, 14 224 кг. картофеля, 800 кг. овощей, оказана денежная помощь в размере 293 563 руб. Всего такого рода помощь получили 1 263 человека.

В 1943–1945 гг. в условиях продолжавшейся войны в освобожденных районах Могилевской области не остались без внимания и поддержки семьи военнослужащих. Всего по области на 1 января 1946 г. было зарегистрировано 104 250 таких семей. Пенсии, пособия, единовременная денежная помощь, направление на работу или учебу, предоставление жилья и помощь в его строительстве и ремонте, выделение огородов, скота, семян, посевы в фонд помощи семьям военнослужащих, помощь одеждой и обувью, адресная помощь по линии Красного Креста – неполный перечень мер социальной помощи и поддержки семьям военнослужащих.

Существенным образом сказывались на повседневной жизни семей военнослужащих и льготы по выплате военного налога (75 643 семьи), сельхозналога (48 681 семья), налога на хозяйство (31 088 семей), по поставкам сельхозпродуктов (65 170 семей) и по квартплате (6 300 семей), которые для других категорий граждан были обязательными.

Вместе с тем, следует отметить, что средства и возможности помощи демобилизованным из рядов Красной Армии, инвалидам войны, семьям военнослужащих в условиях продолжавшейся войны и в первые послевоенные месяцы были ограничены. Порой проявлялось невнимательное, бездушное, бюрократическое – по сути, отношение со стороны представителей местных органов власти, общественных организаций и обычных граждан. Инвалиды войны и демобилизованные из рядов Красной Армии, семьи военнослужащих зачастую оставались один – на один не только с психологическими, но и прочими, в том числе материальными проблемами. Так, только в военный отдел Могилевского обкома КП(б)Б за 1945 г. поступило и было

рассмотрено 563 письма, заявления и жалобы семей военнослужащих [12].

Отдельно следует остановиться на положении детей и подростков, в том числе – потерявших родителей в результате войны. Местным органам власти предстояла большая работа по учету, устройству на учебу и работу этих детей и подростков. С ноября 1943 г. в освобожденных районах области был организован учет, регистрация и определение в приемники-распределители детей, оставшихся без родителей. В случае невозможности возвращения детей к родителям их направляли в соответствующие детские учреждения или на патронирование. Дети старше 14 лет устраивались приемниками-распределителями НКВД по разверстке облоно на работу в промышленности или в сельском хозяйстве [13]. В январе 1944 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) в целях оказания неотложной помощи детям-сиротам обязал СНК БССР «организовать до 1 апреля 1944 г. в Гомельской, Полесской, Витебской и Могилевской областях специальные детские дома с общим контингентом воспитанников на 3 тыс. детей и детские приемники – распределители на 400 детей» [14]. Всего по Могилевской области на январь 1946 г. было учтено 7 781 детей сирот. К этому времени были устроены в детские учреждения 2 580 детей, трудоустроены – 277, передано на патронат – 4 146, послано на учебу – 778 детей и подростков [15].

К ноябрю 1943 г. в освобожденных районах Могилевской области было учтено 48 500 детей школьного возраста. Для этих учащихся необходимо было открыть 471 школу (371 начальную, 88 неполных средних и 12 средних школ). Но на 15 ноября 1943 г. работали только 293 школы, из них: начальных – 225, неполных средних – 62 и средних – 6. В большинстве школ отсутствовали учебники, наглядные и письменные принадлежности. 178 школ не работали из-за отсутствия стекла. Только в 100 школах сохранилось некоторое имущество, главным образом – парты.

Но даже в тех населенных пунктах, где удалось восстановить работу школ уже в 1943–1944 уч. г. далеко не все дети школьного возраста приступили к учебе. Среди причин сокращения контингента учащихся, безусловно, следует отметить

то, что, по свидетельству местных партийных и советских органов власти, во многих населенных пунктах освобожденных районов Могилевской области «учащиеся 1926, 1927 и 1928 гг. почти все угнаны в Германию. Много детей младших возрастов умерло из-за отсутствия медпомощи, а также физически истреблены немцами вместе с родителями. Все это привело к сокращению детей школьного возраста более чем на 30 %» [16].

Прекращение посещения школы часто было связано с удаленным расположением школ, особенно в сельской местности. Но чаще это объяснялось тем, что особенностью военных и первых послевоенных лет стало огромное количество неполных семей, в которых главой семьи оказалась женщина. Дети из таких семей часто не ходили в школу из – за материальных трудностей, иногда граничащих с крайней нуждой и бедностью, когда в семье не было денег на обувь и одежду. О серьезности этой проблемы свидетельствует просьба Могилевского обкома партии, адресованная ЦК КП (б) Б в середине ноября 1943 г., о выделении 2 500 комплектов одежды и обуви для обеспечения особо нуждающихся учащихся 7 освобожденных районов [17]. Достаточно долго после освобождения многие дети и подростки не посещали школу и по состоянию здоровья, так как в этих районах была зафиксирована эпидемия сыпного тифа и высокий уровень других инфекционных заболеваний [18]. Ситуация постепенно менялась. Так, на начало 1946–1947 учебного года только в г. Могилеве было восстановлено и работало 17 (до войны было 15) средних, неполных средних и начальных школ, педагогический и учительский институты, 10 специальных средних школ, 3 ремесленных училища, 8 школ ФЗО, 3 профтехшколы [19].

Следует заметить, что отдельного рассмотрения требуют изменения многих других существенных составляющих повседневной жизни населения Могилевской области в исследуемый период. Среди них и жилищно-бытовые проблемы, и проблемы занятости и условий труда городского и сельского населения, участия разных категорий населения в общественной жизни, проблема досуга, настроений в обществе и некоторые другие характеристики повседневной жизни. В целом, в условиях продолжавшейся войны и первых послевоенных

месяцев в силу ограниченности материальных, финансовых, кадровых и иных ресурсов можно говорить лишь о начальном этапе возвращения населения области к мирной повседневной жизни.

Примечания

1. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМог.). – Ф. 9. – Оп. – Д. 1. – Л. 1–35.

2. Разминирование Дрибинского района после войны вели несовершеннолетние бойцы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: horki.info/navina/2404.html. – Дата доступа: 31.08.2017

3. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 75–76.

4. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 80.

5. Там же. – Л. 81 – 82.

6. ГАООМог. – Ф. 4317. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 151.

7. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.

8. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 24.

9. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 3.

10. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 1–2.

11. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 32.

12. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 33.

14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). – Т.7. 1938 – 1945. – 9 изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – С. 488.

15. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 33.

16. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 73.

17. Там же. – Л. 73.

18. *Опиок Т.В.* Восстановление и развитие учреждений системы здравоохранения в освобожденных районах Могилевской области осенью 1943 – весной 1944 гг. // Романовские чтения – 12. Сборник статей Международной научной конференции / *пол общ. ред. А. С. Мельниковой.* – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 46

19. ГАООМог. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 3.

М.В. Литвинко (г. Краснодар, Российская Федерация)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В БЕЛОРУССИИ В 1959–1960 гг. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МИТРОПОЛИТА ГУРИЯ

В отечественной и западной историографии понятие «персональной истории» («personalhistory») неоднозначно и включает в себя и традиционные биографии исторических деятелей, и исследования жизни человека через призму его личных частных отношений, и «внутреннюю биографию», исследованную в противовес «внешней», или «карьерной» [1]. Попытка применения подобного контекстуального подхода предпринята в данной статье, посвященной реконструкции белорусского периода служения митрополита Гурия (Егорова) в контексте церковно-государственных отношений в СССР.

Митрополит Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович) (1870–1965) – видный церковный деятель и один из ярких представителей православного духовенства того времени, который своими подвижническими трудами способствовал сохранению веры и Церкви в Советском Союзе [2]. Деятельность Гурия в годы войны и в послевоенный период совпала с некоторым потеплением церковно-государственных отношений и с созданием определенной правовой базы положения Церкви и верующих в СССР, которая позволяла поддерживать религиозную жизнь в рамках существующего законодательства. К таковым относится избрание Алексия I патриархом, предоставление епархиальным управлениям и приходским общинам ограниченного права юридического лица, возвращение православным монастырям изъятых земель, деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви (СДРПЦ) [3].

Уполномоченные СДРПЦ способствовали амортизации болезненного для Церкви процесса закрытия храмов. Наряду с ужесточением надзора над религиозными организациями, они смягчали администрирование местного начальства при решении религиозного вопроса.

Относительно благоприятным временем стала для Русской Православной Церкви в СССР середина 1950-х гг. В 1955 г.

впервые за последние пять лет не сократилось, а увеличилось число священнослужителей. Развернувшийся в середине 1950-х гг. процесс «оттепели» позволял расширить духовную жизнь, благотворно сказался на положении Церкви. Вышли на свободу выжившие в лагерях священнослужители. Борьба двух противоположных точек зрения в партийном аппарате, выжидательная позиция государственных органов, реформа системы госбезопасности развязали руки Совету по делам Русской Православной Церкви. Г.Г. Карпов считал, что в условиях потепления общественной жизни необходимо предоставить Церкви больше свободы [4].

Дальнейшее улучшение положения Церкви патриарх Алексий I связывал с реформами Н.С. Хрущёва, который в 1958 г. стал Председателем Совета Министров СССР. В своей работе патриарх опирался на людей Церкви, известных своей подвижнической деятельностью по защите православия. Поэтому он всячески продвигал на важные посты Владыку Гурия, прошедшего тюрьмы и лагеря, известного своей неутомимостью в отстаивании интересов верующих и церковных институтов в СССР. В 1959 г. архиепископ Гурий был возведён в сан митрополита и возглавил Минскую и Белорусскую епархию [5].

Однако по времени это назначение совпало с новым витком гонений на Церковь в Советском Союзе. От патриарха Алексия I Первый секретарь КПСС и глава правительства СССР Н.С. Хрущёв потребовал согласия на массовое закрытие церквей, монастырей, в том числе – Киево-Печерской лавры, а также духовных учебных заведений. Патриарх категорически отверг возможность закрытия известных монастырей, заявив о том, что в знак протеста уйдёт на покой [6].

4 октября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам "О недостатках атеистической пропаганды"». В нём говорилось, что партийным, комсомольским и общественным организациям необходимо «развернуть организованное наступление на религиозные пережитки советских людей». «Церковники и сектанты не только приспособляются к современным условиям религиозную идеологию, модернизируют ее, но и совершенствуют методы и формы ее воздействия на

массы, – отмечалось в Постановлении. – Усиливается, например, миссионерско-проповедническая деятельность духовенства. Церковные организации, обманывая верующих, инсценируют "явления" икон, "открывают" могилы праведников, "святые целебные" источники, ведут там идеологическую обработку людей и вытягивают у них деньги» [7].

16 октября 1958 г. были приняты два постановления Совета Министров СССР «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий, епархиальных управлений, а также доходов монастырей».

Все три постановления ознаменовали новое наступление на Русскую Православную Церковь.

Белорусская ССР, всегда примерная в идеологическом воспитании и атеистической пропаганде, приняла нового управляющего Минской епархией со следующими положением дел в церковной сфере. «По состоянию на 15 ноября 1958 года в республике насчитывается всего церквей и молитвенных домов 967, из них в городах 86, в горпоселках 79 и сельской местности 802. Все эти церкви обслуживают 2 архиерея, 70 священников и 28 диаконов, отмечалось в одном из отчётов. – В республике имеется Минская Духовная Семинария, которая находится в м. Жировицы, Слонимского района, Гродненской области. В настоящее время в семинарии обучается 126 человек, из них: в первом классе 40 человек, во втором классе 30 человек, в третьем классе 29 человек и в четвертом классе 27 человек. На территории БССР действуют три православных монастыря: Гродненский женский монастырь в г. Гродно, Полоцкий женский монастырь в г. Полоцке, Витебской области, и Жировицкий мужской монастырь в м. Жировицы, Слонимского района, Гродненской области. В указанных монастырях насчитывается 137 человек монашествующих, из них монахинь 109 и монахов 28» [8].

Действия белорусских советских властей по отношению к верующим и Церкви постепенно обрастают воинствующей антиклерикальной риторикой. Так, в решении Оршанского райисполкома от 8 мая 1959 г. «О ликвидации так называемых "святых источников" в пос. Копысь и Понизовье» предписывалось «запретить духовенству и другим разным лицам

организовывать и проводить около общественных криниц церковную службу и исполнение религиозных обрядов. В связи с этим не допускать сбора людей около них, связанного с проведением церковной деятельности» [9]. В решении Витебского облисполкома от 29 апреля 1960 г. говорилось о том, что «райисполкомы и уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви и по делам религиозных культов т. Кладов ослабили контроль за деятельностью духовенства и религиозных объединений, за выполнением духовенством законов и постановлений правительства о религиозных культах и не принимали необходимых мер по пресечению незаконных действий церковников и сектантов». Поэтому облисполком решил «установить строгий контроль за деятельностью духовенства», «нарушителей привлекать к ответственности в соответствии с существующими советскими законами», обязать областное управление культуры и областной отдел народного образования улучшить антирелигиозную пропаганду и атеистическое воспитание [10]. Активизировалась деятельность Домов и клубов атеистов [11].

Появились решения о сносе храмов. Директор Института археологии АН СССР академик Б.А. Рыбаков с тревогой писал в Совет Министров БССР: «По сведениям, поступившим в Институт археологии, местные органы советской власти Витебска намечают сломку древней Благовещенской церкви. Институт надеется, что эти сведения не соответствуют действительности. Если же они имеют какие-либо основания, институт заявляет решительный протест. Благовещенская церковь является редчайшим памятником древнего белорусского зодчества XII в., давно вошедшим во все труды по истории искусства Древней Руси. Не вызывает никаких сомнений и принадлежность к культурным ценностям союзного значения. Снос Благовещенской церкви XII в. был бы ничем неоправданным актом неуважения к древностям своего народа и государственным ценностям Родины» [12].

Приняв епархию, митрополит Гурий стал активно защищать интересы Церкви перед разворачивающейся компанией, стараясь действовать через официальные институты и советское законодательство. Он проявлял большую активность в решении

прошений и жалоб от верующих. При этом он не давал покоя и уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Белорусской ССР.

В одном из писем к уполномоченному митрополит Гурий писал: «Препровождая при сем жалобу крестьян деревни Рожковка, Каменецкого района, Брестской области, о имевшем, якобы, место 18 мая сего года (1959) прискорбном случае уничтожения в ночное время злонамеренными лицами при помощи трактора трех крестов в пределах названной деревни, со своей стороны прошу Вашего авторитетного содействия в том, чтобы в будущем такие действия не повторялись, если изложенное в жалобе соответствует действительности» [13]. Владыка Гурий пересылал уполномоченному и другие жалобы и ходатайства со стороны верующих и духовенства.

На такие активные действия Высокопреосвященнейшего Гурия по управлению своей епархии незамедлительно последовала реакция из Москвы от заместителя председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР товарища Чередняка: «Совет считает большой ошибкой, допущенной вами, выдачу разрешения на покупку причтового дома церковной общине с. Калиновка в то время, когда община не имела не только причтового дома, но и молитвенного дома. Товарищу Семенову Совет рекомендует принять меры к тому, чтобы митрополит Гурий не направлял в оба эти прихода новых священников» [14].

Тем временем по всей стране набирала ход кампания по закрытию монастырей. Совет Министров СССР в своем постановлении от 16 октября 1958 г. № 11/59 «О монастырях в СССР» (пункт 4) записал: «Поручить Советам Министров союзных республик, Совету по делам Русской Православной церкви при Совете Министров СССР (т. Карпову) и Совету по делам религиозных культов (т. Пузину) в шестимесячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов, и внести в Совет Министров СССР согласованные предложения по этому поводу».

Имея в виду это постановление Совета Министров СССР, Гродненский облисполком 5 января сего года (1959) внес предложение в Совет Министров БССР о закрытии Гродненского

женского монастыря, а находящихся в нем 58 монашек переселить в Жировицкий мужской монастырь. Для того чтобы переселить монашек из Гродненского монастыря в Жировицкий, надо прежде всего ставить вопрос о закрытии Жировицкого монастыря и решить, куда девать 31 монаха. Так как жировицких монахов переселять некуда, то вопрос о переселении гродненских монашек отпадает. Кроме этого следует иметь в виду: на территории Жировицкого монастыря находится Духовная Семинария, и такое соседство (монашек и семинаристов) не желательно» [15].

Здесь необходимо отметить изобретательность советских властей, которую они проявляли во время акций, направленных против Церкви. Так в мероприятиях по закрытию Гродненского женского монастыря в 1960 г. была предложена инструкция, состоящая из нескольких пунктов: «1. Нужно работу по закрытию монастыря делать руками духовенства. 2. Учитывать, чтобы закрытие монастыря не совпало с монастырским праздником. 3. Учесть полностью куда расселять и устроить монашествующих, чтобы они не болтались по республике. 4. Необходимо, чтобы о закрытии монастыря было указание патриарха правящему архиерею. 5. Не допускать поспешностей в проведении мероприятий по закрытию монастыря. 6. Принять меры по недопущению провокации со стороны монашествующих (уход с шумом, удар в набат и т.п.). 7. Учесть количество имущества монастыря, подлежащего вывозке, также личное имущество монашек. 8. Срок эвакуации должен быть минимальным» [16].

На атеистические действия властей митрополит Гурий всегда отвечал рационально: где можно – сопротивлялся, а когда понимал, что это ни к чему не приведет, и сопротивление лишь усугубит и без того бедственное положение Церкви, делал все так, чтобы акции властей проходили как можно безболезненнее для Церкви. Так «во время очередного посещения Гродненского женского монастыря, его настоятельница Расицкая в беседе с уполномоченным заявила, что во время приезда в Гродно митрополита Гурия, последний в разговоре с Расицкой рассказал ей, что весной 1960 г. Гродненский женский монастырь будет закрываться» [17].

Защищая интересы Русской Православной Церкви, и в частности своей епархии, митрополит Гурий дошел до председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова, с которым у него состоялась беседа 29 декабря 1959 г. На ней в частности «митрополит Гурий сообщил, что в связи с указаниями патриархии по некоторым вопросам деятельности церкви некоторые уполномоченные Совета не регистрируют тех священников, которые ранее были сняты с регистрации. Отказывают регистрировать священников в таких приходах, где в течение нескольких месяцев не совершалась служба, не смотря на то, что эти приходы являются мощными. Уполномоченный по Минской области т. Тисленко заявил, что все приписные церкви будут сняты с учета действующих, т.е. закрыты.

Уполномоченные Совета снимают священников с регистрации, и меня как правящего архиерея даже не ставят в известность. Нет согласованности в вопросе определения маломощных приходов. В результате, под видом мало мощных приходов запрещают назначать священников в приходы, которые являются вполне жизненными» [18]. После встречи Г.Г. Карпов заверил митрополита Гурия, что действия уполномоченных Совета будут исправлены. В целом, по многим областям СССР, несмотря на трудности приходской жизни и агрессивное наступление на религию наблюдался высокий процент церковной обрядности и рост доходов церковью [19].

После данного разговора, по требованию центрального аппарата Совета по делам Русской Православной Церкви, уполномоченный Совета по БССР вынужден был в письменном виде оправдывать свои действия: «Как правило, снятые с регистрации священники в одной области переводятся митрополитом в другие области республики, где они регистрируются уполномоченными совета, если нет серьезных мотивов к отказу в регистрации <...>. Правда, уполномоченный Совета по Молодеченской области т. Журавлев не всегда хорошо продумывает предлоги для отказа в регистрации присланного митрополитом священника.

До сих пор снятие с регистрации священников осуществлялось областными уполномоченными, которые ставили в известность об этом только секретаря епархиального

управления по области, и то не всегда. В настоящее время мною дано указание областным уполномоченным, что снятие с регистрации священников должно проводиться только с моей санкции, а я буду ставить об этом в известность митрополита <...>. Следует обратить внимание на тот факт, что Гурий заметно активизировал свою деятельность по реагированию на действительные и мнимые ошибки, допускаемые отдельными уполномоченными Совета. Ошибочные действия отдельных уполномоченных мною будут поправлены» [20].

Митрополит Гурий также активно защищал Церковь и в средствах массовой информации. В своей докладной записке уполномоченный Семенов писал «22 января сего года (1960) меня посетил митрополит Гурий, он очень нервно реагировал на помещенные статьи в газетах. С возмущением говорил, что протоиерея Богаткевича не заслуженно оклеветали. Гурий далее заявил, почему газеты помещают ложные материалы... Где гарантия того, что в газетах про меня не могут ложно написать, что я убил человека? Я пришел к Вам защитить духовенство от ложных обвинений в газетах, – заявил Гурий» [21].

Не раз митрополиту Гурию приходилось искать хрупкий баланс в отношениях со священнослужителями, чьи необдуманные активные действия могли повлечь за собой весьма нежелательные последствия для всего церковного дела в Минской епархии [22].

Несмотря на все усилия, которые владыка Гурий прилагал к делу сохранения Православной Церкви в Беларуси, многие приходы на канонической территории Минской митрополии были закрыты. В справке о положении Церкви в Белорусской ССР на 20 февраля 1960 г. уполномоченный приводит следующую статистику: «В республике имеется действующих церквей и молитвенных домов 947, на 1 января 1959 года их было 966. Состоит на регистрации духовенства 717 человек, на 1 января 1959 года их было 747» [23]. Следует отметить, что после перевода митрополита Гурия на Ленинградскую кафедру в сентябре 1960 г., количество закрытых храмов, часовен и приписных приходов в Беларуси резко увеличилось, и к концу 1960 г. в Республике насчитывалось всего лишь 48 приходских и 305 приписных храмов и часовен [24].

19 сентября 1960 г. владыку Гурия переводят на Ленинградскую кафедру с титулом митрополита Ленинградского и Ладожского [25]. Гонения на Церковь в Белоруссии продолжались, но власти уже не могли игнорировать созданную, в том числе и при участии митрополита Гурия (Егорова) правовую, прецедентную основу взаимоотношений Церкви и Советского государства. В сложившейся исторической ситуации уже вряд-ли представлялось возможным целиком убрать церковные институты и народную религиозность из сформировавшейся системы общества СССР. Персональная история митрополита Гурия отразила тем самым общий контекст развития церковно-государственных отношений в СССР конца 1950-х–начала 1960-х гг.

Примечания

1. *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л.И. Репиной. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – С.59–60.

2. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. – Т. II. 1954–1970 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. – С. 575.

3. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 2000.– С. 332; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Герд Штриккер. – М.: Попилей, 1991. – Т. I. – № 47. – С. 210.

4. *Шкаровский М.В.* Указ. соч. – С. 359.

5. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). – 1959. – № 6. – С. 29.

6. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Т. II. 1954–1970 гг. – С. 13.

7. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). – № 186. – С. 232.

8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 22. – Л. 119.

9. Православная церковь на Витебщине (1918–1991). Документы и материалы / сост. В.П. Коханко, Н.В. Воронова, А.М. Киселев, М.В. Пищуленок, В.Г. Ширма. – Минск: НАРБ, 2006. – № 89. – С. 165.

10. Там же. – № 90. – С. 166–167.

11. Там же. – № 91. – С. 168; № 92. – С. 170–172.
12. Там же. – № 93. – С. 172.
13. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 33. – Л. 181.
14. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 29. – Л. 234.
15. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 40. – Л. 33–34.
16. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 5.
17. Там же. – Л. 6.
18. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 40. – Л. 2.
19. *Макарова Д.Ю.* Эволюция взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советского государства в 1943–1991 гг. (на материалах Курской области). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2015. – С. 18.
20. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 40. – Л. 31–34.
21. Там же. – Л. 19.
22. Архив Минского Епархиального Управления (АМЕУ). – Ф. 1 – Оп. 2. – Д. «Циркулярные распоряжения 1959 – 1960 гг.». – Л. 67–68, 79.
23. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 34. – Л. 229.
24. АМЕУ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. «Отчет по Минской Епархии за 1960 год». – Л. 2, 19–27.
25. ЖМП. – 1960. – № 10. – С. 4.

И.В. Островская (г. Севастополь, Россия)

СЛАВЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО КРЫМА НАЧАЛА XXI ВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ УКРАИНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Разнообразие геополитических, геоэкономических и геокультурных векторов, которые пересекаются в Крыму, можно рассматривать, с одной стороны, как потенциал его созидательного развития, а с другой – как фактор, влияющий на присутствие латентной конфликтности в жизни крымского регионального сообщества. Данная специфика постоянно стимулировала интерес научного сообщества к крымской проблематике.

В современных условиях учет специфики формирования региональной идентичности в Крыму, самосознания русских, поиск баланса интересов в разных сферах жизнедеятельности сообщества необходимы для России при проведении политики интеграции крымчан в российское общество. Причины

единодушия, с которым крымчане проголосовали за вхождение в состав Российской Федерации, нуждаются в четком понимании.

Цель нашей статьи – определить константы и тенденции развития самосознания славянских народов Крыма в начале XXI в. по материалам социологических опросов.

Среди комплекса источников, раскрывающих жизнедеятельность крымского регионального сообщества начала XXI в. следует выделить материалы, аналитические доклады Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова (УЦПЭД).

Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова впервые обратился к комплексному исследованию крымской проблематики в 2001 г. в рамках проекта «Крым на политической карте Украины», что было обусловлено желанием проанализировать внутренние и внешние факторы развития региона с конца 1980-х до начала 2000-х гг. Конечной целью исследования была разработка рекомендаций для органов власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, направленных на предотвращение возникновения зон напряженности в Автономной Республике Крым (АРК) на рубеже XX–XXI вв. Исследования проводились при поддержке Международного фонда «Возрождение», их результаты были обобщены и опубликованы в 2001 г. в журнале центра «Национальная безопасность и оборона».

Анализ социально-экономической, общественно-политической ситуации на полуострове нач. 2000-х гг. был произведен социологической службой УЦПЭД на основании общенационального опроса 26 февраля – 7 марта 2001 г. и общекрымского 14–28 марта 2001 г. в разных районах АРК.

В ходе анализа проведенных опросов были выявлены четыре блока проблем актуальных для Крыма в начале 2000-х гг.. Первый из них был связан с неурегулированностью отношений между центром и автономией, второй включал проблемы социально-экономического развития региона, третий блок проблем формировали внешние факторы влияния: российский, турецкий, исламский. Украинские социологи отмечали, что данные факторы влияния имели «комплексный характер и

включали финансовую, политическую, культурную, информационную, а в некоторых случаях и военную составляющую» [1]. Четвертый блок охватывал проблемы обустройства депортированных народов, межконфессионального и межнационального взаимодействия. В центре данного блока, прежде всего, находились политико-правовые и социально-экономические проблемы крымских татар, настороженность вызывала появившаяся в конце 1990-х гг. тенденция к политизации крымско-татарского движения в Крыму.

Одной из особенностей межконфессиональной ситуации в автономии было наличие конфликта между Духовным управлением мусульман Крыма (ДУМК) и Крымской епархией Украинской православной церкви (УПЦ) по вопросу установки поклонных крестов и щитов «Крым – колыбель православия». При этом УПЦ Киевского патриархата (УПЦ-КП) выступала в поддержку позиции ДУМК. В ходе опроса было установлено, что треть крымчан (33,8%) поддерживала действия УПЦ в формировании образа Крыма как колыбели православия [2].

По состоянию на 1 апреля 2001 года УПЦ на территории Крыма имела 349 общин, ДУМК объединяло 296 мусульманских общин, а УПЦ-КП – лишь 14 общин.

Основной вывод данного комплексного исследования состоял в том, что политическая ситуация в Крыму на момент проведенного исследования содержит значительный конфликтный потенциал и требует нейтрализации негативных тенденций в жизни регионального сообщества.

Следующие комплексные исследование проблем крымского регионального сообщества были проведены в два этапа центром им. А. Разумкова в партнерстве с Институтом Европы Университета Базеля в рамках проекта «Общественно-политические, межнациональные и межконфессиональные отношения в АРК – состояние, проблемы, пути решения» на протяжении 2006–2009 гг. Первая часть проекта включала анализ общеукраинских, общекрымских социологических опросов общественного мнения, включая опрос в 10 целевых группах региона, выделенных по национальным, конфессиональным, социально-демографическим критериям. На данном этапе одной из главных задач было выявление особенностей социокультурной

и гражданской идентичности доминирующих в Автономной Республике Крым этнических групп.

Вторая часть проекта включала общекрымские социологические опросы общественного мнения, а также фокус-группы: по одной среди этнических русских, украинцев, крымских татар, с целью анализа причин и мотивов самоопределения доминирующих сообществ, их взаимодействия. Особое внимание уделялось социокультурным характеристикам сообществ. Также в рамках исследования анализировалось наличие корреляции между национальной, культурной, конфессиональной идентификацией граждан и их оценками общественно-политических проблем.

Особое внимание к вопросам самоидентификации было связано с попытками прогнозирования развития социальных и политических процессов в регионе в последующий период.

В ходе проведенных украинскими социологами опросов по выявлению национально-этнической идентичности у граждан Крыма в рамках реализуемого проекта было установлено, что 60,1% жителей Крыма считали себя русскими, 24,9% – украинцами [3]. Численное преобладание русских в Крыму предопределяло доминирование в автономии русскоязычной среды, в результате чего подавляющее большинство (85,1%) представителей украинского этноса в Крыму считали также родными русский язык [4]. Данная ситуация была характерной для Крыма и отличала его от остальных регионов Украины.

Учитывая значительное численное преимущество русских и украинцев, их культурную близость, а также их незначительное взаимное социальное дистанционирование, по мнению украинских социологов, во многих случаях можно было говорить о доминирующих позициях в Крыму единого «славянского сообщества (россиян и украинцев)», которое определяло настроения крымчан в целом. По итогам ноябрьского 2008 г. и майского 2009 г. социологических опросов на прямой вопрос, согласны ли респонденты с утверждением, что между этническими русскими и украинцами в Крыму практически нет отличий, и они составляют единую социокультурную общность, положительный ответ дали 73,7% украинцев, живущих в Крыму и 76,2% русских [5].

На основании всестороннего комплексного исследования украинские социологи выделили следующие критерии, характеризующие «славянское сообщество» Крыма. Это признание его представителями русского языка родным, используя его в полной мере в общественной и социально-бытовой сфере. Входящие в данное сообщество люди не относили себя к украинской, крымско-татарской или другой этнической культурной традиции. Они согласны с тем, что между этническими русскими и украинцами в Крыму практически нет отличий, и они представляют единое социокультурное сообщество; на вопрос о религиозной принадлежности отвечают, что они православные, или христиане или не относят себя ни к одному вероисповеданию.

Важным критерием «славянского сообщества», исходя из анализа проведенных опросов, было наличие в социокультурном пространстве русских и украинцев общей для них русской культурной традиции. Интересно, что большинство крымских русских и украинцев считали, что жители России являлись более близкими к ним по характеру, обычаями и традициями, чем жители других регионов Украины и ближайших с ней стран.

По результатам опросов среди русских 75,9% относили себя к русской национальной культурной традиции, еще 17,4% – к советской. Среди украинцев большинство (52,7%) относили себя к представителям русской культурной традиции, еще 26,6% себя соотносили с советской культурной традицией, и только 9,7% с украинской [6].

Среди представителей славянского сообщества было выявлено преобладание крымской региональной идентичности. 65,4% данного сообщества определяло крымчан как группу «Это – мы». Для понимания территориально-пространственных ориентиров представителей славянского сообщества интерес вызывает ответ на вопрос «Чем для вас является Крым?» вариант «Крым – это Россия» выбрали 40,2% опрошенных, а «Крым - это и Украина, и Россия» – 34,8% [7].

Одним из важнейших аспектов социокультурной самоидентификации является конфессиональное самоопределение. Так, по данным опроса, который проводился Центром им. А. Разумкова в ноябре 2008 г., 58,4% опрошенных

крымчан согласились с тем, что «национальная и религиозная принадлежность человека должны быть взаимосвязаны: в соответствии с традиционными представлениями, например, россиянин – православный, поляк – католик, крымский татарин – мусульманин и т.п.». А уже по итогам майского опроса 2009 г., 85,1% этнических украинцев и 84,9% россиян отнесли себя к православным. «Я просто христианин» ответили 6% украинцев и 6,1% русских [8]. Украинские социологи констатировали наличие в крымском региональном сообществе существование корреляции между национальной и религиозной принадлежностью, причем ее естественность признавали большинство представителей всех национальных групп. Большинство православных (как русских, так и украинцев) принадлежали к УПЦ, поэтому религиозная ситуация в Крыму в значительной степени определялась взаимоотношением между верными этой церкви прихожанами и мусульманами.

Основной вывод украинских социологов состоял также в том, что многочисленную группу русских и украинцев Крыма, тяготеющую к русской социокультурной и языковой идентичности, можно отнести к геополитическому сообществу, условно называемому «русский мир». При этом украинские исследователи считали, что можно выделить три главных мировоззренческо-идеологических ориентира, которые определяют принадлежность к данному геополитическому сообществу: 1) ориентация на русскую культуру, русский язык; 2) поддержка православия как духовной и объединяющей основы «русского мира»; 3) единство восточнославянского мира под эгидой России [9].

Таким образом, социологи одного из ведущих аналитических центров Украины пришли к выводу о существовании на рубеже XX–XXI вв. специфики в жизнедеятельности крымского регионального сообщества. Результаты исследований свидетельствовали, что характер общественно-политических, межэтнических, межконфессиональных отношений в АРК определял в значительной степени процесс формирования идентичности ее жителей.

Прежде всего, это было связано с оформлением в Крыму к началу 2000-х гг. такого феномена, как «славянское сообщество».

К основным характеристикам данной социокультурной общности украинские социологи относили широкое использование русского языка, признание его родным, идентификацию с русской культурной традицией, православием. Важно отметить, что идентичность данного сообщества базировалась на ценностях «Русского мира».

Славянское сообщество, включающее русских Крыма и большинство крымских украинцев, а также крымско-татарское сообщество на рубеже XX–XXI вв. выступали в роли основных субъектов общественно-политических, межконфессиональных, межэтнических отношений в регионе. Комплексные исследования украинских социологов в Крыму не только фиксировали наличие ярко выраженной региональной специфики в Южном макрорегионе страны, но и давали повод для размышления о вариантах моделей государственного устройства в будущем как сторонникам украинского унитаризма, так и их оппонентам, сторонникам федерализации.

Примечания

1. Крим на політичній карті України // Національна безпека і оборона. – Київ, 2001. – № 4. – С. 4.
2. Там же. – С. 25.
3. АР Крим: люди, проблеми, перспективи (Суспільно-політичні, міжнаціональні та міжконфесійні відносини в Автономній Республіці Крим) // Національна безпека і оборона. – Київ, 2008. – № 10 (104). – С. 3.
4. Там же. – С. 5.
5. Кримський соціум лінії: поділу та перспективи консолідації // Національна безпека і оборона. – Київ, 2009. – № 5. – С. 4.
6. Там же.
7. Там же. – С. 5.
8. Там же. – С. 4.
9. Там же.

А.Д. Гронский (г. Москва, Российская Федерация)

ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА НА БЕЛОРУССКИЕ РЕАЛИИ

Украинский кризис 2013–2014 гг., закончившийся очередной революцией, получившей название не по цвету, ассоциированному с движущей политической силой этой революции, а по морально-нравственной категории – Революция достоинства, в первую очередь сказался на самих украинцах. Однако этот кризис задел и соседей. После бегства В.Ф. Януковича эти тенденции на Украине вряд ли стало возможным остановить. Но ещё до того, как действующий на тот момент президент покинул Киев, события на площади Независимости развивались достаточно быстрыми темпами. В развитии этих событий принимали участие не только украинцы, но также представители других этнических групп и граждане других государств, в том числе и белорусы.

Белорусские граждане участвовали в событиях на майдане и в качестве активистов (митинги, массовка и т.д.), и в качестве услуги (приготовление пищи и т.п.). До начала гражданского противостояния на Украине украинско-белорусская граница была достаточно прозрачна. Пограничный контроль существовал, но он не был таким жёстким, как на выезде в страны Евросоюза. На Украину можно было попасть достаточно легко. Тем более, что до распада СССР между жителями пограничных населённых пунктов существовали родственные связи, была налажена кооперация и т.д. Естественно, что часть этих связей сохранилась, несмотря на появление государственной границы. В своей массе белорусы относились к украинцам с огромной долей симпатии, как и к россиянам.

Граждане трёх постсоветских государств были во многом похожи и понимали это: общие исторические сюжеты, общая историческая память, общее происхождение, долгое существование в пределах одного государства, общая культура (тут имеется в виду не узкоэтнические культурные проявления, а широкое представление о своей культуре, например, советском кино или современной эстраде, хотя последнее иногда сложно

назвать культурой в стандартном понимании). В массе белорусы негативно относятся к проявлениям этнического национализма (как белорусского, так и небелорусского) и радикальным идеям переустройства общества. Естественно, что события Оранжевой революции 2004–2005 гг. были восприняты положительно лишь белорусскими националистами и близкими к ним группами. Украинский майдан 2013–2014 гг. уже в период своего зарождения получил негативную оценку и подавляющего большинства населения Белоруссии. А события, последовавшие в феврале 2014 г. вовсе раскололи общество на три неравные части – основную массу белорусов, оппозицию и бюрократию.

Заявить свои симпатии к какой-либо из сторон конфликта наиболее проблематичным оказалось для бюрократии. И дело здесь не в том, имеет или не имеет бюрократия собственное мнение по украинским событиям, а в том, что она (особенно высшая бюрократия) должна делать такие заявления, которые так или иначе соответствуют позиции государства. Для белорусской бюрократии встал серьезный вопрос – солидаризироваться с одной из сторон конфликта или лавировать между противоположными позициями. Стоит заметить, что для большинства белорусов и для оппозиции такого вопроса не стояло. Эти группы сразу же определились в своих симпатиях. Белорусский официоз отреагировал на события в Киеве быстро. В день резкого обострения ситуации на площади Независимости в Киеве 18 февраля 2014 г. Минск заявил, что он против разрешения внутривосточных разногласий «радикальными, противоправными методами» и «за урегулирование политического кризиса в Украине путем цивилизованного диалога при безусловном соблюдении принципов верховенства закона и без какого-либо вмешательства извне» [1]. Заявление не обвиняло ни одну из сторон конфликта, но намекало, что конфликт подогревается внешними силами, которые не были конкретно определены. Через два дня белорусский МИД вновь выразил озабоченность киевскими событиями, но конкретизировал внешние силы, которые к этому привели. Внешними силами оказались страны Запада, которые заняли позицию, граничащую «с попустительством радикализму и экстремизму» [2]. Тем не менее, вскоре риторика белорусской

стороны смягчилась, а в марте 2014 г. А.Г. Лукашенко встретился с исполняющим обязанности президента Украины А.В. Турчиновым.

Можно сказать, что с марта 2014 г. официальный Минск стал лавировать между Россией с одной стороны и Украиной со странами Запада с другой. Так, белорусские власти изъяли из продажи польские глобусы, на которых Крым был обозначен как часть России [3]. Однако во время голосования в ООН по проблеме Крыма, Белоруссия поддержала Россию, а белорусский министр иностранных дел В.В. Макей на вопрос о том, как официальный Минск относится к Крыму сказал, что «в политике нужно исходить из реалий, мы должны исходить из того, чей Крым сегодня де-факто» [4]. Примеров такого лавирования можно привести достаточно много.

В июле 2017 г. в белорусской столице собралась очередная сессия Парламентской ассамблеи ОБСЕ. На ней был поднят, в том числе, и украинский вопрос. Делегация Украины представила декларацию, осуждающую «агрессию России против Украины» и «временную оккупацию Крыма и Севастополя». Российская сторона предложила снять декларацию с обсуждения, но большинство стран участниц не поддержало Россию. К ним же примкнула и Белоруссия [5], несмотря на то, что она является частью Союзного государства и состоит ещё в нескольких интеграционных проектах с Россией. Во время голосования по украинской декларации один из представителей Белоруссии воздержался, остальные не голосовали. Российскую позицию поддержала лишь Армения, что позволило включить этот текст в итоговую декларацию ПА ОБСЕ. Белорусский депутат объяснил свою нейтральность тем, что «Минск является переговорной площадкой по урегулированию ситуации на востоке Украины» [6]. Тем не менее, российская делегация не сделала симметричного ответа и выступила против рассмотрения литовской резолюции о строительстве Белорусской АЭС [7]. Это поспособствовало тому, что декларация, критикующая Белоруссию, не попала в итоговую часть. Итоговую декларацию с антироссийским содержанием поддержали четверо из шести белорусских представителей, ещё двое проголосовали против [8]. Когда журналисты поинтересовались у одного из поддержавших эту декларацию

мотивами его поступка, он ответил, что всех «смутило наличие антироссийской части», «но это же политическое решение, белорусская делегация не могла голосовать против Минской декларации, против итогов минской сессии ПА ОБСЕ». Также депутат добавил, что если бы сессия проходила в Москве, они бы (россияне. – А.Г.) проголосовали за Московскую декларацию» [9]. Т.е., исходя из логики белорусского депутата, если бы в Москве была принята антироссийская декларация, россияне должны были бы проголосовать за неё лишь потому, что она появилась в Москве. И было бы интересно узнать, голосовали бы белорусские депутаты за итоговую декларацию лишь потому, что она принята в Минске, если бы в ней содержалась антибелорусская критика.

Белорусская оппозиция, в отличие от бюрократии, с самого начала украинского конфликта заняла чёткую позицию солидарности с майданом. Причём, практически сразу это вылилось в русофобию. В частности, начались нападения на автомобили с российскими номерами или российской символикой. Кому-то прокалывали шины (иногда не единожды) и пытались сорвать российскую символику, кому-то простреливали стекла, кому-то их разбивали [10, 11]. Позже оппозиционно настроенные белорусские националисты начали открыто иллюстрировать свои намерения. В частности, зарегистрированная в Чехии, но незарегистрированная в Белоруссии организация «Молодой фронт» создала «патриотическо-спортивное крыло "Молодого фронта"» – клуб «Ваяр». Участники «Ваяра» отрицали, что их деятельность является подготовкой к военным действиям, и заявляли, что они не готовят «диверсантов и боевиков» [12], однако смысл своего создания они видели в том, «чтобы вместе мы могли защитить наше Отечество от российской агрессии и прокремлёвской пятой колонны» [13]. Также бывшие спецназовцы почему-то проводили для них лекции «о специфике деятельности разведывательно-диверсионных групп» [14].

Спортивно-патриотические клубы есть и у противников оппозиции (в основном молодёжные казачьи организации), но они не заявляли о борьбе с какой-либо агрессией или пятой колонной. Хотя националисты обвиняют их в том, что те

тренируются действовать в реальных боевых условиях (например, отрабатывают штурм лестничных клеток) [15]. Пропаганда молодёжных казачьих организаций вызывает у оппозиции логичное неприятие, поскольку казаки не исповедуют белорусский национализм.

В сентябре 2017 г. Белорусский комитет солидарности с Украиной подготовил меморандум о взаимодействии, который подписали белорусские оппозиционные организации и одна организация из Киева. Повторив все существующие в современном украинском политическом дискурсе штампы, подписавшие меморандум потребовали в том числе и «прекращения практики уголовного преследования в Беларуси граждан, которые добровольно вступили в воинские формирования, подчиняющиеся действующей власти Украины». А один из участников комитета солидарности сказал, что власти «преследуют именно тех, кто воюет на стороне Украины, а не на стороне незаконных вооруженных формирований, хотя должно быть наоборот» [16]. Дело в том, что в Белоруссии до суда дошло лишь два уголовных дела, в которых фигурируют люди, воевавшие на Донбассе. Причём, оба воевали на стороне официального Киева. А на родине они осуждены не за участие в боевых действиях, а за незаконный оборот и контрабанду взрывного устройства и за злостное хулиганство, т.е. за преступления, не связанные с боевыми действиями [17]. Так что в Белоруссии преследуются только те из воевавших по обе стороны фронта, кто совершил уголовные преступления внутри Белоруссии. И на момент этого заявления, именно двое участников вооружённого конфликта с украинской стороны своими действиями дали повод вынести им обвинительный приговор. Так что дело не в том, что власти преследуют одну сторону и не преследуют другую, а в том, что представители лишь одной стороны дали серьёзный повод к уголовному преследованию. Тем не менее, Белоруссия завела уголовные дела за участие в боевых действиях на Украине с обеих сторон, но ещё никто на момент сентября 2017 г. не был задержан по обвинению конкретно в этом. Также сторонники Украины заявили, что «будут предприняты усилия для того, чтобы остановить деятельность организаций, вербующих белорусских граждан для

участия в боевых действиях за самопровозглашенные образования на отдельных территориях Донецкой и Луганской областей, и чтобы дать правовую оценку действиям завербованных граждан» [18]. Однако они не осудили то, что в Белоруссии также происходила вербовка желающих воевать за другую сторону конфликта. В частности, спецслужбы Белоруссии в августе 2015 г. сообщили, что раскрыли канал вербовки наёмников для подразделений «Правого сектора», «Донбасса», «Айдара» и «Азова». Пикантности в вербовку добавляет то, что она велась не только «среди молодых радикалов», но и «душевно больных, безработных, бывших уголовников, и футбольных фанатов» [19]. Остались ли другие каналы вербовки наёмников на сторону Киева, непонятно.

Простые белорусы в подавляющем большинстве также заняли достаточно чёткую позицию в отношении произошедших на Украине событий. И эта позиция оказалась прямо противоположной той, которую заняла оппозиция, что ярко показали социологические опросы, проведённые негосударственной социологической службой.

С начала активной фазы противостояния на Украине доля тех белорусов, которые поддержали «промайданную» сторону, всегда была ниже тех, которые поддержали «антимайданную» часть Украины. Так, тех, кто считал, что Россия аннексировала Крым за время с 2014 до середины 2016 гг. в среднем набралось 24,7 %, а тех, кто видел в крымском референдуме историческую справедливость – 60,08 % (Подсчитано по цифрам, содержащимся в «Важнейших результатах национального опроса...» Независимого института социально-экономических и политических исследований за период с июня 2014 по март 2016 г. [20]). И такое отношение к Крымской весне белорусское общество показывало не по причине того, что на него якобы массово воздействовали российские СМИ. Как утверждают сами оппозиционные политологи, даже «среди тех, кто вообще не смотрит российское ТВ, большинство считает аннексию Крыма законной» [21]. Также достаточно чётко простые белорусы определились с тем, кто оказался у власти в Киеве после бегства В.Ф. Януковича. Оказалось, большинство опрошенных уверены, что к власти на Украине в 2014 г. пришли фашисты [22]. Поэтому

стоит предположить, что встреча белорусского президента А.Г. Лукашенко с исполняющим обязанности украинского президента А.В. Турчиновым в марте 2014 г. вряд ли добавила среди народа популярности белорусскому лидеру.

В 2014 г. в Белоруссии стали чаще раздавать на улицах российские флажки. Иногда отдельно, иногда вместе с белорусскими, как символом Союзного государства. Известно лишь об одном задержании глухонемых распространителей, на которых пожаловался белорусский оппозиционер [23]. В остальных случаях милиция не реагировала на распространение символики государства, с которым Белоруссия имеет наиболее тесные связи. Мотивы у милиции были вполне резонные: «вБеларуси не запрещено распространять символику других стран, а запрещено лишь распространение символики, которая пропагандирует фашизм и расизм. Пропагандировать российскую символику у нас можно». Этот ответ сотрудников милиции поразил «бдительную» гражданку, которая, видимо, хотела пресечь распространение символики Союзного государства, т.к. распространитель, на которого она жаловалась, предлагал именно два флажка – российский и белорусский в одной связке [24]. Однако антироссийская радикализация белорусских националистов стала вызывать ответную реакцию простых граждан. Например, начались драки по поводу языка, чего не случалось ранее. Причём, заканчивались драки не пользу националистов, поскольку им на помощь никто не спешил. Можно ли считать идеологическим мотивом то, что в марте 2017 г. неизвестные разбили стекло в автомобиле, украшенным орнаментом (с 2014 г. в Белоруссии начали активно навязывать вышиванки, некоторые стали украшать вышиваночным орнаментом свои автомобили), непонятно. Если бы пострадал лишь автомобиль с вышиванкой, тогда идеологический подтекст явно бы прочитывался. Но в этом же дворе было разбито стекло у другого автомобиля, который находился в 400 метрах от «вышиваночного» [25]. Поэтому нельзя однозначно сказать, была ли данная акция идеологическая или всего лишь хулиганская. Однако стоит отметить, что среди простого народа агрессивных действий против проукраински настроенных лиц гораздо меньше, чем среди оппозиции по отношению к пророссийским. Можно

долго рассуждать, почему такое происходит, но, видимо, большинство антимайданно настроенных белорусов просто уверено, что оно право, поэтому и не рекламирует, в том числе и агрессивно свою точку зрения. Её не надо доказывать, т.к. она разделяется большинством. Судить о реальном количестве этого большинства немного сложно, т.к. опросы дают одни цифры неприятия простыми белорусами событий на постмайданной Украине, а по впечатлению от разговоров простых людей на улице (если они затрагивают украинские события) эти цифры на самом деле гораздо выше. Особенно ярко это наблюдалось в 2014 г. и первой половине 2015 г.

В целом, поддержку заметным большинством белорусов Крымской весны и самопровозглашённых народных республик Донбасса стоит рассматривать как данность, которая сложилась не по причине агрессивной пропаганды российских или иных СМИ, или манипулирования идеологов, а по причине гораздо более глубокой – совокупности из исторической памяти, самоощущения и самоопределения, бытования культурных и иных стереотипов, разделения общих с соседями представлений и т.д.

Примечания

1. Комментарий начальника управления информации – пресс-секретаря МИД Беларуси Дмитрия Мирончика по событиям в Украине // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f3ac9ef247ac1bfa.html (дата обращения: 7.09.2017).

2. Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/c26a27574c43461c.html (дата обращения: 7.09.2017).

3. СМИ: в Белоруссии запретили продажу глобусов с российским Крымом // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20160606/1443442796.html> (дата обращения: 15.08.2017).

4. Макей фактически признал принадлежность Крыма России // Агентство новостей Telegraf.by URL: <http://telegraf.by/2016/04/8/318615-makei-fakticheski-priznal-prinadlejnost-krima-rossii> (дата обращения: 15.08.2017).

5. Беларусь отказала России в поддержке резолюции по Украине на сессии ПА ОБСЕ // Ежедневник.by. URL: <https://ej.by/news/politics/2017/>

07/06/belarus-otkazala-rossii-v-podderzhke-po-rezolyutsii-ukrainy-na-sessii.html (дата обращения: 1.09.2017).

6. В ПА ОБСЕ приняли проект резолюции с призывом к России отдать Крым // Sputnik-Беларусь. URL: <https://sputnik.by/politics/20170707/1029673488/v-pa-obse-prinyali-proekt-rezolyucii-s-prizyvom-k-rossii-otdat-krym.html> (дата обращения: 1.09.2017).

7. Беларусь не поддержала Россию в оценке резолюции по Украине // Sputnik-Беларусь. URL: <https://sputnik.by/politics/20170706/1029641281/belarus-ne-podderzhala-rossiyu-v-ocenke-rezolyucii-po-ukraine.html> (дата обращения: 1.09.2017).

8. Четыре белорусских депутата поддержали декларацию с осуждением «агрессии России против Украины» // Белорусский портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/economics/550587.html> (дата обращения: 5.09.2017).

9. «Как в любой демократической стране». Макей объяснил разобщенность делегации Беларуси на ПА ОБСЕ // Белорусский портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/economics/550670.html> (дата обращения: 5.09.2017).

10. В Минске джипу супермодели Екатерины Доманьковой на российских номерах пробили шины // Naviny.by. Белорусские новости. URL: http://naviny.by/rubrics/disaster/2014/05/12/ic_news_124_435944 (дата обращения: 2.09.2017).

11. *Синюк Е.* «Никогда не видел, чтобы в Беларуси так не любили русских!» В Минске уродуют машины с российской символикой // Белорусский портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/408121.html> (дата обращения: 5.09.2017).

12. Пачынае працу спартова-патрыятычны клуб «Ваяр» // Малады фронт. URL: <http://mfront.net/paczynaie-pracu-spartova-patryiatyczny-klub-vaiar.html> (дата обращения: 30.06.2017).

13. Трэнiроўка СПК «Ваяр». Маладафронтаўцы вучацца працаваць са зброяй // Малады фронт. URL: <http://mfront.net/trenirouka-spk-vaiar-maladafrontaucy-vuczassa-pracavac-sa-zbroiaj.html> (дата обращения: 30.06.2017).

14. Адказ «Ваяра» расейскім акупантам і іхным памагатым // Малады фронт. URL: <http://mfront.net/vaiar-praviou-padrychtouczy-vyszkal.html> (дата обращения: 30.06.2017).

15. Трэнiроўка СПК «Ваяр». Маладафронтаўцы вучацца працаваць са зброяй // Малады фронт. URL: <http://mfront.net/trenirouka-spk-vaiar-maladafrontaucy-vuczassa-pracavac-sa-zbroiaj.html> (дата обращения: 30.06.2017).

16. *Щербаков З.* В Минске подписан меморандум солидарности с Украиной // Naviny.by. Белорусские новости. URL: <http://naviny.by/article/>

20170908/1504852617-v-minske-podpisan-memorandum-solidarnosti-s-ukrainoy (дата обращения: 2.09.2017).

17. *Коцаба С.* Мать неонациста из «Правого сектора» рассказала, как его «схватили российские спецслужбы» прямо в Киеве // Федеральное агентство новостей. URL: <https://riafan.ru/879130-mat-neonacista-iz-pravogo-sektora-rasskazala-kak-ego-shvatili-rossiiskie-specsluzhby-pryamo-v-kieve> (дата обращения: 2.09.2017).

18. *Щербаков З.* Указ. соч.

19. БТ: Белорусские спецслужбы вскрыли канал вербовки наемников в Украину // Белорусский портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/460283.html> (Дата обращения: 5.09.2017).

20. Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Официальный сайт // URL: <http://www.iiseps> (Дата обращения: 17.06.2016). Важнейшие результаты национального опроса в сентябре 2014 г. // Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Официальный сайт. URL: <http://www.iiseps.org/?p=2687> (дата обращения: 17.06.2016).

21. Пресс-релиз по результатам национального опроса в июне 2014 г. // Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Официальный сайт. URL: <http://www.iiseps.org/?p=2689> (дата обращения: 17.06.2016).

22. Важнейшие результаты национального опроса в сентябре 2014 г. // НИСЭПИ. URL: <http://www.iiseps.org/?p=2687> (дата обращения: 17.06.2016).

23. Оршанская милиция задержала распространителей российских флажков // Белорусский портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/407134.html> (дата обращения: 5.09.2017).

24. В Бресте замечены очередные распространители российских флажков // Белорусский портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/reporter/407592.html> (дата обращения: 5.09.2017).

25. *Свердлов П.* В центре Минска неизвестные разбили стекло в машине с орнаментом // Еврорадио. URL: <https://euroradio.fm/ru/v-centre-minska-neizvestnye-razbili-steklo-v-mashine-s-vyshivankoy> (дата обращения: 2.09.2017).

Т.О. Ткачева (г. Краснодар, Российская Федерация)

ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БОЛГАРИИ (1989–2017 гг.)

Политическая жизнь Болгарии традиционно несет на себе отпечаток турецкого фактора. На территории Болгарии этнически турки проживали еще со времен Османской империи. Турецкая диаспора достаточно велика. Среди других национальных меньшинств болгарские турки являются вторыми по численности. Согласно переписи населения 2011 г. их число составило 8,8% населения. Более того, это самая крупная турецкая группа, проживающая вне территории Турции[1].

Турецкая община Болгарии находится под пристальным вниманием руководства Турецкой Республики. Посещение Болгарии с рабочими визитами турецких лидеров сопровождается встречами с представителями турецкой диаспоры, посещением наиболее крупных общин этнических турок Болгарии, посещением мечетей и общением с духовными мусульманскими наставниками.

Интересы турецкого меньшинства на политической арене представляет партия Движение на права и свободы (ДПС). История возникновения этой партии достаточно интересна. В конце 1984 г. на территории Болгарии была создана подпольная организация, которая получила название «Движение национального освобождения турок Болгарии». Организация носила радикально-экстремистский характер. На ее счету было несколько террористических актов и захват заложников.

В начале января 1990 г. активными участниками «Движение национального освобождения турок Болгарии» была зарегистрирована партия с названием «Движение за права и свободы». На учредительном собрании, которое состоялось в марте того же года, ее руководителем стал Ахмед Доган. Интересен тот факт, что первоначально количество членов нового политического образования составляло 33 человека. На период 2007 г. численность партии согласно информации сайта организации ее численность достигала 68 тыс. человек. Молодежная структура составляла 24 тыс. участников[2].

С начала своей деятельности лидер «Движения за права и свободы» А.Доган позиционировал организацию как партию центристского либерального толка. Выбор такой направленности был обусловлен несколькими причинами, из которых можно выделить стремление расширить электоральную базу, не быть только турецкой и иметь значение и поддержку других нацменьшинств Болгарии. Активное вовлечение Болгарии в европейское и атлантическое интеграционное пространство так же было в русле либеральной идеологии. «Доган разделял мнение о том, что полноценное членство страны в ЕС и НАТО может необратимо гарантировать права и свободы нацменьшинств Болгарии»[3].

Активность, с которой новая партия вступила в политическое многоборье, была впечатляющей. Уже на выборах 1990 г. ДПС получила 23 места в болгарском парламенте. На внеочередных выборах в Народное собрание Болгарии 1991 г. при сокращении парламентских мест, партия заняла 24 места. И в дальнейшем, ДПС не сдавала своих позиций. 1994 – 15 депутатских мандатов, 1997 – 19, 2001 – 21, 2005 – 34, 2014 – 36. На последних внеочередных выборах в болгарский парламент, которые состоялись 26 марта 2017 г. ДПС завоевала 27 мест[4].

Отчасти такие результаты поддержки ДПС можно объяснить тем, что согласно закону, который был принят в 2001 г. в голосовании могут принимать участие и граждане Болгарии турецкой национальности, проживающие на территории Турции[5].

В данном контексте необходимо отметить тот факт, что одним из неперенных условий во взаимоотношениях с Болгарией, турецкая сторона считает установление активных политических контактов с болгарскими властными элитами. В последнее время можно говорить о регулярности таких контактов. 2008, 2010, 2011, 2015 – визиты высших турецких должностных лиц в Болгарию. 2008, 2012, 2015 – ответные визиты руководителей Болгарии [6].

Помимо законодательно органа, члены ДПС являются практически постоянными членами коалиционных правительств Болгарии. Также как и ранее, последние выборы марта 2017 г. дают возможность предполагать участие протурецкого Движения

за права и свободы в новой коалиции, несмотря на возражения других возможных участников коалиционного правительства, опасаящихся усилению влияния Анкары на внутривластическую ситуацию в Болгарии [7].

Министр сельского хозяйства и лесных ресурсов, министр по делам нацменьшинств, вице-спикер парламента, вице-председатель парламентской комиссии по вопросам внешней политики, обороны и безопасности – все эти должности в разное время занимали представители ДПС [8]. Кроме того, заметно влияние болгарских турок и на местном уровне. После выборов 2005 г., когда ДПС получила 14% голосов болгарского электората, во многих городах органы местного самоуправления оказались в руках представителей ДПС.

Заметно участие болгарских турок и в европейских интеграционных структурах. Вступившая в ЕС 1 января 2007 г. Болгария, была представлена в Европарламенте 18 депутатами, трое из которых – члены Движения за права и свободы. Представитель ДПС был назначен руководителем болгарского представительства в ПАСЕ. Болгарские турки входили в комиссии по труду и социальной политике, по вопросам внутренней безопасности и общественного порядка, по вопросам евроинтеграции, по вопросам энергетики, культуры, информации, борьбы с коррупцией. В некоторых из этих структур они занимали руководящие должности.

Было бы ошибочно утверждать, что ДПС является единственной партией, выражающей интересы турецкого национального меньшинства. Вскоре после регистрации ДПС стали появляться партии, созданные недавними соратниками Догана.

В 1991 г. была основана Турецкая демократическая партия. Ее сторонники в своих политических взглядах были приверженцами радикального пантюркизма. Партия не была официально зарегистрирована, по этой причине не могла участвовать в избирательных кампаниях. Другой политической организацией стала Партия демократических реформ. Ее деятельность распространялась на отдельные территории. Узость электоральной основы стала причиной провальных результатов на выборах в Народное собрание для этой партии. Исламистская

идеология стала предвыборной платформой для Демократической партии справедливости.

Кроме вышеупомянутых партий также можно назвать Движение демократического центра, Союз турок Болгарии, фонд Прямую дорогу гражданам Болгарии турецкого происхождения. В 1997 г. была образована Национальное движение прав и свобод. Ее расценивают как партию-клон ДПС и используют в тактических целях в ходе избирательных кампаний.

Руководство Турции откровенно поддерживает протурецкие политические силы Болгарии и требует увеличения избирательных участков на турецкой территории. Эти требования руководство Болгарии расценивает как вмешательство во внутренние дела. Подобный инцидент произошел в ходе выборов в Народное собрание 2005 г., который привел к отзыву болгарского посла для консультаций [9]. Подобные требования были выдвинуты и на последних выборах 2017 г. в МИД Турции оказались недовольны количеством избирательных участков, которые Болгария откроет на турецкой территории 26 марта. Таких участков будет 35 – слишком мало, по мнению Анкары. «Болгария не должна ограничивать политические права национальных меньшинств и оставлять болгарских граждан, проживающих в Турции, в стороне от голосования», – заявил представитель МИДа Турции [10].

В данном контексте можно рассматривать партийный кризис в ДПС, выразившийся в исключении одного из лидеров партии Лютфи Местана из членов ДПС. Накануне выборов 2017 г. он объявил о создании новой партии «Демократы за ответственность, свободу и толерантность» (ДОСТ).

Как уже отмечалось выше, в идеологическом плане лидеры ДПС позиционировали свою партию не только как представляющую интересы этнических турок, проживающих в Болгарии. Поэтому, не смотря на свою электоральную базу, партия занимала относительно независимую позицию от Турции. По мнению некоторых аналитиков, создание ДОСТ было не случайным. «Эрдогану хотелось иметь в Болгарии собственную карманную политическую силу», для чего и была создана ДОСТ. Красноречивой поддержкой новой партийной организации стал факт участия Эрдогана в предвыборном ролике партии [11].

В результате вышеизложенного можно сделать вывод о том, что турецкий фактор в Болгарии в лице партии Движение за права и свободы оказывает значимое влияние на политическую жизнь Болгарии. ДПС является реальной политической силой, имеющей сильные позиции и потенциал во влиянии на исполнительную и законодательную власть в Болгарии.

Примечания

1. *Свистунова И.А.* Турция и Болгария: проблемы и перспективы современных взаимоотношений // Проблемы национальной стратегии – 2016. – № 5 (38). – С. 94.

2. *Наапетян А.* Турки Болгарии: пятая колонна Анкары // 21-й ВЕК 2007 – №1(5). – С. 93.

3. *Там же.* – С. 94

4. *Молчанов А.* Выборы в Болгарии окончательно раскололи нацию <http://geo-politica.info/vybory-v-bolgarii-okonchatelno-raskololi-natsiyu.html> (дата обращения: 28.08.2017).

5. *Свистунова И.А.* Указ.соч. – С. 96.

6. *Там же.* – С.88.

7. *Мартынюк В.* Между российским и турецким влиянием: как Болгария провела внеочередные выборы // <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2017/03/27/7063636/> (дата обращения: 16.08.2017).

8. *Карасимеонов Г.* Новая партийная система в Болгарии // Восточная Европа в начале XXI века. Сб. статей. – М., 2004. – С. 98.

9. *Мартынюк В.* Указ.соч.

10. Как Турция пытается оказать влияние на выборы в Болгарии <http://www.dw.com/ru/как-турция-пытается-оказать-влияние-на-выборы-в-болгарии/a-38032514> (дата обращения: 18.07.2017).

11. *Молчанов А.* Указ.соч.

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ И КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Э.Г. Вартаньян (г. Краснодар, Российская Федерация)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРА И ЖИВОПИСИ)

XIX век – время стремительного роста влияния славянских народов на мировую художественную культуру. Это объясняется древностью славянской культуры, характерным для нее сочетанием этических и эстетических начал, тем, что многие достижения художественной культуры славянских народов стали общечеловеческим достоянием со значительным опозданием (пример тому – творчество Андрея Рублева, мастеров Боянского храма и др.).

Одна из закономерностей развития художественной культуры славянских народов – все более усиливавшийся интерес к народному творчеству. Каждый народ, стремившийся к своему национальному самоопределению, нуждается в исторических и культурных традициях. Дело не только в определенной сумме исторических и культурных фактов, представлений, легенд, эстетических взглядов, культурно-общественных идей, передаваемых последующим поколениям, дело и в активном отборе традиций и их трансформации. Чрезвычайно важное место в структуре межславянских традиций занимают народная культура, обычаи (отражающие также общие черты народного мифа), фольклор, музыка.

Автор данной статьи решил обратиться к *фольклору*, значение которого особенно возрастает тогда, когда складываются неблагоприятные условия для развития культуры на национальной основе, а также к *живописи*, визуальному средству самовыражения народа.

Эпоха формирования наций и национальных культур характеризуется перестройкой системы традиций, всего эстетического и художественного сознания общества.

Генетически культура всех славянских народов восходит к общему межплеменному фольклорному наследию. Однако в эпоху формирования наций фольклор начинает играть принципиально новую роль в культурном развитии славянских народов и само обращение деятелей культуры к фольклору приобретает качественно новый характер.

Отечественный исследователь В.Е. Гусев отмечает, что нарождающейся национальной культуре присущи три формы освоения фольклора: во-первых, интенсивное собирание, публикации, изучение памятников народного творчества и появление в связи с этим новой науки – фольклористики; во-вторых, осмысление и использование фольклора в лингвистике, этнографии, исторической науке, эстетике, литературной критике, публицистике, педагогике; в-третьих, освоение фольклора как одного из источников и образцов литературы и искусства (фольклоризм писателей, драматургов, художников, музыкантов) [1]. Ломка социальных и культурных устоев, традиций, нравов и обычаев приводит к тому, что деятелями молодых национальных культур фольклор воспринимается как утрачиваемая обществом ценность и как необходимый источник для создания национальной культуры. Обращение к фольклору становится сознательным и программным, фольклоризм превращается в целенаправленный процесс и охватывает все сферы быта, образования, общественных наук, культуры – литературу, театр, музыку, живопись.

В белорусском фольклоре проявился талант народа, его эстетические и нравственные идеалы. В немалой степени это объясняется историческими обстоятельствами. Являясь ядром сильного Великого княжества Литовского, белорусские земли избежали разорительного татаро-монгольского нашествия. Определенная стабилизация государственной жизни благотворно сказывалась на процессе интеграции отдельных белорусских земель, развитие которых шло без резких разрывов с традицией. Эта непрерывность традиций отразилась и в фольклоре (XII–XVI вв. были наиболее продуктивным его периодом). Постепенная утрата государственной независимости Великим княжеством Литовским привела к усилению культурного влияния Польши. Высшие классы общества в

значительной степени были полонизированы, а белорусский язык был вытеснен из сферы официального общения. Меньше всего эти изменения коснулись фольклора, поскольку данная область духовной жизни народа почти не поддается контролю сверху.

К началу XIX в. в результате трех разделов Польши Белоруссия вошла в состав Российской империи. Полонизированные господствующие классы и католическая церковь старались внушить массам мысль о том, что Белоруссия неотделима от Польши, а царское правительство представляло дело так, будто присоединило исконно русские земли. Отсутствовали, как и раньше, печатное белорусское слово, национальная школа, театр.

В таких условиях именно фольклор призван был сохранить национальную белорусскую культуру. Многочисленные семейные и календарные обряды – крестины, свадьбы, праздники (коляда, купала) и др., выполняя древнюю мифическую функцию, были в то время зрелищным явлением, сопровождались музыкой, песнями, танцами. Большой любовью пользовался театр кукол – «батлейка» – не просто зрелищная забава, а огромный, социально-культурный пласт белорусской национальной культуры, имевший свой характерный репертуар.

Нельзя не отметить бесчисленные лирические песни, баллады и другие виды произведений, которые дополняли обрядовую поэзию. В этих песнях находило выражение все самое сокровенное человеческой души. Замечателен детский фольклор – сказки, пословицы, загадки, предания, легенды. Благодаря фольклору народ сохранял свою национальную самобытность.

Постепенно усиливался интерес белорусской интеллигенции к национальным особенностям своего народа, развивалось его этническое самосознание. Началось изучение и популяризация устного народного творчества, обрядов и обычаев. Стали появляться литературные произведения на белорусском языке. Усилия ученых направлялись на изучение этнографии края. Результатом этого явились фольклорные и поэтические произведения, отражающие жизнь белорусского крестьянина.

Интересным в этом контексте является стихотворение Павлюка Багрима «Заиграй, заиграй, хлопча малы», имевшее антикрепостническую направленность. Крупные памятники

белорусской литературы первой половины XIX в. – шуточные поэмы «Энеида навыварат» и «Тарас на Парнасе» неизвестных авторов, где во всей красе и силе зазвучал живой язык белорусского народа. В «Энеиде навыварат» обрисованы социальные отношения того времени, жестокость и деспотизм крепостников, в «Тарасе на Парнасе» описывается быт крестьян, даются реальные, полные юмора зарисовки из крестьянской жизни [2].

Рукописные сборники народных белорусских песен появились уже в XVIII в. Передовые представители белорусской интеллигенции стали смотреть на устное народное творчество как на самобытное искусство, необходимое для создания национальной культуры, в частности, Ян Барщевский, Ромуальд Подберезский, Игнатий Храповицкий [3]. Они сыграли значительную роль в становлении белорусской литературы, занимались сбором фольклора, боролись за народный язык. Поэт и этнограф Ян Чечёт в 1830–1840-е гг. издал ряд фольклорных сборников под названием «Деревенские песни», которые стали весомым вкладом в белорусоведение. Александр Рыпинский был автором исследования национального фольклора – «Беларусь». Группировавшиеся в 1830-е гг. в Петербурге вокруг Яна Барщевского представители белорусской интеллигенции стали интересоваться всем белорусским и договорились издавать свои труды. В 1844–1846 гг. Ян Барщевский издал четырехтомный сборник «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах». Тарас Шевченко, познакомившись с произведениями белорусских авторов, просил прочесть ему их произведения и особенно заинтересовался народными песнями. Много белорусских песен знал молодой Р. Подберезский: он спел их Тарасу Шевченко и прочитал ему все белорусские произведения Яна Барщевского [4].

С большим энтузиазмом изучал национальный фольклор белорусский литератор-исследователь Игнатий Храповицкий, В 1845 г. он опубликовал научный труд «Взгляд на поэзию белорусского народа». Из поэтического же его наследия до нашего времени дошло единственное стихотворение «Двина». Имеется несколько переводов этой баллады с польского на белорусский язык [5].

Поэты-романтики, родившиеся в Белоруссии, но писавшие по-польски (Томаш Зан, Александр Гроза, Тадеуш Лада-Заболоцкий и др.), черпали из белорусского фольклора образы, мотивы, темы. На фольклор как наиболее чистый образец национального поэтического опыта во многом опирались представители собственно белорусской литературы – В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич, А. Гуриногович и др. [6].

В. Дунин-Марцинкевич был защитником самобытного белорусского языка. Он был тесно связан с польской культурной средой, начинал свою литературную деятельность в ее традициях. В 1846 г. он написал «Идиллию» на двух языках – польском и белорусском. В 1850-х гг. В. Дунин-Марцинкевич издал ряд произведений, в которых создал образы людей из простого народа («Гапон», «Вечерницы», «Интересуешься? – Прочти!», «Дударь белорусский» и др.). Он участвовал в литературно-художественной и культурной жизни Минска 40–50-х гг. XIX в., вокруг него группировалась минская интеллигенция. В доме В. Дунина-Марцинкевича бывали поэт, историк литературы В. Сырокомля, композитор С. Монюшко, историк, этнограф, фольклорист К. Тышкевич [7].

Именно обращение белорусской интеллигенции к фольклору способствовало выработке национального самосознания, поддерживало веру в творческие силы народа, свидетельствовало о том, что белорусы – народ со своими богатыми культурными традициями.

Исторические обстоятельства первой половины XIX в. были таковы, что в становлении белорусской культуры большая роль принадлежала городу Вильно, вокруг Виленского университета группировались передовые круги не только польской и литовской, но и зарождающейся белорусской интеллигенции. Существовавший при Виленском университете факультет живописи, скульптуры (Виленская художественная школа) подготовил немало художников и учителей рисования для гимназий в белорусских городах Минске, Витебске и др.

Ведущим жанром в творчестве живописцев Виленской школы первой половины XIX в. был портрет, в развитии которого исследователь Л.Н. Дробов выделяет две ярко выраженные линии: первую, основанную на традициях

классицизма, вторую, содержащую черты сентиментализма и романтизма [8].

Наиболее видными представителями первого направления были портретисты Даниил Кондратович, Федор Тулов, Антон Гловацкий. В творчестве этих живописцев было еще заметно влияние церковной живописи, но уже в тот период ими были созданы высокохудожественные произведения, в которых «классическая условность хорошо сочетается с глубиной проникновения во внутренний мир портретируемых» [9].

Представители второго направления развития живописи были в основном воспитанниками Виленской школы – Валентий Ванькович, Кароль Рыпиньский, Адам Шемеш, Поликарп Етейко и др.

Валентий Ванькович – потомок рода, ведущего свою историю с XIV в., один из немногих белорусских художников XIX в., который прославился далеко за пределами родины. Как и многие местные молодые дворяне начала XIX в., В. Ванькович учился в Полоцком иезуитском коллегииуме (с 1811 г. переименован в Полоцкую академию), затем будущий художник учился на отделении литературы и изящных искусств Виленского университета. Его преподавателем был известный литовский живописец Ян Рустем. В университете В. Ванькович познакомился и сдружился с Адамом Мицкевичем, писал портреты своих друзей по университету. Портрет А. Мицкевича его кисти – первое изображение польского поэта. Он написал также романтические портреты Томаша Зана, Франтишка Малевского, Юлиана Корсака. За выдающиеся успехи В. Ваньковича направили учиться в Императорскую Академию художеств в Петербурге (на средства университета). Участие в конкурсах принесло ему две серебряные медали, а картина «Подвиг молодого киевлянина во время осады Киева печенегами в 968 г.» – золотую медаль. В Петербурге в 1828 г. художник написал одну из своих самых знаменитых картин – «Адам Мицкевич на скале Аю-Даг». В Петербурге он писал портреты российских поэтов Александра Пушкина, Петра Вяземского и Василия Жуковского. Портрет А. Пушкина долго хранился в усадебной коллекции картин в Большой Слепянке и пропал в 1863 г., когда имение было конфисковано за участие сына

Валентия – Яна Ваньковича в польском восстании 1863–1864 гг. [10]. Картины, наброски, рисунки В. Ваньковича хранятся в музеях Вильнюса, Петербурга, Варшавы, Кракова, Парижа. Многие работы находятся и в частных коллекциях потомков тех, кого художник писал в первой половине XIX в. Последняя картина В. Ваньковича – «Богоматерь Остробрамская» – хранится в парижском соборе Сен-Северин. На территории Беларуси долгое время не было картин известного земляка. Возвращена лишь одна – «Портрет поэта Томаша Зана».

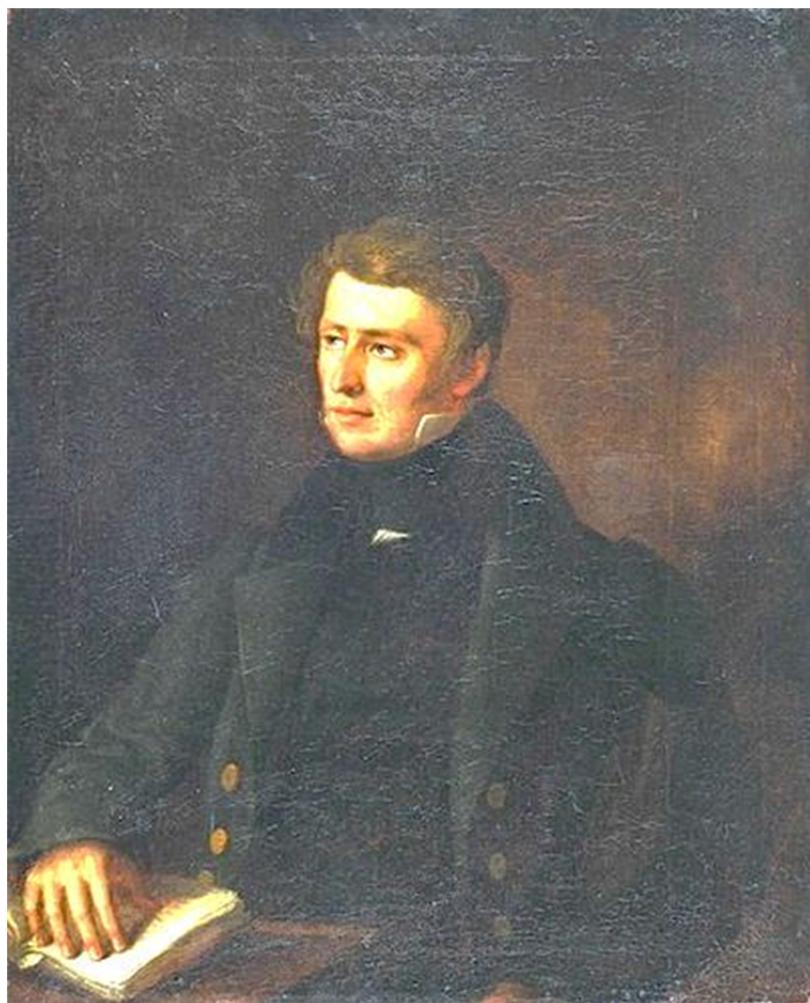
Белорусский художник первой половины XIX в. Адам Шемеша является автором проникновенных портретов писателя Владислава Сырокомли и композитора Станислава Монюшко. А воспитанник петербургской Академии художеств Иван Хруцкий создал замечательные образы, в которых романтическая взволнованность сочетается с реалистической формой (портрет писателя Плакида Янковского и др.).

Наблюдается обращение живописцев к сюжетам из русской, польской, античной истории. Это было следствием, во-первых, межславянского культурного взаимодействия, во-вторых, того, что собственно белорусская история была в то время еще недостаточно изучена. Однако белорусские живописцы Виленской школы стремились в своих полотнах отображать те исторические события, которые так или иначе были связаны с историей Белоруссии.

Наиболее крупным историческим живописцем был Ян Дамель. Ему принадлежат полотна «Смерть Глинского в темнице», «Освобождение Костюшко из неволи», «Отступление французов через Вильно» и др., отличающиеся высоким гражданским пафосом и верностью отображения исторических событий.

В первой трети XIX в. возникают и произведения бытового жанра. Внимание творческой интеллигенции к жизни простого народа было обусловлено проникновением в белорусское общество идей Великой французской буржуазной революции. Живописцы стали показывать в своих работах также жизнь и быт разных этнических групп Белоруссии – поляков, литовцев, евреев и т.д. В работах некоторых художников появляются черты

социального протеста («Последнее причастие», «Нищий с поводырем» и т.д.).



В. Ванькович. Портрет поэта Томаша Зана

Наполеон Матеуш Тадеуш Орда, художник, этнограф и композитор, объездил почти всю Беларусь, Польшу и Литву, сделал сотни рисунков, сохранив для потомков, таким образом, облик прекрасных памятников архитектуры, улиц городов, исторических мест. Его акварели и рисунки издавались альбомами.

Творчество белорусских живописцев первой половины XIX в. – важный этап на пути к развитию критического реализма, формированию белорусской национальной школы в искусстве, роста национального самосознания, изучения национальной культуры.



В. Ванькович. Адам Мицкевич на скале Аю-Даг

Конечно, в творчестве писателей, художников, в целом деятелей культуры любого славянского народа, легко обнаружить сюжеты, образы, мотивы, усвоенные из фольклора и в целом культуры друг друга. Так, в процессе образования белорусской национальной культуры участвовали не только белорусская, но и русская, польская интеллигенция, чьими усилиями собирался, обрабатывался и публиковался белорусский фольклор. С другой стороны, польская и русская культура не могут быть поняты без

учета вклада белорусских, украинских деятелей культуры. В этом контексте фольклор является важным звеном, через которое осуществляется функция культурного обмена, он содействует взаимопониманию соседних народов, подтверждает общность их происхождения.

Фольклор, живопись как виды народного и профессионального художественного творчества, каждый по-своему оказывал влияние на формирование национального самосознания и дальнейшее развитие не только белорусской культуры, но и культуры всех славянских народов.

Примечания

1. *Гусев В.Е.* Роль фольклора в формировании художественной культуры славянских народов // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. – М., 1978. – С. 148.

2. Литература и искусство на территории белорусских земель в XIX в. URL: http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showull&id=1290083462&archive=1290177995&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.07.2017).

3. *Соловей Л.М.* Место фольклора в национальной культуре белорусов // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. – М., 1978. – С. 168.

4. *Земкевич Р.А.* Тарас Шевченко и белорусы // Воспоминания о Тарасе Шевченко. – Киев, 1988. – С. 86–87.

5. Деревня Кохановичи (родина Игнатия Храповицкого). URL: <http://planetabelarus.by/sights/839-verkhnedvinsk/1849-derevnya-kokhanovichi-rodina-ignatiya-khrapovitskogo/> (дата обращения: 9.07.2017).

6. *Соловей Л.М.* Указ. соч. – С. 168.

7. Литература и искусство на территории белорусских земель в XIX в. URL: http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1290083462&archive=1290177995&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.07.2017).

8. *Дробов Л.Н.* К истории развития белорусской живописи в первой половине XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. – М., 1978. – С. 257.

9. *Там же.* – С. 258.

10. Валентий Ванькович: белорусский художник с утерянным наследием. URL: <https://news.tut.by/culture/398008.html>; <https://news.tut.by/culture/398008.html> (дата обращения: 8.07.2017).

Т.А. Колосовская (г. Ставрополь, Российская Федерация)

И.И. ХОДЗЬКО И ЕГО РОЛЬ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КАВКАЗА

Участие уроженцев белорусских земель в освоении Россией Кавказа все чаще привлекает внимание современных историков. Немало выходцев из Виленской, Минской, Могилевской, Витебской и Гродненской губерний Российской империи служили в казачьих подразделениях и регулярных частях Отдельного Кавказского корпуса [1]. Одним из них был военный геодезист и топограф Иосиф (Осип) Иванович Ходзько (1800 – 1881 гг.). Рассмотрению его служебной деятельности посвящены многие работы российских и белорусских историков [2]. В рамках настоящей статьи остановимся на характеристике роли И.И. Ходзько в географическом изучении Кавказа, как одном из ярких примеров вклада многонациональной военной элиты Российской империи в интеллектуальное освоение новой окраины страны.

Из послужного списка И.И. Ходзько на 1865 г. следует, что он был родом из дворян Минской губернии и принадлежал к римско-католическому вероисповеданию [3]. После основательной домашней подготовки, в 1816 г. он поступил в пользовавшийся европейской известностью Виленский университет на физико-математический факультет, где сосредоточился на изучении астрономии и геодезии. По окончании обучения у Ходзько появилась возможность реализовать свои знания на практике. По рекомендации ректора он был определен к полковнику Теннеру, возглавлявшему триангуляцию Виленской губернии – первого в России геодезического измерения. Это связало дальнейшую судьбу Ходзько с военной службой: в 1821 г. он был зачислен в свиту Его Величества по квартирмейстерской части, а 23 марта 1822 г. был произведен в прапорщики Гвардейского Генерального штаба.

В течение 1820-х гг. Иосиф Иванович был одним из самых деятельных сотрудников геодезических измерений Виленской, Гродненской, Минской и Курляндской губерний, а в 1831 г. его

командировали на съемки Валахии и Молдавии. Участвуя в геодезических и топографических работах, организуемых военным ведомством, Ходзько успешно продвигался по служебной лестнице. В 1840 г., уже будучи подполковником, он был вызван на Кавказ, где и остался до самой смерти [4].

В это время во всем крае имелось только несколько пунктов, определенных астрономически. На Иосифа Ивановича, как опытного геодезиста, командование возлагало большие надежды по проведению тригонометрического измерения, без которого невозможно было составление точных карт. Конечно, в горной местности, да еще и в условиях перманентных военных действий осуществить задуманное было весьма проблематично. Тем не менее, «объезжая потом Закавказье и участвуя в военных действиях против непокорных горцев, – писал И.И. Ходзько, – я пришел к убеждению, что правильная триангуляция всего Кавказского края есть дело трудное, но не невозможное» [5].

В 1842 г. Ходзько приступил к выполнению поставленной перед ним сложной задачи, но вскоре работы пришлось приостановить. Командующий Отдельным Кавказским корпусом, генерал А.И. Нейдгардт счел их преждевременными и Ходзько отправили в Пулковскую обсерваторию для ознакомления с новейшими достижениями в области геодезии. С назначением главнокомандующим на Кавказе М.С. Воронцова геодезические работы были продолжены. На этот раз план триангуляции Кавказа был одобрен Николаем I, а проведение полевых исследований предполагали осуществить в течение шести лет, начиная с 1847 г.

Для производства триангуляции был утвержден следующий штатный состав: начальник, его помощник, 8 обер-офицеров, 12 топографов, 3 переводчика, 2 писаря и один мастерской Военно-топографического депо. Разрешалось также составить нестроевую команду, из мастеровых и чернорабочих, до 75 человек, и конвойную казачью команду в 100 человек [6]. Кроме помощника Ходзько – капитана Оберга и присланного из Санкт-Петербурга для производства астрономических наблюдений Корпуса топографов штабс-капитана Александрова, остальные участники полевых работ на триангуляции ранее никогда не находились. Их нужно было научить обращаться с

инструментами, выбирать триангуляционные пункты, строить сигналы и производить наблюдения.

Полевые наблюдения производились с 1847 г. до осени 1853 г. безостановочно, начинаясь в апреле и оканчиваясь в ноябре или декабре. На протяжении 700 верст от горы Оштека, в верховьях р. Белой (впоследствии территория Кубанской области) до Базар-дюза на границе Кубинского уезда Бакинской губернии, военные топографы разместили 12 тригонометрических станций. Еще 18 станций было оборудовано в южной части Закавказья. Все они находились или на снеговых вершинах, или на горах свободных от снега не более 2–3-х летних месяцев. Даже в июле месяце температура воздуха днем на этих горах не превышала 2–3 градусов тепла, опускаясь ночью до 13 градусов мороза. Одновременно в знойных долинах р. Куры и р. Аракса жара достигала 35 градусной отметки. Такие климатические особенности заставляли топографов отступать от имеющихся правил и работать весной в долинах, переходя в июне месяце в горы и возвращаясь в октябре вновь на низменные места. При этом до своего ухода на зимние квартиры топографы вынуждены были непременно завершать измерения, поскольку в обратном случае, возвращающиеся с летних пастбищ местные жители нередко разрушали тригонометрические сигналы [7].

Характеризуя трудности, с которыми сталкивались военные топографы на Кавказе, Ходзько приводит следующий пример. Уже в первый год проведения тригонометрических работ, выпавший в октябре глубокий снег завалил тропу, ведущую на гору Аглаган. Для того чтобы достигнуть ее вершины топографам приходилось на подъеме, на протяжении более 200 м, прорубать в мерзлом снегу узкую тропу, по которой они пробирались нагруженные вьюками с инструментами для геодезических наблюдений [8]. К трудностям переходов по горам добавлялось и то, что иногда они проходили под обстрелом «немирных» горцев, а порой топографы сами участвовать в перестрелке.

Большие проблемы топографам, в условиях высокогорья, создавали бури с дождем, громом и молниями. Так, в 1849-м году на горе Годореби (на территории Кутаисской губернии) Ходзько со своими спутниками был застигнут бурей с проливным дождем

и градом. Ударом молнии убило одну лошадь и сшибло с ног двух солдат, которые благодаря счастливому стечению обстоятельств отделались лишь легким испугом. В 1850 г. взбираясь на вершину крутой горы Гадис (недалеко от города Эривани) из внезапно набежавшей тучи сверкнула молния. Она «прошла так близко от моих глаз, - вспоминал Ходзько, - что очень сильно обогрела лицо, а через 40 секунд последовал громовой удар, повернувший на моей голове фуражку и опрокинувший шедшего впереди переводчика...» [9].

Одним из самых ярких событий триангуляции Кавказа стало восхождение военных топографов на вершину горы Арарат в 1850 г. В нем участвовали известный ученый, востоковед, в дальнейшем активный деятель Кавказского отдела Русского географического общества Н.В. Ханьков, директор метеорологической обсерватории в Тифлисе А.Ф. Мориц, Генерального штаба полковник П.К. Услар, астроном триангуляции штабс-капитан П.Н. Александров, переводчик П.И. Шароян, а также топограф Сидоров и команда из 60-ти казаков и солдат [10].

Восхождение началось 1 августа 1850 г. «Вначале вьючный скот двигался довольно удобно по снегу, - вспоминал один из очевидцев, - но скоро покатоности сделались так круты, что лошади стали скользить и опрокидывались с вьюками, так что надобно было отказываться везти их далее, все вещи были переложены на четверо саней, предварительно устроенных для этой цели и их весело потянули вперед солдаты, поощряя себя разными шутками и прибаутками и надсмехаясь над теми, которые скользили и падали» [11].

2 августа погода ухудшилась, к 12 часам дня подул сильный ветер с ледяной крупой. Ночью со 2 на 3-е августа, в течение трех часов, отряду пришлось находиться в середине грозовой тучи. Тогда единственным гарантом безопасности участников восхождения служили острые пики скал, под которыми было расположено место для ночлега. «В 11 часов ночи последний громовой удар отбил одну из вершин пиков, - отмечал Ходзько, - буря немного затихла, но вьюга не переставала и дул сильный ветер. 3-го числа в 2 часа по полудни солдаты разбили палатки на 300 саженей выше места нашего ночлега, на очень крутой

покатости (до 30°), покрытой тонким слоем льда. Там мы прожили два дня и три ночи и только 6-го числа, поднявшись на возвышенную (западную) вершину библейского великана, водрузили на ней знамя христианства – черный деревянный крест» [12].

Геодезические и метеорологические наблюдения на западной вершине продолжались пять дней. В течение этого времени Ходзько с одним из солдат бесменно находился в верхнем лагере, другие участники отряда ежедневно сменялись. Наблюдения приходилось проводить при непрекращающихся морозах (столбик термометра опускался от 3 до 13 градусов). Об особенностях организации наблюдений в условиях высокогорья Ходзько пишет следующее: «Разрыв глубокую яму в снегу, погрузили в нее мою алжирскую палатку, оставив лишь небольшое отверстие для входа; посередине ее разостланные ковры заменяли постель. Таким-же порядком поставлена была возле другая солдатская палатка... Пищу приготавливали следующим образом: наполнив два медных таза древесным углем, с большим усилием разводили огонь; тогда импровизированный кашевар стремился приготовить обед; замершее вино осталось нетронутым; чай, водка, портер, разбавленный кипятком, и снег, таявший во рту, составляли наши напитки. Устроившись таким образом мы могли жить и наблюдать» [13].

Утром 12 августа, с западной вершины Арарата Ходзько перешел на его восточную вершину, где к часу дня завершил намеченные работы. «Потом, – вспоминает Ходзько, - я сел в сани и помчался стремительно вниз, но крутизна спуска заставила продолжать путь на бурке...» [14]. Только в нижнем лагере Ходзько обнаружил, что ноги у него сильно распухли и в дальнейшем потребовали шестинедельного лечения.

В конце сентября 1853 г. полевые тригонометрические работы были остановлены в связи с началом военных действий с Турцией. В этом же году Ходзько был назначен начальником образованного при штабе Отдельного Кавказского корпуса Военно-топографического отдела. Как и другие военные

топографы он принимал участие в сражениях и походах на Кавказском театре военных действий.

После заключения мира с Турцией триангуляция Кавказа была продолжена. С учреждением в 1858 г. Военно-Топографического отдела Главного штаба Кавказской армии генерал-майор Ходзько был назначен его начальником. Руководя съемочными работами в крае, И.И. Ходзько предложил продолжить Закавказскую триангуляцию на север, связав ее с Новороссийской и Крымской триангуляциями. Инициатива Ходзько получила высочайшее утверждение и в 1860 г. Ходзько был назначен начальником триангуляции Северного Кавказа [15].

Пленение в 1859 г. Шамиля и завершение военных действий на Северо-Восточном Кавказе позволило вести продолжение триангуляции на Северном Кавказе через Дагестан. При этом самую трудную часть территории, а именно Нагорный Дагестан, взял на себя неутомимый Ходзько, которому было тогда почти шестьдесят лет. Об условиях, в которых на этот раз приходилось проводить геодезические измерения сам Иосиф Иванович писал следующее: «...Если кроме горы Алахун-даг близ Чираха, в Южном Дагестане, мы не встретили, давно знакомых нам снега, вьюги, густых туманов и стужи, то сильные жары в степи, недостаток годной для питья воды и мирады мух и комаров – обитателей камышей и болот, делали положение тригонометристов очень тягостным» [16].

В 1864 г., после завершения войны на Северо-Западном Кавказе, Ходзько произвел рекогносцировку западной оконечности Главного Кавказского хребта, а в следующем году закончил свою геодезическую деятельность наблюдениями на самых возвышенных пунктах Кубанской области, завершив тем самым триангуляцию Северного Кавказа.

Полевые наблюдения военных топографов, создававшие основу для картографии и в целом географии Кавказа, были по достоинству оценены научной общественностью России. В 1868 г., по окончании триангуляции Кавказа, И.И. Ходзько была присуждена высшая награда императорского Русского географического общества (ИРГО) – Константиновская медаль [17]. Комиссия, созданная для анализа результатов проведенных на Кавказе работ, пришла к следующему заключению:

«Триангуляция генерала Ходзько по точности своей удовлетворяет не только всем прямым ее картографическим целям, но и строжайшим требованиям самой геодезии... Она заключает в себе богатый материал, которого окончательная обработка обещает для науки много любопытных и важных выводов... По трудности выполнения, по самоотвержению производителей, легко может соперничать со всеми подобными работами, произведенными где-либо на земном шаре, не исключая индийской триангуляции, прославившей 25 лет тому назад имя Эвереста» [18].

Получив заслуженные чины и награды, Иосиф Иванович прекратил активную деятельность по службе и оставаясь состоять при Кавказской армии всецело посвятил себя занятиям наукой. Он помещал в местных и иностранных изданиях статьи, касающиеся метеорологии и бальнеологии, обработал свои записки по орографии и гидрографии Кавказа.

В 1871 г. был торжественно отмечен 50-ти летний юбилей деятельности Ходзько. ИРГО избрало его своим почетным членом. В свою очередь Кавказский отдел ИРГО, в котором он был помощником председательствующего в течение почти 23 лет, назначил премию его имени за лучшее географическое описание Кавказа.

Иосиф Иванович трудился до последних дней своей жизни, живо интересовался всеми научными вопросами по геодезии и географии, принимал участие почти во всех заседаниях Кавказского отдела ИРГО и местного технического общества [19]. Лишь с 1879 г., из-за ухудшения здоровья, Ходзько прекратил свои ученые занятия.

Скончался Иосиф Иванович 22 февраля 1881 г. в Тифлисе и был похоронен на местном католическом кладбище. Своими 40-летними трудами он тесно связал свое имя с Кавказом и пополнил славную плеяду военных исследователей, стоявших у истоков геодезии и картографии региона.

Примечания

1. *Матвеев О.В.* Белорусы на Кубани и в Черноморье в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды БГТУ. Научный журнал. – 2014. – № 5. История, философия, филология. – С. 19–21.

2. *Большаков Н.Н., Вайнберг В.В., Никитин П.Н.* Иосиф Иванович Ходзько. Ученый-геодезист. – М., 1960; *Захаренко И.А.* И.И. Ходзько – основоположник триангуляции на Кавказе (вторая половина XIX в.) // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 2. – С. 41 – 46; *Колосовская Т.А.* Роль российских военных топографов в освоении и географическом изучении Кавказа периода Кавказской войны // Армия и общество: научно-информационный журнал. – 2014. – № 3 (40). – С. 34–40 и др.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 133840. Послужной список генерал-лейтенанта И.И. Ходзько на 1865 г. – Л. 416.
4. *Стебницкий И.И.* Иосиф Иванович Ходзько 1800–1881. Некролог // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ИРГО). – Т. VII. – Тифлис, 1881. – С. 16–17.
5. *Ходзько И.И.* Общий взгляд на орографию Кавказа // Записки Кавказского отдела ИРГО. – Кн. VI. – Тифлис, 1864. – С. 235.
6. Извлечение из отчета о производстве триангуляции Закавказского края // Записки Военно-топографического депо. – Часть XVII. – СПб., 1855. – С. 30 – 31.
7. *Ходзько И.И.* Общий взгляд на орографию Кавказа... – С. 237.
8. Там же.
9. Там же. – С. 239.
11. *Ходзько И.И.* Воспоминания о восхождении на вершину Большого Арарата в 1850 году // Известия Кавказского отдела ИРГО. Т. IV. Тифлис, 1875–1877. – С. 159–160.
12. *Ханыков Н.В.* Описание восхождения на Арарат // Записки Военно-топографического депо. Часть XVI. СПб., 1854. – С. 41–42.
13. *Ходзько И.И.* Общий взгляд на орографию Кавказа... – С. 240.
14. *Ходзько И.И.* Воспоминания о восхождении на вершину Большого Арарата в 1850 году... – С. 166.
15. Там же. – С. 167.
16. *Стебницкий И.И.* Указ. соч. – С. 22.
17. *Ходзько И.И.* Общий взгляд на орографию Кавказа... – С. 246.
18. Пятидесятилетний юбилей И.И. Ходзько // Известия Кавказского отдела ИРГО. – Т. I. – Тифлис, 1894. – С. 175.
19. Там же.
20. *Стебницкий И.И.* Указ. соч. – С.24.

Л.И. Мосейчук (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРЕПОДАВАНИЕ БОГОСЛОВСКИХ И СВЕТСКИХ ДИСЦИПЛИН В ГЛАВНОЙ ВИЛЕНСКОЙ СЕМИНАРИИ (1808–1832)

Созданная при Виленском университете Главная семинария на протяжении ряда лет была высшим учебным заведением, в котором униаты наравне и совместно с представителями католицизма получали высшее богословское образование. Исключительное право выпускников семинарии занимать высшие должности в униатской церкви Российской империи, а также преподавательские вакансии в епархиальных семинариях делала это учебное заведение наиболее престижным в глазах соискателей.

Первый ректор университета ксендз Иероним Стройновский (1803–1806) очень ответственно подходил к подбору преподавателей. Решающее значение для него имел уровень знаний будущего профессора. План предполагаемого учебного курса и перечень опубликованных работ соискателя кафедры обсуждался на ученом Совете университета, и только после этого принималось решение о приеме в корпорацию.

Первым преподавателем Священного Писания был монах пиарского ордена Филипп Голянский. Под его руководством семинаристы изучали Священное Писание и церковное красноречие с 1808 г. по 1812 г. На своих занятиях он использовал свой перевод «Нового завета» («Nowytestament») на польском языке (был издан в г. Вильно в 1809 г.). По отзыву профессор Михаила Бобровского, его ученика, Филипп Голянский дал «первый образчик перефразы Священного Писания на польском языке» [1].

Интерес к славянской традиции в Виленском университете связан преимущественно с преподавательской деятельностью униатского профессора, каноника Брестского капитула Михаила Бобровского, первооткрывателя знаменитой Супрасльской рукописи и книг печатника Ивана Федорова, вышедших в Заблудовской типографии Г.А. Ходкевича. Он был одним из первых выпускников Главной семинарии (1808–1812),

оставшихся в ней в качестве преподавателя Священного Писания (с 1816 г.).

В 1817 г. по решению университетского совета молодого ученого направили в университеты Европы для совершенствования в богословских науках, на протяжении пяти лет (1817–1822) он посетил Германию, Австрию, Хорватию (Далмацию), Италию, Рим и Францию. Отчеты Михаила Бобровского о преподавании богословских дисциплин в зарубежных университетах повлекли за собой изменения в учебных пособиях и программах по соответствующим предметам в Главной семинарии [2].

После отъезда Михаила Бобровского за границу к преподаванию Священного Писания был допущен Ян Гинтылло, католический префект Главной семинарии. В 1817/1818 и 1818/1819 учебные годы при подготовке к занятиям он отдавал предпочтение работам немецкого богослова Иоанна Георга Розенмюллера «Dechristianaetheologiaeorigineliber» и «ScholiainNovumTestamentum». В это же время к уже изучавшимся Новому Завету был добавлен Ветхий Завет. В 1819/1820 учебном году семинаристы третьего года обучения слушали разработанный Яном Гинтылло авторский курс общей герменевтики и жизни христианских пророков. На четвертом курсе в 1820/1821 учебном году изучали Новый Завет, евангелия от св. Иоанна и Дела апостольские [3].

В 1822/1823 и 1823/1824 учебные годы преподавание Священного Писания осуществлял вернувшийся из заграничной поездки профессор Михаил Бобровский. Изучение библейского текста в подлиннике стало главным принципом его преподавания (в то время изучение Писания велось только по латинскому переводу – Вульгате). Его любовь к славянскому языку неизменно располагала к тому и слушателей. По настоянию Михаила Бобровского было увеличено время на данный учебный курс с 4 до 6 часов в неделю [4]. Кроме того, им был составлен план преподавания богословских дисциплин, как в Главной виленской, так и в епархиальных семинариях, предусматривающий тщательное изучение церковнославянского языка и богослужебного обряда.

Однако приверженность Михаила Бобровского к языку оригинала в преподавании Священного Писания вызвала недовольство у сторонников устоявшихся католических традиций. В 1824 г. в связи со следствием по делу тайных студенческих обществ филоматов и филаретов Михаил Бобровский был обвинен в «неблагонадежности», отстранён от преподавания и выслан из г. Вильни в базилианский монастырь в м. Жировичах. Но уже в 1826 г. его вновь пригласили преподавать в Главной виленской семинарии [5]. С 1824 г. по 1826 г. Священное Писание (4 часа в неделю) преподавал ксендз Ян Скидель [6].

Догматическую теологию с 1808 г. по 1814 г. преподавал базилианин Августин Томашевский. С 1815 г. по 1828 г. – профессор Бенедикт Анджей Клонгевич. Курс был рассчитан на три года. В своих лекциях он придерживался учебников К. Клипфеля. Они были составлены в духе, царившем в Австрийской империи в годы правления императора Иосифа II, известного религиозным либерализмом. В этих книгах, несмотря на принятие всех положений католического вероучения, содержалась жесткая критика злоупотреблений папства, указывалось на их негативные последствия для церковной жизни Запада [7]. Начиная учебный год 1817/1818, Бенедикт Клонгевич подчеркивал, что его лекции будут предельно просты, ясны и далеки от схоластического мировоззрения. Излагаемый материал будет подобран таким образом, чтобы при использовании новой методики сохранить первичную и незыблемую веру в костел и не нарушить науку святых отцов. На занятия догматической теологией отводилось 3–4 часа в неделю. В 1826/1827 учебном году Бенедикт Клонгевич начал проводить занятия по разработанному авторскому курсу. Его работы «NaukadlapewnegoKatechumena» и «Historiadlaszkolpowiatowych» написанные на польском языке в 1822 г. и 1825 г. соответственно, использовались при преподавании в епархиальных семинариях и духовных училищах вплоть до 1839 г.

В 1828/1829 учебном году вместо Бенедикта Клонгевича догматическую теологию начал читать его ученик ксендз Антоний Фиалковский [8].

Моральную теологию с 1808 г. преподавал профессор Ян Ходани. Курс был рассчитан на 2 года. Занятия по моральной теологии проходили 4 раза в неделю по 1 ч. 30 мин. С первого учебного года и до 1822 г. содержание курса не менялось. Заслугой Яна Ходани является то, что он перевел учебник по моральной теологии Э. Рэйбергера с латыни на польский язык, сделав его более доступным [9]. На своих занятиях Ян Ходани, излагая проблемы нравственного богословия, старательно чуждался «суеверной темноты» [10], клеймя ее как пережиток средневековья. По воспоминаниям Михаила Бобровского слушавшего его лекции в 1808/1809 учебном году, он первый из преподавателей Главной семинарии начал знакомить слушателей с «выдающимися авторами древней и современной богословской литературы» [11]. После смерти Яна Ходани с 1823/1824 по 1826/1827 учебные годы моральную теологию в Главной семинарии преподавал ксендз Платон Сосновский. В своей работе он использовал учебник Ф. Полласчека «Moralis Christiana» на латинском языке [12].

С 1827 г. преподавать моральную теологию начал Ян Скидель, получивший к этому времени докторскую степень. Первоначально он также придерживался учебника Ф. Полласчека, но уже в 1830/1831 учебном году разработал собственный учебный курс. Кроме того, по настоянию Яна Скиделя было увеличено время на изучение моральной теологии до 6 часов в неделю [13].

Библейскую археологию на протяжении долгого времени (с 1817 г. по 1824 г.) преподавался адъюнктом Виленского университета С. Жуковским по учебнику норвежского богослова Эрнста Гуннеруса Йохана. С 1824 г. по 1828 г. занятия по библейской археологии вел ксендз Ян Скидель, а в 1828/1829 учебном году данный предмет вел Михаил Бобровский. Последний использовал в преподавании учебник своего бывшего учителя в Вене А. Аскермана, дополненный книгой Э.-Г. Йохана. Курс библейской археологии был двухгодичным. Семен Жуковский посвящал данному предмету 1 час в неделю, Ян Скидель выделял для занятий 2–3 часа, а Михаил Бобровский – 2 часа [14].

Предмет «История костела» был тесно связан с кафедрой догматической теологии и преподавался с 1808 г. по 1814 г. базилианином Августином Томашевским. С 1815 г. по 1828 г. профессор Бенедиктом Клонгевичем. До 1819 г. он использовал учебник Х. Гмейнера, а после 1820 г. – учебник М. Даненмайера. Только с 1826/1827 учебного года Бенедикт Клонгевич введет лекции на основании собственных разработок. В своих комментариях к данному курсу профессор отмечал «трудные или недостаточно описанные места по мере возможностей и времени с собственных записей объяснять необходимо» [15].

В 1828 г. кафедру догматической теологии возглавил ксендз Антоний Фиалковский, и в 1828/1829 учебном году он стал преподавать историю костела. В своих лекциях он использовал собственные наработки. Курс истории костела был рассчитан на три года. В неделю на данный предмет отводилось 2–3 часа.

К кафедре моральной теологии относилась такая дисциплина, как пасторальная теология. Курс был рассчитан на один год. С 1810 г. по 1823 г. его преподавал Ян Ходани. В 1818/1819 учебном году Ян Ходани преподавал данный предмет по учебнику Э. Схенкала, а в 1821/1822 – по написанному на основании собственных наработок труду – «Theologiapastoralna».

Преподававший этот предмет с 1823 г. по 1825 г. Платон Сосновский в своих лекциях использовал переделанный и дополненный вариант учебника Э. Схенкала – немецкого автора профессор Х.Ф. Гифтшютцом «LeitfadenfurdieVorlesungeruberdiePastoralteologie». Пасторальная теология преподавалась до 1823 г. 4 раза в неделю по 1 ч. 30 мин. Позже – 6 раз по 1 часу.

Профессор гражданского и криминального права итальянец Алоизий Капелли преподавал с 1817 г. по 1830 г. каноническое право, выделяя на данный предмет по 2 часа в неделю. Курс канонического права был рассчитан на два года. Первоначально профессор придерживался учебника Г. Рехбергера, но уже в 1819 г. каноническое право в Главной семинарии изучали по учебнику, написанному самим Аллозием Капелли на латинском языке «Manualejuriscanonici, quodinusumauditoriumquingintatabulissinopticisdelineavitetbrevibusnotisillustravit» [16].

Вспоминая впоследствии занятия, проводимые А. Капелли, митрополит Иосиф (Семашко) отмечал, что он «обрушивался на злоупотребления папской власти и богатых римских прелатов с каким-то необъяснимым наслаждением, не стесняясь в высказывании едких сарказмов» [17]. Протоиерей Плакид Янковский в своих воспоминаниях об уроках церковного права восклицал: «Кому из воспитанников бывшего Виленского университета не памятно, как последний профессор римского и канонического права, флорентиец Алоизий Капелли во всеуслышание еще беспощаднее относился к этой плачевной (папской) власти, называя ее самой упорной преградой, отстраняющей братское сближение и объединение стада Христова?» [18].

Гомилетика с 1816 г. по 1820 г. в Главной семинарии не преподавалась, поскольку не было преподавателя. Только начиная с января 1820 г. по персональной просьбе семинарского Совета ксендз Бенедикт Клонгевич на общественных началах начал просматривать и проверять проповеди, написанные клириками, с последующим их оглашением в костеле. Митрополит Иосиф (Семашко) впоследствии писал в своих воспоминаниях о времени, проведенном в Главной семинарии: «Любо было послушать уважаемого мною профессора Клонгевича: с каким жаром восставал он против злоупотреблений папской власти и как он по всем источникам приискивал подтверждения своих уроков, в дополнение к руководству Клипфеля» [19].

В 1822/1823 учебном году данную миссию взял на себя регенс Главной семинарии ксендз Мамерт Гербут.

В 1823/1824 учебном году гомилетику преподавали клирикам латинского обряда – ксендз Бенедикт Клонгевич, восточного – священник Михаил Бобровский. Правда, уже через год учебными проповедями занимался священник Платон Сосновский. Только с 1826 г. гомилетика как отдельный и полноправный предмет появилась в учебном расписании учащихся Главной семинарии [20]. Первым штатным учителем гомилетики стал ксендз Ян Скидель, который преподавал ее до 1828 г. С 1829 г. и до закрытия семинарии данный предмет преподавал Игнатий

Боровский. В учебном расписании гомилетике отводилось 2 часа в неделю [21].

Последним в списке теологических предметов был древнееврейский язык, причисленный к кафедре литературы и свободных искусств. Преподавал его С. Жуковский, который параллельно с обучением алюмнов языку объяснял им избранные места некоторых святых книг Ветхого Завета.

В преподавании богословских дисциплин в Главной виленской семинарии существовала определенно выраженная тенденция свободомыслия, проявляющаяся в преодолении конфессиональной узости и критике исторической актуализации идеи папизма.

Тем не менее, вспоминая годы обучения в семинарии, архиепископ минский Антоний (Зубко) говорил, что, несмотря на весь либерализм семинарских лекций, клирикам «крепко вперили мысль, что власть над единой католической церковью должна сосредотачиваться в руках одного лица, подчиняющегося, впрочем, контролю и узаконению вселенских соборов. Но этими пределами и ограничился весь заповедный фундамент папизма» [22].

Большое внимание в семинарии уделялось филологической подготовке клириков. Ученики-униаты под руководством профессора Михаила Бобровского изучали церковнославянский язык по учебнику Е. Добровского «*Institutioneslinguae slavicae dialectiveteris*» («Грамматика языка славянского по древнему наречию») изданного в г. Вене в 1822 г.

Кроме того, все семинаристы изучали латинский, греческий, французский или немецкий и русский языки. Греческий язык преподавал Симеон-Феликс Жуковский. Немецкий – Арнольд Грауерд. Французский язык в разные годы преподавали Марчели Яккоттель, ксендз де Ла Порте, ксендз Михаил Ольшевский, ксендз Тадеуш Тераевич, ксендз Ян Пинабель, и профессор Виленского университета Николай Загорский. Русский язык клирики Главной семинарии (с 1816 г. по 1818 г.) изучали вместе со светскими студентами в Виленском университете под руководством Ивана Чернявского. С 1819 г. – отдельно, под руководством преподавателя виленской католической гимназии Петра Островского.

Каждую неделю регент, духовник и префекты по очереди устраивали для семинаристов особые собеседования по разным предметам, входившим в круг обязанностей священника. Префекты преподавали церковный устав и объясняли церковные обряды. Один префект был католиком, а другой – униатом; первый объяснял латинские церковные обряды, второй – греческие. Все клирики изучали обряды обоих исповеданий. Если им было что-то непонятно в особенностях богослужения, они должны были обратиться за разъяснениями к префектам [23]. По уставу каждый клирик, изучавший богословие, должен был в течение года произнести не менее одной проповеди или поучения в университетской церкви или кафедральном костеле [24].

Итак, в Главной виленской семинарии большое внимание уделялось изучению богословских дисциплин (Священное Писание, догматическая, моральная, пасторальная теология, гомилетика, каноническое право и пр.). В их преподавании использовались передовые (для того времени) образовательные методики, в частности, работа с оригинальными текстами при изучении Священного Писания. Вместе со специальными предметами семинаристы на высоком уровне знакомились с широким кругом светских дисциплин, последние изучались в аудиториях совместно со светскими студентами. Теоретические занятия сочетались с практикой. Участвуя в службах, семинаристы получали навыки проведения богослужения согласно правилам восточного (византийского) обряда. Причем униатские клирики знакомились не только с униатским церемониалом, но и особенностями католического богослужения.

Примечания

1. Жукович П. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии // Христианское чтение. – 1888. – № 3/4. – С. 373.

2. Там же. – С. 385–386.

3. Worotyński W. Seminarium Główne w Wilnie / W. Worotyński. – Wilno : Druk «Zorza», 1938. – Cz. 2: Drugi okres dziejów i zniesienie (1816–1833). – S. 150.

4. Жукович П. Указ. соч. – С. 390.

5. Янковский П. Записки сельского священника. – Минск, 2004. – С. 288–289.

6. Worotyński W. Op. cit. – S. 132.

7. *Романчук А.А.* Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности. – Москва-Минск : Изд-е общества любителей церковной истории, 2015. – С. 97.
8. *Worotyński W.* Op. cit. – S. 133.
9. *Жукович П.* Указ. соч. – С. 563.
10. *Жукович П.* Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803 – 1832 гг.) // Христианское чтение. – 1887. – № 3/4. – С. 278.
11. *Жукович П.* О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии. – С. 564.
12. *Worotyński W.* Op. cit. – S. 134.
13. Там же. – S. 132, 134.
14. Там же. – S. 135–136.
15. Там же. – S. 135.
16. *Жукович П.* О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии. – С. 595.
17. *Семашко И.* Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: [в 3 т.]. – СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1883. – Т. 1 – С. 14.
18. *Янковский П.* Указ. соч. – С. 359.
19. *Семашко И.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 16.
20. *Жукович П.* О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии. – С. 571.
21. *Worotyński W.* Op. cit. – S. 134.
22. *Зубко, А. (архиен.).* О греко-униатской церкви в западном крае России: (воспоминания архиепископа Антония). – СПб., 1889. – С. 47.
23. *Bieliński J.* Uniwersytet Wilenski (1579–1801). – Krakow : Druk W. L. Anczyca i spółki, 1899–1900. – Т. 1. –S. 94.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 46. – Оп. 3. Д. 1. Об утверждении при Виленском университете Главной Духовной семинарии. 14.10.1802 –31.12.1812 г. – Л. 30 об.

И.С.Гребцова (г. Одесса, Украина)

**УРОЖЕНЦЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМ КОРПУСЕ
НОВОРОССИЙСКОГО (ОДЕССКОГО) УНИВЕРСИТЕТА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ст.)**

Процесс расширения сети высших учебных заведений, начавшийся в первые годы XIX века, во второй половине столетия коснулся и южных губерний Российской империи. Помимо вновь открывавшихся низших и средних учебных заведений в Одессе в мае 1865 г. был основан Новороссийский университет. Первоначально он включал три факультета: историко-филологический, юридический и физико-математический, который имел два отделения – математических и естественных наук. Преимущественно в университет поступали молодые люди, окончившие гимназию на территории южных и центральных губерний Украины. В то же время, учитывая, что Новороссийский университет был единственным учебным заведением на юге Российской империи, здесь обучались уроженцы Кубани, Дона, Кавказа, Бессарабской области (позднее губернии).

На начальном этапе существования Новороссийского университета его преподавательский корпус был плохо укомплектован. Вакансии имелись на всех факультетах. Именной указ «Об учреждении императорского Новороссийского университета» устанавливал две системы штатов «нормальные» и «временные», но начинать предполагалось с временных, менее затратных для казны штатов. Документ требовал: «Постепенное возвышение временного штата до цифры нормального штата производить по мере открытия в том надобности» [1]. По данным отчета за первый год деятельности на кафедрах университета работали всего 9 ординарных и 8 экстраординарных профессоров, 8 доцентов и 4 лектора иностранных языков.

Несмотря на возможность перехода к «нормальным» штатам, в Новороссийском университете на длительный период утвердились «временные», в соответствии с которыми в нем имелись 22 должности ординарных и 10 экстраординарных

профессоров, 10 – доцентов, 4 – лекторов иностранных языков. Однако и этот штат сформировался не сразу.

В первые годы в университете преподавали преимущественно профессора Ришельевского лицея, на базе которого и был основан Новороссийский университет. Руководство учебного заведения вскоре взялось за решение кадровой проблемы, пригласив в Одессу группу известных ученых. Одну из ярких страниц в летопись Новороссийского университета вписал И. И. Мечников, научная и педагогическая деятельность которого в этом учебном заведении началась в 1867 г. на естественном отделении физико-математического факультета. Ему удалось привлечь к работе в университете своих учеников и коллег. Летописец Одессы и родственник одного из ее основателей А. Де-Рибас так охарактеризовал роль И. И. Мечникова в становлении Новороссийского университета: «Он предпочел профессию в Одессе многим сделанным ему блестящим предложениям в Петербурге и тотчас по переезде к нам, освоившись со светлым духом, царившим тогда в нашем университете, стал звать сюда на работу и своих ученых друзей» [2]. В частности, по предложению И. И. Мечникова в Новороссийский университет был приглашен знаменитый физиолог И. М. Сеченов.

К началу 70-х гг. XIX в. проблема кадров в Новороссийском университете была в основном решена. В преподавательский корпус влились и успешно работали ученые из различных земель огромной империи, включая Польшу и Финляндию. Заметное место в этой когорте принадлежит также выходцам из белорусских губерний. В XIX – начале XX ст. в Новороссийском университете преподавали четыре уроженца Белоруссии. Это были яркие люди и талантливые исследователи.

У истоков университета стоял видный химик, выходец из Витебской губернии Александр Андреевич Вериго (1837–1905). В молодые годы он получил разностороннее образование. После окончания в 1855 г. Петербургского коммерческого училища А. А. Вериго поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, обучение в котором успешно завершил в 1860 г., поступив затем в Артиллерийскую академию. В 1862 г. он выехал за границу на четыре года, где, совершенствуя

свои знания, работал в лабораториях видных европейских ученых.

После возвращения на родину А.А. Вериго приступил к работе лаборанта химической лаборатории недавно открытого Новороссийского университета. В 1866 г. ученый защитил магистерскую диссертацию на тему «Азобензид и его гомологи», после чего он был избран доцентом кафедры химии. В Новороссийском университете ученый читал курс неорганической химии, позднее – технической и органической химии. В апреле 1871 г. в Киеве А. А. Вериго защитил докторскую диссертацию «О реакции прямого присоединения к группе азобензида». В следующем месяце группа профессоров выдвинула его на должность экстраординарного профессора, но голосование на совете университета оказалась не в пользу А.А. Вериго. В ноябре 1871 г. состоялось повторное заседание совета по этому вопросу, решающую роль на котором сыграла позиция И.М. Сеченова и отзыв на работы А.А. Вериго, полученный от Д.И. Менделеева [3]. Ученый был избран экстраординарным, а через два года ординарным профессором химии Новороссийского университета.

Научные интересы А. Вериго были весьма широкими. Одним из направлений его исследований являлся синтез жирных кислот, что имело большое значение для тогда еще молодой науки стереохимии. Заметное место в работе ученого отводилось исследованиям прикладного характера. А. Вериго с 1877 г. начал заниматься изучением одесских лиманов, что позволило правильно оценить их целебные свойства [4]. Ученый положил начало новому направлению в науке – соленоозерной микробиологии. А.А. Вериго был активным участником, а некоторое время и председателем основанного в 1871 г. Одесского отделения Русского технического общества. В функции общества входили контроль и руководство работами по сооружению каботажной гавани в Одессе, осмотр аварийных городских строений, участие в их ремонте и многое другое.

Вокруг профессора А.А. Вериго вскоре объединилась группа химиков. Важное место в их научной работе занимали исследования в области анализа пищевых продуктов и борьба против их фальсификации. Первое время такие исследования

проводились в лабораториях университета. Оценив значимость этой работы, городские власти ассигновали необходимую сумму для оборудования частной лаборатории, а в конце 90-х гг. XIX ст. в Одессе была основана городская химическая лаборатория для исследования пищевых продуктов, которая стала одной из первых лабораторий такого профиля в России.

Успешно складывалась преподавательская деятельность А.А. Вериго в Новороссийском университете. Ученый был блестящим лектором и горячим энтузиастом развития химической науки, руководителем студенческого химического кружка. Современники констатировали: «Живая натура, увлекательная речь и оригинальный способ изложения всегда привлекали к нему массу слушателей и учеников. Его откровенные и одушевленные беседы как о своих личных научных работах, так и о современных вопросах теоретической и практической химии, поставленных на очередь для разрешения, неотразимо действовали на студентов, и они наполняли его лабораторию, из которой вышло много ценных работ. Со своими учениками–студентами он был всегда прост, откровенен, любезен и доступен, и студенты платили ему тем же...» [5].

После 25 лет службы А.А. Вериго в 1884 г. была назначена пенсия, но он был оставлен в университете, а в 1891 г. утвержден в звании заслуженного профессора. Однако уже в ноябре 1896 г. А.А. Вериго был переведен в ведомство Министерства финансов. По поручению С.Ю. Витте он организовал центральную лабораторию этого министерства в Одессе, которая работала на нужды винной монополии. В ней он продолжил исследования спиртов и спиртосодержащих. Даже после своего ухода на новое место службы ученый не порывал связей с университетом.

Несколько позже в корпус преподавателей Новороссийского университета влился Александр Онуфриевич Ковалевский (1840-1901), также уроженец Витебской губернии. В 1863 г. он получил диплом Санкт-Петербургского университета, через два года защитил магистерскую диссертацию. В конце 60-х гг. XIX в. ученый начал читать курс зоологии в Петербургском университете в качестве приват-доцента. А.О. Ковалевский в 1867 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Анатомия и история Phoronis». Некоторое время он работал в должности

экстраординарного профессора в Казанском университете, затем являлся ординарным профессором Киевского университета [6].

В 1874 г. А.О. Ковалевский был приглашен в Новороссийский университет на должность профессора по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физики. В.А. Ковалевская-Чистович, дочь ученого, так описывает свои детские впечатления: «Мои первые воспоминания начинаются в Одессе, куда Александр Онуфриевич перешел из Киева, так как в Киеве, где он пробыл с 1869 по 1874 г., жилось ему тяжело, а в Одессу привлекали бывшие уже там Сеченов и Мечников» [7].

В период пребывания А.О. Ковалевского в Одессе, здесь с конца 60-х гг. XIX в. уже действовало близкое к его научным интересам Новороссийское общество естествоиспытателей. Первым президентом общества был профессор Л. С. Ценковский, затем его возглавлял И.И. Мечников (1873–1882). Третьим председателем общества стал А.О. Ковалевский (1882–1883). Вице-президентом ряд лет являлся А.А. Вериго. Такой звездный состав руководства обеспечил научному обществу успешное развитие. Новороссийское общество естествоиспытателей оказывало посильную помощь своим участникам в проведении ими исследований в области геологии, химического изучения глубинных вод Черного и Азовского морей, химико-бактериологических исследований лиманов. Заслугой общества было создание в 1871 г. Севастопольской биологической станции, задачей которой стало предоставление ученым возможности изучать флору и фауну Черноморского бассейна. Для нее члены общества приобрели все необходимое: мебель, оборудование, книги.

Среди источников материальных средств общества заметное место занимали пожертвования благотворителей. Не менее важным источником получения доходов стало чтение публичных лекций по отдельным дисциплинам, которое ученые организовывали при поддержке городского самоуправления [8]. К тому же такая форма деятельности позволяла оперативно доносить до общественности результаты научной работы участников общества. Весьма активно с лекциями в этот период выступали И.И. Мечников, И.М. Сеченов, А.А. Вериго, А.О. Ковалевский. «Я не могу забыть аудитории в дни этих

лекций, когда не имевшая дипломов многочисленная одесская молодежь взбиралась с каким-то священным ужасом на высокие скамьи амфитеатра, и когда этой молодежи не верилось, что вот сейчас профессор взойдет на кафедру ради нее, чтобы поделиться с нею, непосвященной, тайнами своего знания» [9], – писал о публичных лекциях, организованных университетскими профессорами, А. Де-Рибас.

Одесский период научной деятельности А.О. Ковалевского характеризуется переходом ученого от эмбриологических исследований к широкому изучению сравнительной анатомии и физиологии. А.О. Ковалевский способствовал развитию в Одессе сельскохозяйственной энтомологии – поиску способов борьбы с насекомыми-вредителями. Он был участником всех энтомологических съездов, проходивших в Одессе в 1884–1889 гг., в выступлениях на которых известный ученый апробировал материалы своих исследований.

Не менее успешной была преподавательская деятельность А.О. Ковалевского. Его отношения со студентами Новороссийского университета строились на взаимоуважении. Один из его учеников академик Д.К. Заболотный отмечал: «Своим осторожным и участливым отношением к умственным интересам слушателей и умением вопросами направлять ход их мыслей Александр Онуфриевич напоминал нам, воспитанным на классиках, Сократа, с которым по характеру имел много общего» [10].

В Одессе А.О. Ковалевский жил и работал 16 лет. В 1890 г. его избрали действительным членом Петербургской академии наук и одновременно профессором Петербургского университета, что и заставило его покинуть Одессу. В мировой науке он известен как один из основоположников сравнительной эмбриологии. А.О. Ковалевский первым стал изучать общее и особенное в эмбриональном развитии бесхребетных и хребетных животных. С 1898 г. он являлся директором Севастопольской биологической станции, основанной участниками Новороссийского общества естествоиспытателей.

В мае 1882 г. ученый совет Новороссийского университета избрал ординарным профессором римского права уроженца Могилевской губернии Дмитрия Ивановича Азаревича (1848-

1912). Правда, первая, неудачная попытка его избрания состоялась еще в марте 1879 г., когда группа профессоров юридического факультета во главе с деканом той поры Ф.И. Леонтовичем уверенно утверждали, что «лучшего преподавателя по энциклопедии права, как г. Азарович, мы не найдем» [11]. Однако и он, натолкнувшись на внутренние интриги, вошел в преподавательский корпус Новороссийского университета не с первого голосования, а лишь через три года.

Д.И. Азаревич вырос в семье профессора Горы-Горецкого земледельческого института, окончил с золотой медалью Петербургскую классическую гимназию и в 1886 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Еще в студенческие годы он подготовил работу «О договоре доверенности», которая принесла ему известность в научных кругах и позволила стать стипендиатом для подготовки к профессорскому званию по кафедре римского права. Защитив в 1872 г. диссертацию «О различии между опекой и попечительством по римскому праву», Д.И. Азаревич получил степень магистра. Уже в следующем году ученый отправился за рубеж для работы над докторской диссертацией. Весной 1876 г. ученый начал преподавать в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Преподавательская работа не стала помехой для завершения его докторской диссертации на тему «Прекариум по римскому праву», которую в 1877 г. Д.И. Азаревич успешно защитил и был удостоен степени доктора гражданского и римского права.

После избрания профессором Новороссийского университета он возглавил кафедру римского и гражданского права. В 1886-1887 гг. Д.И. Азаревич был деканом юридического факультета Новороссийского университета [12]. Научные интересы Д.И. Азаревича были сфокусированы вокруг трех основных тем: 1) положение патрициев и плебеев Древнем Риме, 2) пользование землей согласно римскому праву и 3) христианство в античном мире. Он придерживался культурно-исторического взгляда на историю, отвергал авторитеты и общепринятые трактовки теории римского права, настойчиво защищая собственные позиции, что часто вызывало критику оппонентов.

Весной 1887 г. Д.И. Азаревич был приглашен в Варшавский университет и покинул Одессу. Вскоре в Варшаве он издал трехтомник «Система римского права (университетский курс)», над которым начал работать в Одессе [13]. Это был первый полный учебник по римскому праву, что является безусловной заслугой Д.И. Азаревича. С Одессой его связывали только 5 лет, но они стали весьма плодотворными для ученого как в плане преподавательской, так и научной деятельности.

Бронислав Фортунатович Вериго (1860-1925) родился в семье обедневшего дворянина Витебской губернии. Его отец преподавал в гимназии старославянский язык. Нельзя исключать, что он был родственником А.А. Вериго, хотя четких подтверждений этому обнаружить не удалось. Б. Ф. Вериго в 1877 г. окончил гимназию в Витебске с золотой медалью и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. После окончания университета он стал вольнослушателем Петербургской военно-медицинской академии, которую окончил, получив звание врача. Еще в студенческие годы Б.Ф. Вериго написал статью «О вторичных изменениях возбуждения на катоде поляризуемого нерва лягушки», которая дополнила новыми данными теорию немецкого ученого Э. Пфлюгера, что дало возможность молодому исследователю получить известность среди физиологов Европы. Некоторое время Б.Ф. Вериго работал в физиологических лабораториях И.М. Сеченова в Петербургском университете и И.Р. Тарханова в Военно-медицинской академии. В 1888 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «К вопросу о действии на нерв гальванического тока прерывного и непрерывного», став доктором медицины. Три года он работал в лабораториях известных зарубежных ученых в Берне, Берлине, Бонне, а также в институте Л. Пастера в Париже, опубликовав за этот период 11 научных работ.

И.М. Сеченов в 1894 г. посоветовал Б.Ф. Вериго занять кафедру физиологии в Новороссийском университете и дал высокую оценку его научным трудам в своем представлении для заседания университетского совета. 24 апреля 1894 г. Б.Ф. Вериго избрали экстраординарным профессором этой кафедры. На протяжении 20 лет работы в Новороссийском университете

ученый осуществлял активную педагогическую и научную деятельность.

Одним из важных направлений его исследований было изучение защитных реакций организма. Как ученик И.И. Мечникова он творчески расширил и углубил его теорию. Другими направлениями научных исследований ученого стало изучение физиологии пищеварения и механизмов дыхания. В журнале «Мир божий» в 1904 г. Б.Ф. Вериге опубликовал работу «Философия и жизненная сила», в которой четко проявилась его склонность к философским обобщениям в науке [14]. В следующем году вышел первый том его известного учебника по физиологии, еще через 5 лет – второй. В 1909 г. Б. Ф. Вериге начал работу в русле нового научного направления – изучении белкового обмена и роли ферментов в этом процессе. Результатом научной работы ученого стал выход в 1912 г. монографии «Единство жизненных явлений», а в 1913 г. были изданы сразу две его книги – «Роль белков в обмене веществ животного организма» и «Биология клетки».

Практический аспект его исследований в полной мере проявился в период эпидемии ящура в Новороссийском крае и Бессарабии. Ученый стал инициатором создания комитета по борьбе с эпидемией и подготовил сыворотку, которую успешно использовали его ученики и коллеги для прививок животным на местах.

В годы преподавания в Новороссийском университете Б.Ф. Вериге последовательно отстаивал идею широкой автономии университетов. Революцию 1905 г. ученый активно поддержал, что стало причиной отмены администрацией университета решения совета о назначении Б. Ф. Вериге деканом медицинского факультета. Однако он остался верен своим убеждениям. В мае 1914 г. Б.Ф. Вериге был освобожден от преподавательской деятельности [15]. Вскоре он покинул Одессу, основав под Москвой частный научно-исследовательский центр физиологии и прикладной медицины. В 1917 г. по рекомендации В.И. Вернадского он был избран на должность профессора и заведующего кафедрой в Пермском университете, где с 1920 г. был деканом медицинского факультета.

Таким образом, уроженцы белорусских губерний А.А. Вериго, А.О. Ковалевский, Б.Ф. Вериго, являясь преподавателями Новороссийского университета, внесли свой весомый вклад в историю естествознания, став первопроходцами в ряде областей химии, физиологии, медицины. Знаток римского права Д.И. Азаревич за период пятилетнего пребывания в Одессе успел зарекомендовать себя талантливым ученым и успешным администратором, возглавив в последние годы службы в университете деканат юридического факультета. Все они были яркими педагогами, подготовившими плеяду одаренных учеников, и оставили заметный след в становлении и развитии Новороссийского университета.

Примечания

1. Полное Собрание законов Российской империи. – Собр. II. – Т. 39 (1864). – СПб., 1867. – Ст. № 41040.
2. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. Репринтное издание. – М.: Димофф и К, 1995. – С. 236.
3. Протоколы заседаний совета императорского Новороссийского университета. – 1871. – 22 ноября. – С. 274–278.
4. *Вериго А.А.* Исследование одесских целебных лиманов и грязей. – Одесса, 1880. – 107 с.
5. Новороссийский университет в воспоминаниях современников. – Одесса: Астропринт, 1999. – С. 129.
6. *Пилипчук О.Я.* Александр Онуфриевич Ковалевский. 1840–1901. – М.: 2003. 183 с.
7. Новороссийский университет в воспоминаниях современников. – С. 60.
8. *Гребцова И.С.* Новороссийский университет в развитии благотворительности в Одессе (вторая половина XIX – начало XX ст.). – Одесса: Астропринт, 2009. – С. 84.
9. Новороссийский университет в воспоминаниях современников. – С. 63.
10. Старая Одесса. – С. 238.
11. Протоколы заседаний совета императорского Новороссийского университета. – 1879. – 22 марта. – С. 85.
12. Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. – Т. 2. Одеса: Астропринт, 2005. – С. 14–15.
13. *Азаревич Д.И.* Система римского права. – СПб., Варшава, 1887. – Т 1–3.
14. *Вериго Б.Ф.* Философия и жизненная сила // Мир Божий. – 1904. – № 6. – С. 134–158.
15. Професори Одеського (Новоросійського) університету. – Т. 2. – С. 237-238.

М.И. Старовойтов (г. Гомель, Республика Беларусь)

БЕЛОРУСЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКО- БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1920 – 1930-е ГОДЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Историю Беларуси нельзя понять, оставаясь только в категориях и территории национального государства. В рассматриваемый период российско-украинско-белорусское пограничье (РУБП) имело много общего и в политическом, социально-экономическом, культурном развитии. Как в выделенном нами полиэтничном регионе, так и за его пределами белорусы испытали на себе социокультурные процессы, обусловленные трансформацией всех сторон жизни советского общества. Данная проблема не только не рассматривалась, но и не ставилась в новейшей историографии, что делает ее актуальной и перспективной в научно-исследовательском плане. Сравнительный анализ обозначенной темы с учетом урбанизационных процессов и гендерного фактора позволяет более адекватно показать изменения в социокультурном облике титульного этноса, прежде всего в БССР, а также белорусов за пределами их этнической территории. За основу взяты административные единицы, существовавшие в РУБП в исследуемый период (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором).

Внутрироссийская миграция (переселения в Сибирь и на Дальний Восток, выезд на заработки на Юг России) до 1914г., беженство в годы Первой мировой войны [см. подробнее 1], добровольно-принудительные и репрессивные переселения в 1920-1930-е годы, урбанизационные процессы и другие причины привели к дисперсному расселению белорусов за пределами их этнической территории. В рассматриваемый период произошли количественные и качественные изменения в составе белорусов, проживавших как в БССР, так и за ее пределами.

В 1926 г. в Псковской губернии белорусов насчитывалось 34 277 чел. и они были на 2 месте после русских, в Брянской – 21 060 чел. на 4-ом (после русских, украинцев и евреев), в Смоленской – 20 408 чел. на 3-ем (после русских и евреев).

Абсолютное большинство белорусов проживало в основном Сибирском, в Дальне-Восточном и Уральском регионах РСФСР. Всего в РСФСР проживало 637 634 белоруса (мужчин и женщин), из которых 82,3% в сельской местности, а 17,7% – в городских поселениях. От этой общей численности на белорусов трех приграничных губерний приходилось 11,9%. [2].

В приграничных с БССР украинских округах наибольшее число белорусов было в Киевском округе – 6 164 человека. В остальных округах они включены в пункт «другие национальности». Анализ данных переписи 1926 г. по УССР позволил установить, что в Волынском округе проживало 632 белоруса (мужчин и женщин), в Глуховском – 360, в Конотопском – 1160, в Коростеньском – 1025, в Черниговском – 1409, в Нежинском – 337 и в Прилукском – 462 человека. Основная часть белорусов проживала в Николаевском округе – 12 798, Днепропетровском – 11 587, Сталинском (Донецком) – 6 377, Артемевском – 5 037, Одесском – 3 144, Криворожском – 3 105, Луганском – 3 026, в столичном Харьковском – 2 359, Малитопольском – 2 230 человек. Всего в УССР перепись 1926 г. зафиксировала 75 842 белоруса (оба пола), из которых 37 242 проживало в городских поселениях и 38 600 – в сельской местности [3], т.е. примерно 50 на 50. В целом за пределами БССР в 1926 г. проживало 721 622 этнических белоруса.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в БССР проживало 4 017 301 белорусов (8,3% – в городах и 91,7% – в деревне). Это составляло 80,6% от всего населения республики. В приграничных с РСФСР и УССР белорусских округах титульный этнос составил 3 149 564 чел. или 78,4% всего их населения. Самый высокий удельный вес белорусов был в Калининском округе – 92,4%, Могилевском – 89,6%, Оршанском – 88,5%, Полоцком – 86,1%, Мозырском – 84,0%, а в присоединенных к БССР накануне переписи Речицком – 61,0% и Гомельском – 47,7% были самые низкие показатели [4]. К концу 1930-х годов произошло изменение численности белорусов как в трех соседних республиках, так и областях РУБП. В 1939 г. численность белорусов в РСФСР, в т.ч. и в традиционных местах проживания, уменьшилась и составила 458 659 человек [5].

Их таблицы 1 [составлена по: 6] видно, что в Орловской области проживало 12 043 белоруса, а в Смоленской – 16 971, в Калининской – 8 344. Это составляло 8,1% от всех учтенных переписью белорусов в России. В украинских приграничных областях наибольшее число белорусов проживало в Киевской области – 17 265 человек, в Житомирской – 5 307 и Черниговской – 6 436 человек. На эти три области приходилось 18,3% из 158 174 чел. белорусов УССР, 89 823 чел. из которых проживало в городах промышленных областей [7]. В исследуемый период численность белорусов в УССР увеличилась примерно в два раза, в связи с их притоком для освоения ее угольно-металлургической базы. Политика белорусизации оказала влияние на самоидентификацию белорусов, особенно, на Гомельщине. В конце 1930-х годов в Гомельской области удельный вес белорусов уже составлял 80,9% среди всего населения, что было ниже только на 2,0% среднереспубликанского показателя. Самый высокий удельный вес белорусов был в Полесской области – 85,2%. Абсолютное большинство (3 834 214 чел. или 83,1%) титульного этноса республики проживало в сельской местности [8]. Из таблицы 1 видно, что в составе всего населения шести российско-украинских приграничных областей удельный вес белорусов составлял 0,26-0,63%.

Таблица 1. Белорусы в РУБП в 1939 г. (абс. и %)

Области	Город		Село		Все население			%*
	Всего	%*	Всего	%*	Муж.	Жен.	Всего	
Калининская	4 409	0,62	3 935	0,16	5 240	3 104	8 344	0,26
Орловская	7 850	1,13	4 193	0,15	7 009	5 034	12 043	0,34
Смоленская	9 724	2,17	7 247	0,33	9 434	7 537	16 971	0,63
Житомирская	1 747	0,50	3 560	0,26	3 903	1 404	5 307	0,31
Киевская	11 664	0,94	5 601	0,24	10 822	6 443	17 265	0,48
Черниговская	2 645	0,94	3 791	0,25	4 482	1 954	6 436	0,36
Витебская	205941	59,9	855813	91,3	495444	566310	1061754	82,9
Могилевская	187731	59,3	999890	92,2	553421	634200	1187621	84,8
Гомельская	133877	52,8	600679	91,1	343751	390805	734556	80,9
Полесская	42 261	56,2	530642	88,9	270890	302013	572903	85,2

Примечание: *) – процент к итогу

По степени урбанизированности белорусы в РУБП различались и весьма значительно. Расчеты по таблице 1 показали, что доля белорусов проживавших в городских

поселениях Калининской области составляла 52,8% их общей численности, в Орловской – 65,2%, в Смоленской – 57,3%. В украинских областях эти показатели также были высокими. В Житомирской области 32,9% белорусов проживала в городах, в Киевской – 67,6%, в Черниговской – 41,1%. В белорусских областях входящих в пограничный регион, т.е. своих этнических территориях, уровень урбанизированности белорусов был значительно ниже. В Витебской области он составил 19,4%, в Гомельской – 18,2%, в Могилевской – 15,8%. Самый низкий уровень был в Полесской области, где доля белорусов, проживавших в городских поселениях, составила только 7,4%.

Миграционные процессы, переселения в города, т.е. территориальная и социальная мобильность была присуща белорусам молодых возрастов, имевшим более высокий уровень грамотности и образования, рабочие и инженерно-технические, учебно-медицинские специальности. Перемещалась молодежь в города и для получения высшего и среднего образования.

Таблица 2. Население РУБП с родным белорусским языком в 1939 г. (абс. и %)

Области	Город		Село		Все население			
	Всего	%*	Всего	%*	Муж.	%*	Жен.	%*
Калинин-ская	1 159	26,3	1 658	42,1	1 939	37,0	878	28,3
Орловская	2 128	27,1	1 629	38,8	2 332	33,3	1425	28,3
Смолен-ская	2 762	28,4	2 597	35,8	3 123	33,1	2 236	29,7
Житомир-ская	486	27,8	2325	65,3	2279	58,4	532	37,9
Киевская	2 726	23,4	986	17,6	4 365	40,3	1 794	27,8
Чернигов-ская	787	29,7	2 369	62,5	2 447	54,6	709	36,3
Витебская	149470	72,6	841663	98,3	460589	93,0	530544	93,7
Могилев-ская	159505	85,0	1000439	100,1	537546	97,1	622398	98,1
Гомель-ская	91243	68,2	590587	90,2	317520	92,4	364310	93,2
Полесская	43 067	101,9	543051	102,3	275952	101,9	310166	102,7

Примечание: *) – процент от численности белорусов. Сноски те же.

В таблице 2 [составлена по: 9] представлено население, указавшее в качестве родного языка белорусский язык. Родным его назвали не все белорусы не только в российской и украинской составляющих пограничного региона, но и в белорусской его части. Значительная часть проживавших за пределами БССР белорусов назвали родным языком русский язык.

В белорусской части рассматриваемой пограничной

территории белорусскоязычным было село, где проживало абсолютное большинство этнических белорусов (88,9 – 92,2%) сельского населения назвало родным языком белорусский, что практически совпадало с относительной численностью белорусского населения села. В городах картина оказалась иной. Белорусские города, в которых доля белорусов среди городского населения, как видно из таблицы 1, была более половины населения, белорусский язык не являлся преобладающим, за исключением Полесской области. В Витебской области белорусы жителей городских поселений родным белорусский язык назвали 43,5%, в Гомельской – 36,0%, в Могилевской – 50,4%, в Полесской – 57,2%. Исключение составило городское и сельское население Полесской области, сельское население Могилевской области, где лиц с родным белорусским языком оказалось больше, чем белорусов (см. таблицы 1 и 2). Это объясняется тем, что некоторая часть украинцев, поляков, литовцев, евреев и других национальностей называло родным языком белорусский язык. Такое явление имело место во всех областях БССР, в которой в рассматриваемый период осуществлялась политика белорусизации.

Разница в показателях породному языку между мужчинами и женщинами объясняется большей численностью мужчин. Хотя женщины как носительницы языка должны были иметь выше удельный вес с родным языком, чем мужчины. Эта проблема может быть интересна языковедам и этнографам. Есть основание считать, что у женщин-белорусок проходило быстрее самообрусительство/ассимиляция, т.к. часть их была замужем не за этническими белорусами и проживали за пределами БССР более длительный период. Среди мужчин в украинских областях было много мужчин служивших срочную службу в РККА. Они оказались носителями родного белорусского языка.

В 1926 г. уровень грамотности белорусов-мужчин, проживавших в БССР был ниже на 18,0% ниже, чем у проживавших в соседнем Западном подрайоне РСФСР и на 30%, чем у проживавших в Полесском подрайоне УССР. У женщин-белорусок соответственно – на 12,0% и на 31,0% [10]. Эта тенденция подтвердилась и в 1939г., т.к. свидетельствовала о более высокой профессиональной, социальной и культурной

мобильности белорусов, которые находились за пределами своих этнических территорий. В материалах переписи 1939 г. нами выявлены данные об уровне грамотности и образования только у белорусов, которые проживали в Смоленской области. Однако есть основания считать, что такая тенденция наблюдалась у белорусов, проживавших и в других областях. Московский историк В.Б. Жиромская пишет, что 17,6% белорусов, проживавших в России, имели среднее образование [11]. По нашим подсчетам, это более чем в 3 раза превышало аналогичный среднереспубликанский показатель. Это объясняется тем, что у белорусских, русских и украинских женщин, особенно старше 50 лет, этот показатель и в конце 1930-х годов был ниже, чем у женщин других этнических групп. Достигнутый белорусами РУБП к концу 1930-х годов уровень грамотности и образования представлен в таблице 3 [12].

Таблица 3. Грамотность и образование белорусов в 1939 г.
(абс. и %)

Области*	Грамотные		Образование на 1000 человек				Неграмотные	
	20 – 49 лет		Высшее		Среднее		9 л. и старше	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Смоленская	6 186	98,0	349	3,59	2 835	29,15	415	4,7
	5 527	88,2	129	1,78	1 360	18,77	736	11,8
Витебская	88050	92,6	1 408	0,68	35531	17,25	17 084	10,1
	236219	79,1	783	0,09	28 703	3,35	164 759	25,0
Гомельская	54 882	92,8	1 027	0,77	24 025	17,94	10 339	9,5
	162780	77,2	466	0,08	17 341	2,89	112 622	24,9
Могилевская	75 240	90,7	1 451	0,77	34 013	18,12	17 529	11,5
	249547	72,9	729	0,07	30 734	3,07	207 608	27,6
Полесская	14 872	85,6	330	0,78	5 907	13,98	5 163	15,5
	118974	63,4	336	0,06	13 237	2,49	124 681	32,5
УССР	52 140	94,8	1 790	2,0	16 853	18,76	6 739	8,2
	36 363	91,0	631	0,92	7 936	11,61	7 031	11,8

Примечание: *) – верхняя строка – город, нижняя – село

Как видно из таблицы 3 уровень грамотности и образования у белорусов, которые проживали за пределами своей этнической

территории был выше среди проживавших и в городских и в сельских поселениях.

О высоком образовательном уровне белорусов, проживавших в 1939 г. за пределами БССР, свидетельствуют такие данные. В республике работало 993 инженера-белоруса, а в других республиках работало 1 971 чел., конструкторов соответственно – 121 чел. и 272 чел., врачей – 963 чел. и 646 чел., научных работников, профессоров и преподавателей вузов – 719 чел. и 621 чел., адвокатов и юрисконсультов – 196 чел. и 208 чел., экономистов – 1 158 чел. и 1 028 чел. [13].

Таблица 4. Занятия белорусов по отраслям экономики в 1939 г* (%)

Промышленность	Сельское хозяйство	Лесное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкомхоз	Госучреждения	Здравоохранение	Просвещение, наука,	Не распределено по отраслям народного хоз.	ИТОГО
Орловская область (город)											
37,2	3,7	2,0	7,4	18,7	5,7	1,9	8,5	2,2	6,5	6,2	100
35,4	3,7	0,6	2,2	9,7	14,4	2,6	4,9	11,7	12,3	2,5	100
Орловская область (село)											
12,4	22,8	4,2	2,3	6,9	2,3	0,1	2,5	1,1	7,1	38,3	100
9,4	50,4	1,4	1,1	3,4	7,9	–	1,3	6,0	19,1	–	100
Смоленская область (город)											
22,8	5,6	1,3	10,6	20,4	8,9	2,0	12,9	2,7	6,3	6,5	100
29,2	5,1	0,5	2,4	10,2	14,0	3,4	7,8	10,7	13,6	3,1	100
Смоленская область (село)											
10,8	21,9	3,6	11,3	8,4	3,0	0,4	4,7	1,0	6,1	28,8	100
11,9	56,3	0,9	1,3	3,2	5,2	0,4	1,2	4,4	13,2	1,8	100
Житомирская (город)											
22,6	4,2	2,0	8,3	21,3	6,2	1,7	12,2	2,0	3,1	16,4	100
17,1	6,7	1,0	1,4	15,7	10,5	2,9	9,0	13,3	13,8	8,6	100
Житомирская (село)											
10,1	19,4	7,9	12,5	5,4	2,6	0,1	4,8	0,5	1,6	35,1	100
7,4	66,3	4,1	1,9	2,2	2,2	–	2,6	5,2	5,9	2,2	100
Полесская (город)											
22,4	22,5	5,5	7,9	10,9	7,0	1,7	13,7	1,7	4,1	2,6	100
19,9	28,4	1,4	1,6	4,7	8,1	2,6	6,8	9,5	9,0	8,0	100

Полесская (село)											
4,5	76,3	5,4	3,7	2,5	1,7	0,1	1,5	0,2	2,2	1,9	100
1,3	94,8	0,2	0,2	0,4	0,4	0,1	0,2	0,5	1,4	0,5	100
Могилевская (город)											
36,8	11,8	2,2	12,9	11,3	6,4	2,1	8,5	1,7	4,3	2,0	100
37,1	12,8	0,4	2,6	4,8	9,1	3,2	4,2	9,8	9,3	6,7	100
Могилевская (село)											
5,2	78,1	3,5	3,2	2,6	1,4	0,1	1,3	0,3	2,4	1,9	100
2,0	93,6	0,2	0,3	0,4	0,5	0,1	0,2	0,5	1,7	0,5	100

*Примечание *) – верхняя строка данные о мужчинах, нижняя – данные о женщинах*

Уровень грамотности и образования, степень урбанизированности белорусов РУБП значительно повлияли на их профессиональную деятельность. Это хорошо видно из данных таблицы 4 [составлена по: 14]. В промышленно развитых областях РУБП белорусы в городах были заняты в индустриальных отраслях народного хозяйства. В областях с преобладающим аграрным сектором экономики белорусы, особенно женщины, в абсолютном были заняты в сельском хозяйстве. Доля белорусов, занятых в нематериальных отраслях экономики, была выше в российско-украинской части пограничного региона. Нами установлено, что высокий процент белорусов-мужчин среди нераспределенной категории населения сельской местности объясняется наличием военнослужащих в российско-украинских областях. РУБП входило в широкую погранполосу СССР. Это сдерживало «по стратегическим соображениям» развития промышленности в регионе. Воинские части РККА дислоцировались в основном в сельской местности.

Даже такой краткий анализ оригинальных источников позволяет сделать следующие выводы. В исследуемый период абсолютная и относительная численность титульного этноса увеличилась как в целом по БССР, так и в белорусских областях РУБП. В пределах своих этнических территорий абсолютное большинство белорусов проживало в сельской, а в Житомирской и Черниговской областях их большая часть. В Киевской, Орловской и Смоленской областях значительная часть белорусов уже проживала в городах. В российско-украинских областях пограничья абсолютная численность белорусов уменьшилась к

концу 1930-х годов, что связано, на наш взгляд, с увеличением их оттока в традиционные места их переселения, а так же в Московско-Ленинградский регион.

Абсолютная численность белорусов в приграничных российско-украинских территориях уменьшилась по причине ассимилятивных процессов и перемещения их в промышленные районы РСФСР и УССР. Степень урбанизации, уровень грамотности и образования были значительно ниже у белорусов, проживавших в БССР, чем за ее пределами. Абсолютное большинство белорусов проживало в сельской местности и была занята (особенно женщины) в аграрном секторе экономики, как в пределах своих этнических территорий, так в Житомирской и Черниговской областях. В исследуемый период социокультурный облик белорусов значительно и качественно изменился как в БССР, так, особенно, в соседних российско-украинских областях и в целом по стране.

Примечания

1. *Старовойтов М.И.* Миграционные процессы в белорусско-российско-украинском пограничье (конец XIX в. – 1917 г.) // Журнал международного права и международных отношений. – 2008. – №3. – С.46.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. IX. – РСФСР. – М., 1929. – С. 66,67,80, 81.

3. Всесоюзный перепис людности 1926 рок. – Т. XI. – УССР. – М., 1928. – С. 27,31.

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. X. – БССР. – М., 1928. – С. 9-12, 24–25, 27-28, 31, 33-34, 36–37, 39-40, 42, 44-45.

5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги/ *Под ред. Ю.А. Полякова.* – М., 1992. – С. 59.

6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д.299. – Л.6; Д. 317. – Л.6; Д. 325. – Л.8; Д. 358. – Л.6; Д. 361. – Л. 6; Д. 373. – Л.6; Д. 375. – Л.6; Д. 376. – Л.6; Д. 379. – Л. 6; Д. 380. – Л.6.

7. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д.256. – Л. 16.

8. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д.257. – Л. 12.

9. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д.299. – Л.6; Д. 317. – Л.6; Д. 325. – Л.8; Д. 358. – Л.6; Д. 361. – Л. 6; Д. 373. – Л.6; Д. 375. – Л.6; Д. 376. – Л.6; Д. 379. – Л. 6; Д. 380. – Л.6.

10. *Старовойтаў М.І.* Узровень пісьменнасці і адукаванасці ўсходнеславянскага несельніцтва беларуска-расійска-ўкраінскага памежжа (1920 – 1930-я гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 10. – С. 51.

11. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М., 2001. – С.183.

12. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д.256. – Л. 16,27,31; Д. 325. – Л. 8,9,11; Д.375. – Л. 6,8,9; Д. 376. – Л. 6,8,9; Д. 379. – Л. 6,8,9; Д. 380. – Л. 6,8,9.

13. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 1002. – Л. 364–378.

14. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 913. – Л. 1-242; Д. 908. – Л. 4, 9, 14–19, 238, 245, 251, 262; Д. 914. – Л. 99, 111, 123, 135.

О.Н. Важник (г. Минск, Республика Беларусь)

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

После Второй мировой войны содержание и интенсивность международных связей Беларуси определялись политикой СССР. Вступление ряда европейских государств на социалистический путь развития, наряду с членством в международных организациях, открывало новые возможности для развития зарубежных связей Беларуси как составной части Советского Союза.

Наибольшие перспективы развития отношений имелись между БССР и ПНР. Этому способствовала, во-первых, территориальная и историческая близость, соседство двух народов. Во-вторых, расширение всесторонних контактов с Польшей рассматривалось как укрепление связей с другими странами социалистического лагеря в рамках государственной политики, провозглашавшей курс на широкие контакты с государствами «народной демократии». На примере контактов республики с Польшей наиболее отчетливо прослеживаются основные тенденции взаимодействия, направления, формы и содержание экономического, научного и технического сотрудничества Беларуси, большей частью, традиционно осуществлявшегося с европейскими социалистическими государствами. Культурные связи Беларуси и Польши представляют особый интерес не только из-за исторической и территориальной близости двух стран, но также национальной специфики белорусской культуры, обусловленной переплетением

различных духовных влияний, смешением культурных общностей, синтезом восточных и западных традиций.

В 50–70-е гг. XX века в СССР, несмотря на политику ограничения международных контактов, среди факторов, вынуждавших советское руководство идти на более активное международное сотрудничество, важное значение имело присутствие в официальных программных документах партии и государства ряда положений, предусматривавших курс на широкие контакты с государствами народной демократии. 30 сентября 1956 г. была провозглашена Декларация об отношениях между Советским Союзом и другими социалистическими странами. После этого были подписаны соглашения о культурном сотрудничестве. Первое советско-польское Соглашение о культурном сотрудничестве было подписано в 1956 г. сроком на пять лет. В данном документе определялись основные направления взаимодействия двух стран в области культуры и науки. Курс на расширение культурного сотрудничества был закреплен в Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии (октябрь 1961 г.). В ней, в частности, говорилось, что «партия считает необходимым расширять культурные связи СССР со странами социалистической системы, а также другими странами в интересах взаимного обмена достижениями науки и культуры... и дружбы народов» [1].

В соответствии с содержащимся в советско-польском Соглашении о культурном сотрудничестве 1956 г. постановлением, оно автоматически было продлено до конца 1970 г. В 1970 г. было заключено новое Соглашение о культурном и научном сотрудничестве между СССР и ПНР сроком на десять лет, которое более конкретно и детально определяло формы сотрудничества. Его результатом являлось практическое взаимодействие двух стран в различных областях художественной культуры — литературы, театра, кино, музыки и изобразительного искусства. Свою роль в расширении культурных связей между Беларусью и Польшей играли интерес и уважение к культуре соседнего государства со стороны населения республики, историческая и территориальная близость двух народов.

В культурном сотрудничестве БССР и ПНР заметную роль играли литературные взаимосвязи. Белорусская литература сравнительно молода и в целом была недостаточно широко известна европейскому читателю. Однако в лучших своих проявлениях – в поэзии Я. Купалы, Я. Коласа, М. Танка, в прозе И. Мележа, В. Быкова, В. Короткевича – она получила всемирную известность. В послевоенные годы художественный уровень белорусской литературы значительно возрос. Благодаря новому пополнению творческих работников она не только смогла обогатить свои жанры, но и заметно расширить тематический диапазон. Накопленный творческий опыт и возросшее мастерство поэтов, прозаиков, драматургов, критиков позволили приобрести ей качество эстетически зрелой литературы и завоевать широкое признание среди читателей Советского Союза и зарубежных стран. Правда, зарубежный читатель, как правило, не выделял белорусскую литературу из общесоюзного контекста, что мешало ему лучше понять национальную самобытность белорусских писателей.

Создание социалистического лагеря значительно активизировало многие традиционные формы литературных связей. Ведущей формой связей в области литературы оставались художественные переводы произведений писателей. Однако сужение сферы применения белорусского языка в общественной и культурной жизни республики не могло не сказываться на интенсивности литературных взаимосвязей, переводческой деятельности. В БССР также не хватало фундаментальных словарей, предназначенных для переводчиков, преподавателей, студентов, и решение этой проблемы, несомненно, являлось первостепенным для специалистов, причастных к распространению белорусской литературы за рубежом.

Интерес к советской и белорусской литературе в социалистических странах Европы, в том числе и в Польше, возобновился сразу же после окончания Второй мировой войны. В первые послевоенные годы произведения белорусских писателей переводились и публиковались в основном в периодических изданиях. На протяжении 15 послевоенных лет в различных периодических изданиях и на страницах газет ПНР было опубликовано на польском языке 160 произведений

белорусских авторов и белорусского фольклора. Три четверти публикаций этого периода относятся к 1955 г., когда в Польше проводились дни белорусской культуры [2]. Декада белорусской культуры способствовала не только увеличению количества художественных переводов, оживлению литературной критики, но, что важно, установлению личных контактов писателей Польши и Беларуси. Стоит отметить, что отдельные польские издания произведений белорусских писателей с этого времени стали сопровождаться предисловиями, дававшими возможность читателю составить более полное представление о творчестве автора и содержании книги.

В начале 50-х гг. книги белорусских писателей стали выходить в ПНР отдельными изданиями. За четырнадцать послевоенных лет их было выпущено более 15 названий, среди которых произведения Я. Коласа, К. Крапивы, И. Шемякина, М. Танка и др. [3]. Стихи белорусских поэтов печатались также в общих сборниках. Однако возрастание количества переводов в 50-е гг. не означало, что все они удовлетворяли польского читателя. Как отмечалось в прессе, «знания в Польше о белорусской культуре и литературе весьма слабы. Переводы... появляются спорадически и не затрагивают ряда существенных положений». Пропаганда достижений белорусской культуры имела исключительно важное значение для преодоления долгое время бытовавшего среди части польской интеллигенции мнения о «надуманности» белорусской нации [4].

В дальнейшем ознакомлению польских читателей с лучшими произведениями поэтов и прозаиков Беларуси служили изданные в переводе произведения А. Стаховича, М. Лынькова, И. Мележа. В 1971 г. в ПНР вышел в свет однотомник белорусских поэтов с предисловием польского писателя Я. Гущи, в который вошло более двухсот стихотворений. Из современных белорусских поэтов особенно широко было представлено творчество М. Танка, о поэзии которого польский литературовед Ф. Неуважны писал как о «родниковой воде, которая бьет из родников дружелюбной белорусской земли» [5].

Широкой популярностью у польского читателя пользовались произведения В. Быкова. Государственное издательство ПНР в 1963 г. издало на польском языке повесть В. Быкова «Третья

ракета», в переводе Э. Кабатца. В целом, в 60–70-е гг. произведения В. Быкова имели самое большое количество переводов. Рецензенты в своих отзывах на работы писателя подчеркивали «глубокий психологизм и драматизм», а также «общечеловеческое значение поднятой в них этической проблематики [6].

Заметный интерес проявлялся у поляков к творчеству Я. Брыля. Его рассказы, созданные на основе личных впечатлений и переживаний как бывшего солдата Войска Польского во время сентябрьской кампании 1939 г. при обороне поморского побережья от гитлеровских захватчиков, публиковались на страницах польских журналов в 60-е гг. Более широкому знакомству польских читателей с творчеством Я. Брыля в 70-е гг. способствовал выход в свет сборников рассказов «Смотрите на траву» (1972 г.), избранных произведений «Мир далекий и близкий» (1975 г.), повести «Нижние Байдуны» (1979 г.) и книги «Витраж» (1980 г.). Высокую оценку у польской общественности получили произведения А. Адамовича «Хатынская повесть» (1975 г.), И. Пташникова «Лонва» (1975 г.) и «Тартак» (1977 г.), В. Короткевича «Лазурь и золото дня» (1976 г.), сборник избранной поэзии Д. Бичель-Загнетовой «Ты – это ты» (1980 г.) и др. Однако в Польше ощущалась острая нехватка специалистов по национальным литературам СССР, поэтому нередко литературу союзных республик переводили с русского языка.

Для ознакомления польской общественности с белорусской литературой Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами ежегодно посылало в Польшу большое количество книг и годовых комплектов белорусских газет и журналов. Посылка белорусских книг в ПНР осуществлялась централизованным порядком через отдел «Книгоэкспорт» Белорусской республиканской базы главкниготорга, которая регулярно снабжала более 50 стран мира большим количеством политической, экономической, художественной, сельскохозяйственной, медицинской, научно-технической литературы. Первым заказчиком на белорусские книги явилась Польша, которая в ноябре 1954 г. приобрела 15 книг. С каждым годом поставки продукции белорусских издательств в Польшу

увеличивались и к 1963 г. составили более 25 тыс. экземпляров. В период 1954–1964 гг. через отдел «Книгоэкспорт» Белглавкниготорга ПНР было продано более 60 тыс. экземпляров белорусской художественной литературы. Среди них произведения Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, Я. Брыля, К. Крапивы, П. Бровки, М. Танка, П. Панченки, Я. Мавра, И. Мележа и многих других авторов. Польша, согласно статистическим данным, занимала первое место среди всех европейских социалистических государств по количеству книг белорусских издательств, которые она приобретала. Наряду с произведениями художественной литературы в ПНР направлялась научная и техническая литература, учебники и т. д. Так, например, в 1963 г. в Польшу было отправлено более 6,5 тыс. экземпляров учебников истории БССР, арифметики, белорусского языка и литературы и др. Только в 1977 г. в адрес Главного правления ОПСД из Беларуси было направлено 3987 экземпляров общественно-политической, художественной и справочной литературы [7].

С продукцией белорусских издательств польский читатель мог познакомиться также на международных ярмарках в Варшаве, где участвовала и БССР. Все мероприятия, направленные на популяризацию белорусской культуры, находили поддержку со стороны польских властей и общественных организаций. Большую роль в пропаганде классического наследия национальных литератур играли юбилейные вечера и книжные выставки, посвященные жизни и деятельности выдающихся писателей, которые неоднократно организовывались в БССР и за рубежом.

В 1955 г., объявленным Всемирным Советом Мира годом А. Мицкевича, в Беларуси был проведен ряд мероприятий, посвященных знаменитому польскому поэту. Был восстановлен и обновлен редкими и ценными экспонатами Дом-музей А. Мицкевича в Новогрудке, созданный в 1920 г. и разрушенный фашистами во время войны. Из Польши музею были переданы экспонаты выставки, организованной в Варшаве в 1955 г. [8]. До реставрации Дома-музея А. Мицкевича своего рода музеем поэта в Беларуси был областной краеведческий музей в Барановичах [9]. В открытии музея на родине поэта в Новогрудке приняли

участие гости из Минска и Гродно, писатели Беларуси. По всей республике были проведены вечера, посвященные памяти А. Мицкевича. В 1973 г. в республике торжественно отмечалось 175 годовщина со дня рождения А. Мицкевича [10]. Кроме того, в Беларуси регулярно проводились вечера, посвященные памяти М. Конопницкой, Э. Ожешко и других выдающихся деятелей польской культуры.

В Польше также чтит память видных деятелей белорусской культуры. Широко отмечалось 80-летие со дня рождения Я. Купалы и Я. Коласа. На торжественном вечере, состоявшемся в июне 1962 г. в Варшаве, присутствовали польские и белорусские представители Общества польско-советской дружбы, деятели культуры и литературы двух стран, представители промышленных предприятий. Вечера и семинары, посвященные Я. Купале и Я. Коласу, состоялись также в Познани, Люблине, Быдгоще, Гданьске, Олыштыне, Белостоке, а также в районных центрах и в деревнях.

В БССР проводилась работа по ознакомлению белорусского читателя с достижениями польской литературы. В послевоенный период были созданы благоприятные условия для широкого знакомства читателей республики с польской литературой. Белорусско-польские литературные связи, имеющие многовековую историю и богатые традиции, в послевоенный период начинались с художественных переводов стихотворных произведений и рассказов польских поэтов и прозаиков, которые публиковались на страницах белорусских журналов и газет. Однако этот процесс протекал неравномерно: в первые послевоенные годы в СССР мало внимания уделялось переводу произведений польской литературы. На этот недостаток указал в своем выступлении в 1955 г. на II Всесоюзном съезде советских писателей видный польский писатель Я. Ивашкевич, высказав пожелание «чтобы польская литература еще глубже изучалась в СССР... в отличных переводах...».

Оценивая белорусский вклад в дело популяризации произведений польской литературы в СССР, Я. Брыль в 1956 г. писал: «Во всесоюзном масштабе <...> наше белорусское участие <...> пока что мизерное» [11]. И действительно, за семь послевоенных лет в Беларуси было напечатано в различных

периодических изданиях лишь пять названий произведений польских авторов. Такое положение требовало коренного улучшения издания и организации переводов произведений литературы польского народа.

С конца 40-х гг. большая группа белорусских писателей и поэтов приняла участие в переводах работ польских авторов на белорусский язык. Среди них были Я. Колас, К. Крапива, П. Бровка, М. Танк, Ф. Пестрак, С. Дергай и др. Постепенно в республике подготавливалась почва для выпуска отдельных книжных изданий, которые удалось осуществить в 1955 г., который стал переломным. В Беларуси было переведено и опубликовано 34 названия произведений польской литературы. Объясняется это возросшим интересом к польской литературе, а также тем, что 1955 г. по решению Всемирного Совета Мира был объявлен годом А. Мицкевича, и в Беларуси – на родине великого поэта – отметили это событие изданием на белорусском языке однотомника его произведений. Выход книги был оценен белорусской литературной критикой как очень важное и значительное событие. Однако первое полное издание на белорусском языке поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» в переводе академика АН БССР Б. Тарашкевича было осуществлено в Беларуси лишь в 1981 г.

Более близкое знакомство белорусского читателя с современной польской литературой стало возможным в 1955 г. после выхода в свет переведенных на белорусский язык сборников стихотворений 26 польских поэтов: Л. Стафа, Ю. Тувима, В. Броневского и др.; рассказов шести польских писателей под общим названием «Гэля будет трактористкой» и избранных произведений классика польской литературы Г. Сенкевича. Кроме изданий отдельных сборников, произведения многих польских авторов печатались в белорусских газетах и журналах [12].

В 1958 г. в Беларуси во время проведения Дней польской культуры было издано 26 названий произведений польской литературы. За период 1959–1963 гг. было опубликовано более 100 названий, что составило половину всех напечатанных переводов польской литературы за весь послевоенный период. Современная польская проза была представлена в Беларуси в

этот период переводами романов В. Трапачинской-Огароковой, К. Брандыса, Л. Кручковского, Е. Путьраменты и др. Что касается книг, то в общей сложности в период с 1946 по 1970 гг. в Беларуси было издано в переводе с польского языка 39 книг общим тиражом 238 тысяч экземпляров. Однако книги – это только часть литературы, изданной в переводе. Большое количество произведений польских писателей продолжало публиковаться в белорусских журналах и газетах.

Большую роль в популяризации достижений политической, экономической и культурной жизни Польши играли польские газеты и журналы, поступающие в БССР через систему «Союзпечати». Число белорусских читателей и подписчиков на польские газеты и журналы постоянно увеличилось. По распространению печати стран народной демократии на иностранных языках польская печать в Беларуси занимала первое место. В процентном соотношении эта цифра составляла в 1963г. 54,5 %, в 70-е гг. – около 59 % от всей прессы социалистических стран, реализовывавшейся через «Союзпечать» в Беларуси.

Белорусские читатели имели возможность знакомиться с новинками польской литературы и через специализированные магазины иностранной книги. По статистике, книг польских писателей в БССР реализовывалось больше, чем авторов любой другой социалистической страны. Наряду с научной литературой большим спросом у населения пользовались произведения А. Мицкевича, Б. Пруса, Э. Ожешко, С. Жеромского, Г. Сенкевича, В. Броневского, Ю. Тувима, Л. Кручковского и др. Всего за период 1970–1976 гг. было реализовано более 100 тысяч книг польских авторов [13].

В 70-е гг. получили развитие непосредственные контакты белорусских и польских поэтов, писателей, драматургов, критиков, которые становились частыми гостями друг друга. В Беларуси побывали известные польские писатели Л. Крючковский и В. Броневский, С. Добровольский, Я. Броневская, В. Жукровский, А. Омелянович и др. Подобные поездки и встречи являлись важными событиями, поскольку они шире знакомили с литературной ситуацией в обеих странах, с теми проблемами, которые стояли перед общественностью Беларуси и Польши.

Ознакомлению белорусских читателей с достижениями польской литературы содействовали обзорные статьи и рецензии, которые печатались в республиканских периодических изданиях. Наряду с хроникальными материалами, посвященными видным деятелям польской культуры, публиковались также статьи научно-исследовательского характера. Однако длительное время знакомству белорусского читателя с произведениями зарубежной, в том числе польской, классики препятствовало отсутствие в БССР печатного органа, где бы помещалась новейшая информация о создаваемых произведениях. Выход в 1975 г. альманаха «Далягляды» во многом исправил это положение.

Важную роль в пропаганде издававшейся в Польше литературы играли выставки польской книги в БССР, а в ПНР — белорусской. Каждая новая выставка становилась все более обширной. Если во время проведения в БССР Декады польской книги в 1962 г. на ней было представлено немногим более 500 наименований книг [14], то уже в 1969 г. экспонировалось 1200 наименований книг политической, художественной, технической, детской литературы из ПНР [15]. В 1976 г. во время проведения шестнадцатой Декады польской книги в Минске было представлено более 1800 экземпляров книг польских авторов [16]. В 1977 г. выставка польской книги «Дружба народов – дружба литератур» была развернута в г. Новополоцке, Декада польской книги прошла в Бресте.

Таким образом, литературные взаимосвязи Беларуси и Польши в 1949–1979 гг. можно рассматривать как неоднозначный процесс. С одной стороны, значительно расширились возможности для пропаганды белорусской литературы в ПНР посредством переводческой деятельности, активизации творческих связей белорусских и польских мастеров художественного слова. Ознакомлению белорусских читателей с достижениями польской литературы содействовали обзорные статьи, рецензии в республиканских периодических изданиях, регулярные выставки польской книги, распространение печатных изданий ПНР (польская печать в Беларуси занимала первое место по распространению печати стран народной демократии на иностранных языках). Свидетельством взаимного интереса к

литературе являются статистические данные о том, что Польша занимала первое место среди всех европейских социалистических государств по количеству книг белорусских издательств, которые она приобретала, а книг польских писателей в БССР реализовывалось больше, чем авторов любой другой социалистической страны. Однако длительное время знакомству белорусского читателя с произведениями зарубежной, в том числе польской, классики препятствовало отсутствие в БССР печатного органа, где бы помещалась новейшая информация о создаваемых произведениях. Выход в 1975 г. альманаха «Далягляды» во многом исправил это положение. С другой стороны, такие негативные факторы, как замалчивание острых проблем в истории двух государств, сужение сферы применения белорусского языка в общественной и культурной жизни республики, в результате чего зарубежный читатель зачастую не выделял белорусскую литературу из общесоюзного контекста, отрицательно сказывались на интенсивности литературных взаимосвязей и качественных характеристиках этих процессов. В то же время практика доказывала, что развитие традиционных форм литературных контактов, безусловно, способствовало процессу взаимоознакомления народов, их культурному сближению и укреплению дружеских отношений.

Примечания

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Принята XXII съездом КПСС. – М.: Правда, 1961. – С. 132.
2. *Толстой В.С.* Братское сотрудничество белорусского и польского народов 1944–1964 гг. – Минск: Наука и техника, 1966. – 140 с. С. 84
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 914. Белорусское общество культурной связи с заграницей (1952–1958), Белорусское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами (с 1958 г.). – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 13
4. НАРБ. Ф. 914. Оп. 2. Д. 34. Л. 21; *Ясінскі А.А.* Сябры-інтэрнацыяналісты. – Мінск: Беларусь, 1973. – С. 127.
5. Далягляды. Літаратурны зборнік. – Мінск: Беларусь, 1975. – С. 242.
6. НАРБ. – Ф. 914. – Оп. 4. – Д. 651. – Л. 3.
7. НАРБ. – Ф. 914. – Оп. 1. – Д. 159. – Л. 31.
8. Материалы об А. Мицкевиче в Барановическом музее // Славяне. – 1953. – № 6. – С. 63.
10. НАРБ. – Ф. 914. – Оп. 4. – Д. 489. – Л. 172.

11. *Брыль Я.* Вачыма друга. Польскі дзеннік // *Полымя.* – 1956. – № 2. – С. 83.

12. Белорусская ССР и социалистические страны: укрепление дружбы, сотрудничества, братства (1945–1987гг.) / *Г. Г. Сергеева [и др.]; под ред. И. М. Игнатенко.* – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 225.

13. НАРБ. – Ф. 914. – Оп. 4. – Д.591. – Л. 18.

14. НАРБ. – Ф. 914. – Оп. 4. – Д.13. – Л. 121.

15. НАРБ. – Ф. 914. – Оп. 4. – Д.323. – Л. 207.

16. НАРБ. – Ф. 914. – Оп. 4. – Д.523. – Л. 54.

Н.А. Иващенко (г. Гродно, Республика Беларусь)

МИФОЛОГИЯ В ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛОРУСОВ

В традиционной культуре любого народа значительное место занимают мифологические сюжеты, персонажи. Однако следует отметить, что о мифологии и мифологических образах в белорусской народной культуре широкому читателю известно не так много. Белорусоведение зародилось в начале XIX века. Было собрано значительное количество фольклорных материалов, но они публиковались очень дозированно. На протяжении последних нескольких десятков лет началось более масштабное издание белорусского фольклора, в том числе тех исследований, которые освещают мифологию и традиционную культуру белорусского народа [1].

Частью традиционной культуры белорусов являются циклы обрядов. Обряды – это совокупность общепринятых символично-знаковых действий, которые в концентрированном виде отражают образ жизни народа, особенности его хозяйственной деятельности, духовные представления, религию, мораль, социальную и этническую психологию и являются органической частью традиционно-бытовой культуры [2].

Истоки обрядовой культуры уходят в далёкое прошлое, в первобытное общество, когда человек начал осознавать своё место в природе и обществе, когда шёл процесс упорядочения и закрепления в жизненной практике определённых обычных и идейно-моральных норм, общественного этикета. Большинство белорусских обрядов имеют общеславянские истоки, но, в то же время, существует множество вариантов и особенностей,

характерных только для Беларуси или даже отдельных её регионов. Обряды исходя из содержания и функциональных особенностей условно подразделяются на производственные (трудовые), семейно-бытовые и общественные.

Основу жизнедеятельности белорусов с давних времён составляло аграрное хозяйство, что адекватно отражало сезонные ритмы природы, годовой народный календарь, поэтому соответствующие обряды называют чаще аграрно-календарными. Они концентрировались около таких праздников, как Коляды, Юрья, Сёмуха (Троица), Купалье, Спас, зажинки, дожинки, Богач, Покров и другие.

Сёмуха (Зеленец, Зелёные святки) древний земледельческий праздник календарно-обрядового цикла, который воплощал культ зелени, брака и предков. Сёмуха свидетельствовала об окончании весеннего периода: «На зеленец – весне конец». Накануне праздника дом и двор украшали зеленью («маем»): срубленные молодые деревца берёзы, липы, рябины ставили около входа с улицы; под балки прикрепляли ветки клёна; пол выстилали аиром, травой; украшали цветами стены и окна, а также иконы[3].

Накануне Сёмухи (в субботу) отмечали летние (сёмушные, троицкие) Деды. В этот день убирали могилы родичей; на севере Беларуси на Сёмуху приносили на кладбище неосвящённые зелёные яйца, покрашенные в отваре из молодой листвы. Ветки «мая» вставляли также в капустные грядки; верили, что это будет содействовать хорошему урожаю. Высохший «май» затем сжигали на купальском костре или подстиляли под стога и хлебные скирды, что имело магический смысл. В народном календаре Сёмуха считалась благоприятным днём для посева конопли, гречки, посадки капусты.

На территории Западного Полесья Беларуси на Сёмуху проводился обряд так называемого «куста». Исполняли его девушки. Молодую и самую юную красивую девушку наряжали Кустом: кленовыми, липовыми, берёзовыми веточками верхом вниз, связанными в основе, на голову одевали венок. «Девичье войско» во главе с Кустом по две в ряд (сначала старшие, затем подростки) обходили дворы, пели кустовые песни. В них величали Куст, хозяина, хозяйку, их детей, желали хорошего урожая, здоровья. За песни получали подарки. После окончания

обряда разрывали Куст, ветки и листья брали с собой, сушили. Считалось, что этим можно лечить определённые болезни (высохшие листья распаривали и прикладывали к ранам и нарывам). Вождение Куста заканчивалось коллективным застольем и танцами. Обряд Куста связан с культом предков и культом растений. В его основе лежат мифологические представления о пробуждающей силе Куста. К нему обращались с просьбой и заклинаниями поспособствовать достатку в хозяйстве, чтобы родили «жыта, пшаніца і ўсякая пашніца» [4].

Во многих местах Беларуси широко была распространена на Сёмуху ворожба, особенно плетение венков на берёзе. Каждый из венков задумывался на определённую особу, а хорошим знаком считалось, если венок не засыхал. Часто девушки плели венки из лечебных или чародейных трав и цветов (полыни, любистка, черёмухи и др.). Если брошенный в речку венок отплывал далеко, это означало, что сваты к девушке приедут издалека; если же он сразу прибывался к берегу, жених будет местный; если же венок тонул – нужно ждать скорой смерти[5].

На Сёмуху происходил обряд кумления. Девушки связывали верхушки берёзок и, проходя под созданной таким образом аркой «кумились» – целовались, становились подружками. В этот праздник не разрешалось купаться, строить ограду, делать бороны и др., чтобы не накликать гнев русалок (Русальная неделя начиналась сразу после Сёмухи)[6].

Наиболее важными среди семейно-бытовых обрядов – свадьба, рождение, новоселье, похороны, поминки. Некоторые праздники (Радуница, Деды, новоселье и др.) соединяли в себе черты календарной и семейной обрядности.

Наиболее устоявшимися и сохраняющими свои традиции, накопленные на протяжении столетий, в белорусской традиционной культуре – это дни поминовения предков: Деды и Радуница. В разных регионах Беларуси Деды (Дзяды) отмечали 3–4 и более раз в год. Поминовение умерших отмечалось перед Сырницей (Масленицей), Сёмухой (Троицей), на Пасху (Вялікдзень). Отдельным днём всеобщего поминовения предков было и остаётся на Беларуси Радуница (Радаўніца, Радоніца). Но основные поминальные обряды приходились на осень – это Осенины (Асяніны) или Дмитровские Деды, или «толстые»,

«главные» Деды. Осенины проходили субботним вечером через три недели после Покрова, перед Дмитрием (Змітрам, 26 октября (кастрычніка) по ст. ст.)[7].

Деды имеют два значения. Духи предков в славянской мифологии носят название дедов. Дедами также назывался отдельный обряд поминовения умерших родичей независимо от их пола и возраста. При этом первоначально Деды делились на женских и мужских предков – дедов и бабов. По свидетельству этнографов XIX в. на ранних этапах развития цивилизации славяне отмечали до 12 бабов и 12 дедов.

Ритуал Дедов не имел существенных различий на всей Беларуси. Накануне Дедов мужчины подметали подворье, укладывали дрова, убирали все хозяйственные и земледельческие орудия труда, беспокоились, чтобы всё было чисто убрано и на своём месте. Женщины же хлопотали в доме, готовили блюда, варили и жарили, мыли столы и лавы, а более всего убирали самое уважаемое место в доме – первый или красный угол и запечек (где по верованиям белорусов находился домовый, опекун рода и семьи). В некоторых регионах Беларуси перед ужином в день или накануне Дедов хозяева шли в баню (лазню), мылись, а потом они оставляли воду и веник для умерших предков. Подготовка бани для умерших подобна на обмывание их перед погребением [8].

Основными элементами обряда была богатая трапеза, которая состояла из 5, 7, 9, 11 и более обрядовых блюд[9]; обязательными были кутья, блины, клёцки, яичница, кисель, мясо. Шейн П., описывая Деды, даёт следующий список обрядовых блюд: квашенина (холодец из баранины), пироги, гречневая каша с салом, капуста с мясом, суп ячменный с мясом, горох сухой, оладьи из гречневой муки, мясо жареное. Стол был такой богатый, что это нашло отражение в следующей поговорке: «На Деды много еды».

На ужин собиралась вся семья и гости-родичи. Перед трапезой хозяин зажигал восковую свечу и ставил её перед иконами. В какую-нибудь посудину он клал горячие угли, бросал туда несколько кусочков воска и три раза кадил. Вся семья начинала молиться и опускаться на колени. После молитвы, когда

все садились за стол, глава семейства говорил следующие слова: Святые деды, зовём вас.

Святые деды, идите к нам!

Есть тут всё, что Бог дал,

Чем только хата богата.

Святые деды, просим вас,

Идите, летите к нам! [10].

В некоторых местах Беларуси верхник (окошко, прорубленное под потолком в доме) должен был быть обязательно открыт. В других местах двери в комнату не закрывали наглухо, чтоб души умерших могли свободно появиться на трапезе. Существовало поверье, что через окно влетают «маленькие» деды, в то время как «большие» входят через двери. Таким образом, души умерших приглашались на угощение в дом, а блюда предназначались в жертву небожителям.

Приступая к трапезе, каждый её участник стремился ненароком пролить на стол часть питья, а еду – ложку или кусок – отливал или откладывал в подготовленную для этого посуду. Эта посуда ставилась на окошко или за ним, в других местах – на могилах умерших. В некоторых регионах Беларуси дедам посвящалась первая ложка или первая чарка во время трапезы: её могли вылить под стол или поставить на окно. Все ужинали не спеша, начинали с блинов и сала, при этом блины клали на столешницу. Хозяин наливал чарку водки и говорил: «Дай им (дедам и всем умершим в его роде) Бог на том свете царства небесного.., а нам дай Бог здоровыми пожить на свете и за год дедов приждать».

– Дай, боже, дай боже! – отвечали все за столом и, выпив по чарке, начинали есть блины с салом. После блинов ели горох по одной ложке без соли, а после гороха угощались остальными блюдами. На Деды стремились поставить как можно больше блюд, чтобы деды были довольны и на следующий год послали благополучие в семью, чтобы они поспособствовали хорошему урожаю, приплоду скотины [11].

Е. Карский свидетельствовал следующее: «Участники трапезы прислушивались ко всякому шуму, не примечают ли каким-нибудь образом присутствие и появление душ. Разговоры велись только про дедов, под которыми понимались все умершие.

По окончании ужина все подымались из-за стола и прощались с дедами: Святые деды! Вы сюда прилетели.

Пили, ели,

Летите ж сейчас к себе.

Скажите, чего ещё вам нужно, а лучше летите на небо.

Кыш, кыш, кыш»[12].

Е. Раманов описывал приметы, связанные с этим обрядом, когда по окончании ужина свечки гасили хлебной коркой или блином. При этом наблюдали, куда идёт дым от свечи: если вверх, всё будет хорошо, если наклонно и особенно к двери – в семье кто-нибудь скоро умрёт.

Остатки еды оставляли на столе до утра. Считалось, что души небожителей слетаются ночью поужинать. Конец обряда заключался в том, что хозяин или хозяйка, налив полный стакан воды, поливали ей от стола до дверей, приговаривая при этом: «Что не доели-не допили, то идите на двор». Считалось, что произнесение этих слов выправляет души из дома до следующих Дедов[13].

Поминание дедов было для крестьян событием большой важности. Крестьяне-земледельцы считали, что умершие предки могут оказать воздействие на будущий урожай, на здоровье и благополучие семьи. Поэтому обряд Дедов предусматривал – угостить дедов как можно лучше, оказать им всяческое уважение, чтобы получить от них поддержку, заступничество.

Строительство жилья (дома) в народной традиции белорусов также обставлено разнообразными обычаями, обрядами, оберегами, которые характеризовали каждый из этапов строительства.

В Беларуси богатой лесом было широко распространено деревянное зодчество. Основными породами, которые использовались при строительстве, была хвоя, или сосна. Осина же в народных представлениях и мифологических сюжетах считалась деревом нехорошим и наделялась магическими функциями: забить осиновый кол в могилу усопшего чародея, чтобы его дух по ночам не пугал прохожих, или в след нехорошего человека, чтобы тот никогда не вернулся в поселение. По стародавнему обычаю заготавливать лес для

строительства дома лучше на исходе зимы или даже ранней весной, символично связывая это с пробуждением жизни. Запрещалось использовать деревья, поваленные бурей, иначе рано или поздно дом будет разрушен стихией; сухостой также не использовали, так как «сухоты» ненароком могут перейти на жильцов дома; решительно запрещалось использовать «святые» деревья, то есть, которые росли в святых рощах, около церкви, на кладбище [14].

При строительстве дома хозяин придирчиво относился к выбору места для жилья. В этом вопросе руководствовались как рациональными суждениями (удобство коммуникаций, характер грунта, окружающий ландшафт, соседство и т.д.), так и древними представлениями, которые на протяжении веков оказались очень жизнеспособными. Обычай не разрешал строить дом на перекрёстке путей и на заброшенных дорогах; народная молва связывала последние с «чертовыми дорогами». Неприемлемым для жилья считалось место, где раньше стояла баня (в мифологических сюжетах она часто фигурирует как пристанище ведьм). Проклятым называлось место, где произошло убийство или же были найдены человеческие останки [15].

Преимущество при выборе места для строительства отдавалось ранее обжитым, апробированным местам, где когда-то стоял дом, в котором мирно протекала жизнь её обитателей. Счастливым считалось место, которое облюбовал домашний скот, так как именно они рассматривались в славянской мифологии как символ домашнего достатка. В Северной Беларуси в качестве такого символа фигурировали любые животные, там, где они поселялись, место не может быть проклятым. В этой связи наблюдали за поведением насекомых, в частности мурашек, которые были своего рода «лакмусовой бумагой». Для этого в предварительно облюбованное место для жилья на ночь ставили посуду с мёдом; если утром сюда заползали мурашки, место считалось пригодным для дома. В Понеманье в качестве ритуальных предметов чаще всего использовали хлеб. Крестьянин, возведя нижний венец будущего дома, оставлял на ночь по углам кусочки хлеба; если хлеб до утра исчезал, место считалось ненадёжным, и венцы перемещались на другое место.

Закладка первого венца (закладзіны) также сопровождался особым ритуалом: в восточном углу вырубали небольшое углубление, в которое клали одну-две монеты; иногда рядом с монетами ставили «святую» воду и насыпали горстку зерна или кусочек хлеба. Зерно в обрядовой семантике исполняло роль плодородия и в качестве ритуального материала известно у многих европейских народов. На Полесье в качестве ритуальных атрибутов использовали хлеб, соль, мёд (в сотах); их клали также по углам начатого строительства.

Еще один этап строительства – возведение крыши – также наполнен характерными ритуальными нормами. После установки основы каркаса (ключей) вверху их, на ближней от улицы паре, закрепляли букет из веточек можжевельника, и хозяин приглашал отметить это событие, приглашая строителей и односельчан «на ветку». Когда крыша была готова, хозяин перекидывал через её освящённое яйцо и закапывал его на месте падения; это ритуальное действие расценивалось как оберег от несчастных случаев и стихийных бедствий. Самый верх крыши оставляли на неделю-другую не покрытым («чтоб из дома вышел «нечистый дух») [16].

Дом считался законченным, когда в нём была сооружена печь. Печь выступала символом тепла и уюта, она отождествлялась с семейным очагом. Чтобы печь давала лучшее тепло, её, по поверьям, необходимо было класть (сбивать) в полнолуние; истопленная впервые, она должна сначала дать приют и своё тепло чужому человеку, старцу убогому. Такой ритуал «задабривания» печи сохранялся на Полесье ещё в начале XX в. В Подвинье же вместо случайных людей новую печь могли обжить знакомые, соседи, а иногда достаточно было погреться первый раз кошке или собаке.

Новоселье (улазіны, уваходзіны) в народной традиции расценивалось как большой семейный праздник. Его стремились осуществить в полнолуние: полная луна – полный достаток, полные закрома хлеба. На ночь перед заселением в дом пускали петуха или кошку, которые должны были принять на себя возможное зло. По языческим поверьям славян, петух своим пением отпугивал нечистую силу и служил своего рода оберегом. Начинали переход в новый дом после обеда или же вечером. Из

старого дома брали огонь из очага (горшок с углями) и торжественно несли в новый дом; при зажжённой свече переносили иконы.

В числе первых предметов, которые переносили в новый дом, очень часто упоминают дежу. Функциональное предназначение дежи, связанной с культом хлеба, обусловило её особую роль среди домашней утвари. Дежу с тестом торжественно переносили в новый дом и ставили в красный угол. В числе других предметов, которые исполняли в новоселье определённое ритуальное значение в разных регионах Беларуси, фигурируют кочерга, вилки, хлебная лопата.

Фольклористы зафиксировали своеобразный обычай новоселья (уваходзін) в Подвинье. Прежде чем войти в новый дом, туда бросали клубок ниток; держась за нитку, хозяева неспешно входили в свои новые «владения» по старшинству. Иногда хозяин, зайдя в дом первым, подавал оттуда пояс и «затягивал» остальных членов семьи [17].

Обряды характеризуются консервативностью и стабильностью, но в историческом времени претерпевают эволюцию, аккумулируя изменения в социальных отношениях и духовной жизни этноса. На крутых поворотах истории происходит разрыв между традиционной народной и профессиональной культурой, что имеет значительную разрушающую силу и приводит к отчуждению между народом и интеллигенцией, к бесдуховности. Но есть вещи, которые особенно дороги любому народу, которые имеют особенный символический смысл, несут в себе информацию об историческом прошлом народа. Как реликвии и историко-культурные памятники они формируют национально-государственный имидж, воспитывают многие поколения в соответствии с национальными традициями, нормами морали и духовной жизни. Трансформируясь и утрачивая часть своей сущности обряды продолжают присутствовать (жить) в современном белорусском обществе, помогая в идентификации белорусов как самостоятельного этноса, в тоже время имеющего общеславянские корни.

Примечания

1. Беларуская міфалогія: Дапам. / уклад. У.А.Васілевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 2002. – 208 с.; Лозка А.Ю. Беларускі народны каляндар. – Мінск: Польша, 2002. – 240 с.; Шамак А.А. Міфалогія Старажытнай Беларусі. – Мінск: Сэр-Віт, 2004. – 240 с.; Беларуская міфалогія: Энцыкл. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – 529 с.; Крук Я. Колесо времени: традиции и современность / Янка Крук, Оксана Котович. – Минск: Беларусь, 2005. – 350 с.

2. Народная культура Беларусі: Энцыкл. давед. / пад агул. рэд. В.С.Цітова. – Мінск: БелЭн, 2002. – С. 9.

3. Там же. – С. 346.

4. Там же. – С. 213–214.

5. Там же. – С. 346.

6. Там же.

7. Гурко А. Дзяды, альбо Дні памінання памерлых на Беларусі // Гродзенская праўда. – 2000. – Кастрычнік. – С. 9.

8. Там же.

9. Народная культура Беларусі. – С. 7–9.

10. Гурко А. Указ. соч. – С. 9.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.

14. Цітоў В.С. Этнаграфічная спадчына: Беларусь: Традыцыйна-бытавая культура. – Мінск: Беларусь, 2001. – С. 74, 78–79.

15. Там же. – С. 77.

16. Там же. – С. 79–80.

17. Там же. – С. 80–81.

Т.С. Супранкова (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ФАЎСЦІЯНА Ё П'ЕСАХ С. КАВАЛЁВА

Фаўсціяна як адзін з ключавых топасаў сусветнай культуры з эпохі Адраджэння стала адметнай часткай нацыянальных культур і літаратур. У сучаснай беларускай драматургіі можна ўбачыць таксама яго функцыянаванне, у першую чаргу выдзяляецца ё гэтым накірунку літаратурная спадчына Сяргея Кавалёва, драматурга і дзіцячага пісьменніка, навукоўца і літаратурнага крытыка. Сваімі п'есамі ён вядомы далёка за межамі Беларусі і стварыў арыгінальны жанр, які характарызуе ў артыкуле “Герменеўтычная драматургія, або актуалізацыя забытых сэнсаў” наступным чынам: “Як гісторык літаратуры і драматург у адной асобе, я займаюся герменеўтычнай драматургіяй: спрабую актуалізаваць у сучаснай тэатральнай культуры адметныя помнікі літаратурнай спадчыны, ажывіць забытыя сэнсы і значэнні” [1]. У беларускага драматурга свой метада асучасніваць старажытныя сюжэты: ён “перакладае” шэдэўры і малавядомыя творы мінулых стагоддзяў на мову сучаснай беларускай драматургіі з мэтай мадэрнізаваць і актуалізаваць літаратурную спадчыну. Даследчык яго творчасці Ф.В. Драбеня так тлумачыць асаблівасць жанру герменеўтычнай п'есы: “Драматург дасылае сваю інтэрпрэтацыю, нярэдка іранічную, сярод якіх і адносна папулярныя тэксты, і вядомыя толькі спецыялістам-філолагам помнікі беларускай літаратуры, распрацоўваючы «патаемны», «сакральны» сэнс класічных сюжэтаў” [2]. Сярод такіх старадаўніх беларускіх і заходнееўрапейскіх сюжэтаў можна адзначыць “Звар’яцелага Альберта” (1991), “Трышчана ды Іжоту” (1993), “Баладу пра Бландою” (1995), “Чатыры гісторыі Саламеі” (1996), “Стомленага д’ябла” (1997), “Францішку, або Навуку каханя” (1999), “Тараса на Парнасе” (2001), “Легенду пра Машэку” (2003) і інш.

П'еса “Стомлены д’ябал”, найяскравейшая праява фаўсціяны, адсылае нас перадусім да прыповесці аб грэхападзенні і з’яўляецца рымейкам на “Камедыю” драматурга часоў Асветніцтва Каятана Марашэўскага, дзе ўпершыню ў беларускай драматургіі раскрываецца гэта тэма, і “Птушку шчасця” прадстаўніка “новай драмы” у беларускай літаратуры Францішка

Аляхновіча. Аўтар фантасмагорыі так каментуе свой зварот у прыватнасці да гэтай тэматыкі і тлумачыць жанравую спецыфіку твора: “Па-першае, герменеўтычная драматургія вельмі патрэбная сучаснаму беларускаму тэатру, якому відавочна бракуе нацыянальнага рэпертуару XVI–XIX стст. <...> Па-другое, старадаўнія тэксты захоўваюць у сабе важныя сэнсы і значэнні, нацыянальныя і сусветныя архетыпы, забытыя на многія стагоддзі, але, магчыма, актуальныя менавіта для нашай эпохі. Напрыклад, выкарыстанне разнастайных элементаў з твора К. Марашэўскага і Ф. Аляхновіча ў п’есе «Стомлены д’ябал» дало мне магчымасць распавесці ўніверсальную, але разам з тым беларускую гісторыю пра звычайнага чалавека, пра ягоныя пошукі шчасця і прычыны няшчасцяў. Я паспрабаваў падсумаваць пэўны досвед – жыццёвы і літаратурны – сваіх слаўтых папярэднікаў у вырашэнні адвечных экзістэнцыяльных праблемаў, актуальных для чалавека як у XVIII стагоддзі, так і ў нашыя дні. Па-трэцяе, я не ствараю класічныя інсцэніроўкі, а проста запрашаю рэжысёра, актораў і гледачоў далучыцца да захапляльнай гульні з тэкстам; для мяне важны не толькі семантычны, але таксама гульнівы аспект прадстаўлення” [3].

Адштурхоўваючыся ад тэрміна “рэмэйк”, Сяргей Кавалёў лічыць свае п’есы “герменеўтычнымі”, падкрэсліваючы пры гэтым уласную метадыку даследавання і па-постмадэрнісцку заклікаючы свайго чытача да падобнага даследавання: “Па-першае, герменеўтычная п’еса, як і навуковае даследаванне, набліжае нас да разумення літаратурнага твора, да прачытання актуальных сэнсаў, закладзеных у гэтым творы. Па-другое, у падобнай п’есе разнастайныя элементы дэканструяванага твора адыгрываюць такую ж актыўную ролю, як, напрыклад, учынкi герояў” [4]. Сапраўды, выкарыстоўваючы гульніваю канцэпцыю літаратуры, драматург прымяняе такія прыёмы постмадэрнізма, як інтэртэкстуальнасць, цытацыю, постмадэрнісцкую іронію, адкрыты фінал, што дае магчымасць дадумаць канцоўку ў адпаведнасці з уласным разуменнем твора.

Даследчык сучаснай беларускай драматургіі Ф. В. Драбеня наступным чынам характарызуе такую асаблівасць драматычных твораў С. В. Кавалёва: “Драматург знайшоў менавіта той спосаб, каб зацікавіць гледача, каб на яго п’есы ішлі зноў і зноў.

Гульнявы пачатак, які народжаны фантазіяй, пачынаюць любіць, як «глыток свабоды» сярод шэрых дзён. У мастацкай літаратуры расце цікавасць да забаўляльнасці, замацоўваецца звычка «жартаваць» над жыццём, забаўляцца «цацачным» светам. Літаратурная гульня разам з мастацкім свабодалюбствам, з іроніяй і жартамі – старажытная зброя супраць недатыкальнасці твораў класікаў літаратуры, супраць стварэння звышідэалаў» [5].

Герменеўтычная п'еса звяртаецца да ўжо вядомых літаратурных сюжэтаў, але яе аўтар праяўляе поўную свабоду ў стварэнні ўласнага мастацкага свету. Такім чынам, дадзены жанр заклікае нас да дыялогу: так ці інакш, трэба параўнаць творы, герояў, эпохі, паспрабаваць “прачытаць” альязіі і рэмінісцэнцыі на вядомыя ўжо творы (безумоўна, чытач таксама мусіць быць падрыхтаваны), параўнаць жанры і стылістыку. Такога кшталту інтэртэкстуальнасць Ф.В. Драбеня тлумачыць так: “У сучаснай беларускай драматургіі варта звярнуць увагу на інтэртэкст. Нярэдка тэкст п'есы зразумелы толькі дзякуючы функцыянаванню папярэдніх яму тэкстаў, якія трансфармуюцца, уздзеяннічаюць на яго. Выкарыстоўваюць беларускія драматургі таксама іншародны тэкст, звязаны з п'есай тэматычна, парадыйна, або п'есы, якія могуць растлумачыць п'есу з іншага пункту гледжання. Інтэртэкстуальнасць выяўляецца і тады, калі ў адных і тых жа дэкарацыях, з удзелам адных і тых жа акцёраў драматург стварае «тэкст у тэксце», «п'есу ў п'есе», дзе перагукваюцца іншыя тэксты” [6]. Падобную характарыстыку даследчык паглыбляе ў іншай працы: “Асаблівасцю твораў С. Кавалёва можна лічыць сталае выкарыстанне прыёму «*тэатр у тэатры*», а таксама значнасць для яго п'ес рамачных структур (падзагалоўкаў, прысвячэнняў, эпіграфіаў, уводзін, прадмоў, пралогаў, эпілогаў) [7]. Ф.В. Драбеня так тлумачыць неабходнасць падобных сродкаў: “Эстэтыка сучаснага драматургічнага мастацтва сцвярджае неабходнасць выкарыстання ўсіх жанравых структур, якія склаліся ў мінулым, і тых, якія толькі пачынаюць сваё існаванне. Багатая палітра драматургічнага мастацтва арыентавана на мастацкае ўзнаўленне і рэканструкцыю ўсёй паўнаты чалавечага жыцця” [8].

З самага пачатку п'есы С. Кавалёва мы бачым уступную частку, якая прадстаўлена матывам наракання галоўным героям

Яськам на прабацьку Адама, які вінаваціць таго ў сваіх пакутах. Такі пачатак адсылае нас да ўступнага маналогу селяніна Дзёмкі з “Камедыі” К. Марашэўскага: “Каб то Адам, першы наш ацц, не саграшыў, так бы і мы гэтак не працавалі б. Ох! Дурак ты, дурак! Нашто табе было ірваць яблык з дзерава праклятага? Прападзі яно! Каб мне не велена было, то бы я ані парухаў бы, а што горшае, ані парухаў бы. А мы б у раю, як паны б на зямлі, жылі б, клопату жаднага не мелі б, аб сярмягу тагды бы не клапаціліся б і голыя б у раю перахадзілі б” [9].

Галоўнага героя “Стомленага д’ябла” Яську наведваюць падобныя думкі. Ён у распачы ад сваёй нялёгкай долі і хоча нават скончыць жыццё самагубствам: “Конча, сёння павешуся. Не збаюся ўжо, як тады. Чым жыць так пагана, як мы цяперака жывём, – лепш у пятлі задушыцца. Усё нам насуперак ідзе. Нічога не ўдаецца так, як мы хочам! А калі раптам нешта здарыцца з нашай волі, дык нам жа на бяду. І ўсе вакол смяюцца з глупства, якое мы ўчынілі. Пэўна, Бог выракся нас і пакінуў на з’яданне Д’яблу <...> Эх, каб гэта Адам, бацька наш першы, не саграшыў, дык мы б цяпер так не гаравалі. Навошта ён, дурань, паслухаўся Еву і сарваў яблык з праклятага дрэва? Не мог узяць у рукі які дрын ды ўсыпаць настырнай бабе як след за яе цікаўнасць?” [10]. Падобны пачатак мае і “Птушка шчасця” Ф. Аляхновіча. Такім чынам, беларуская рэцэпцыі прыповесці аб грэхападзенні яднае аднолькавы ўступ – нараканне мужыка на прабацьку Адама, з-за якога пакутуе ўвесь род людскі, у тым ліку і беларускія сяляне. Дарэчы, матыў самазабойства ў “Стомленным д’ябле” гучыць даволі іранічна, тым не менш, нельга не правесці паралель з першай сцэнай “Ноч” першай часткі “Фаўста” Ё.В. Гётэ, дзе Фаўст у адчаі ад няздольнасці рэалізаваць назапашаныя гадамі кніжныя веды і хутка прыдзе да таго, каб пазбавіць сябе жыцця.

Завязка дзеяння пачынаецца з фаўсціянскага матыву “кантракта з нячыстай сілай”, што можна назіраць у К. Марашэўскага і С. Кавалёва. Ф. Аляхновіч выкарыстоўвае іншы прыём – матыў сна, з дапамогай якога галоўны герой Янка пераносіцца ў рай, дзе пра “забаронены плод” яму распавядае міфалагічны персанаж Лясун (п’еса была створаная ў 1920 годзе, калі ў грамадстве адбываўся крызіс хрысціянскіх каштоўнасцей і

прадстаўнікі нацыянальнага адраджэння шукалі новыя сродкі стварэння самабытнай беларускай міфатворчасці) [11]. У “Камедыі” і “Стомленным д’ябле” перад галоўным героем нячыстая сіла прадстае ў даволі банальным абліччы. Але хутка справа ідзе да закладу – заключаецца пары з Д’яблам. Праўда, Чорт з “Камедыі” адразу дае зразумець, што ў выніку пройгрыша душа Дзёмкі трапляе ў пекла. У Стомленага д’ябла ж іншая матывацыя.

Яшчэ ў ананімным творы эпохі Адраджэння “Легенда аб доктары Фаўсце” галоўны герой, заключаючы кантракт з чортам, закладваў сваю душу [12]. У часы Асветніцтва Ё.В. Гётэ пад уплывам Г.Э. Лесінга прапануе апраўдаць Фаўста, паколькі чалавечыя імкненні да добра і раю на зямлі, пошук праўды і прабачэнне каханай перавешваюць злыя ўчынкі на шлях правасуддзя. Тым больш, што Гётэ прапісвае новыя ўмовы дамовы: іх дыктуе сам Фаўст і тэрмін дзеяння не абмяжоўваецца дваццацю чатырма гадамі.

Д’ябал у С. Кавалёва таксама не палохае Яську пякельнымі жахамі. Калі Мефістофель у Ё.В. Гётэ “частка сілы той ліхой, дабро ўтвараецца з якой” [13] (у арыгінале “частка той сілы, якая пастаянна хоча зла і пастаянна здзяйсняе дабро” [14]), то Д’ябал імкнецца да добра і хоча ў рай: “Я стаміўся, Яська. Як ты ведаеш, калісьці вельмі даўно я быў Анёлам і жыў у раі. Але потым з-за сваёй пыхі паўстаў супраць Бога і быў скінуты ў пекла. Я думаў, што я сам змагу быць Богам і збудую сабе іншы, яшчэ лепшы Сусвет! Але я памыліўся, Яська. Я не Бог, я нічога не магу стварыць, магу толькі разбураць і псаваць створанае Богам” [15]. Перад намі вобраз, блізкі Сатане Мілтана, які здольны на навяртанне і ўсведамленне сваіх памылак, таксама ён здольны і на высокі альтруістычны ўчынак – выратаванне чалавецтва.

Больш за тое, аўтар п’есы давярае ролю выхавацеля чалавецтва Стомленаму д’яблу! Гэты персанаж прадстае перад намі ў незвычайнай для яго ролі – маралізатара, які наракае на тое, што людзі зрабілі з гэтым светам: “Але і на зямлі цяпер цяжка знайсці добрае месца для адпачынку. Скажы, у што вы, людзі, ператварылі сваё жытло? Паўсюль пануюць гвалт і нянавіць, зайздрасць і ашуканства” [16]. Жыхары зямлі забыліся на ўніверсальныя каштоўнасці, згубілі агульначалавечыя

арыенціры і апошнія шляхі да Бога. Як гэта ні парадаксальна, цяпер Д’ябал імкнецца наблізіцца да Усявышняга і становіцца ініцыятарам ідэі выратавання Сусвету.

Галоўная задача Д’ябла – даказаць Яську, што віна ў бедах, якія адбываюцца навокал, ляжыць на самім чалавеку. Селянін шукае вінаватых паўсюль, а сябе і ўласную слабасць апраўдвае. Паміж нячысцікам і чалавекам па сутнасці ніякай дамовы няма: чорт прапануе паўдзельнічаць у эксперыменце, але, згодна законам герменеўтычнай п’есы, чытач чакае, якім жа будзе момант расплаты і калі ён надыдзе.

Падобна Фаўсту, Яську прапанавана стаць прадстаўніком роду чалавечага, які можа выратаваць усё чалавецтва: “Ты можаш выправіць памылку Адама. Ты наракаў, што ад цябе нічога не залежыць, што ты нічога не можаш. Зараз ад цябе залежыць усё, ты можаш выратаваць увесь Сусвет, Яська” [17]. Пасля двух няўдалых выпрабаванняў Д’ябал з распаччу прамаўляе да галоўнага героя: “Пры чым тут суседзі? Не яны, а ты кляўся датрымаць слова. Я ў цябе паверыў, а не ў іх. Цябе выбраў, каб выратаваць твой народ і ўсё чалавецтва” [18]. Матыў выбрання Фаўста можна сустрэць у завязцы гётэўскага твора – у “Пралогу на небе”, дзе Госпад прадстаўляе Мефістофелю лепшага чалавека з роду людскога і яны паміж сабой заключаюць пары аб яго годнасці: “Гасподзь: «Ты знаеш Фаўста?» / Мефістофель: «Доктара?» / Гасподзь: «Майго слугу!» / Мефістофель: «Іду ў заклад – не скажа “дзякуй Богу”! / Я толькі ў вас дазволу папрашу / Павесці Фаўста на маю дарогу». / Гасподзь: «Пакуль жыве ён, за яго душу / І без майго дазволу можаш ты змагацца: / Пакуль імкнецца, можа памыляцца!»” [19].

У выніку ні Фаўст не праходзіць без памылак выпрабаванне, ні Яська пасля трох іспытаў не апраўдаў спадзяванняў. Важна звярнуць увагу ў “Фаўсце” і ў “Стомленным д’ябе” на адзін бясспрэчны факт: звышнатуральныя сілы цалкам аддаюць усю выканаўчую функцыю ў рукі чалавека, імкнучца стварыць з яго каваля ўласнага шчасця. Для эпохі Асветніцтва такая трактоўка законаў Сусвету тлумачылася ідэямі дэізму (дэістам па поглядах быў і Ё.В. Гётэ). У п’есе С. Кавалёва мы таксама можам назіраць падобныя пераклічкі з гэтымі ідэямі: “Пэўна, Бог выракся нас і пакінуў на з’яданне д’яблу” [20], – так наракае на свой гаротны

лѣс Яська пры чарговай спробе самазабойства. Дарэчы, з вуснаў Д’ябла гучыць наступная прамова ў дэістычным духу: “Вось ужо дзве тысячы гадоў, як я не ўмешваюся ў вашыя справы. І што ад гэтага змянілася? Чалавек сам, без маёй дапамогі і нават насуперак майму жаданню, ператварае зямлю ў пекла! Прыдумвае такія рэчы, ад якіх мне робіцца страшна. Прызнаюся, я адчуваю сябе тут, сярод вас, у бяспецы. (З настальгіяй). Я стаміўся. Я хачу назад у рай” [21].

Як у “Фаўсце” Ё.В. Гётэ звернута ўвага і на ўнівесальныя, і на нацыянальныя аспекты жыцця, так і ў “Стомленным д’ябле” С. Кавалёва можна адчуць, што Яська – прадстаўнік не толькі беларускага сялянства, ніжэйшага класа па сацыяльнай прыступцы, але і алегарычнае ўвасабленне нашчадка Адама, які вымушаны зарабляць свой хлеб у поце твару. Калі першыя два выпрабаванні галоўнага героя былі алюзіямі на “Птушку шчасця” і “Камедыю”, то трэцяе адсылае нас да “Раскіданага гнязда” Янкі Купалы. Менавіта тут Яська не здае іспыт на пачуццё нацыянальнай годнасці, на патрыятызм, застаючыся “тутэйшым”. Не дарма, зноў не стрымаўшы слова, ён апытанаецца не ў пекле, а ў нейкім вар’яцкім сне. Не здолеўшы сам абудзіцца ад сну, герой герменеўтычнай п’есы “паглыбіцца” ў сон, які давядзе яго да наступнага вар’яцкага ўчынку – забойства Д’ябла. Такім чынам, у гэтай фантасмагорыі мы можам убачыць, як драматург узводзіць мастацкія вобразы да абагульненых сімвалаў і алегорый.

За трэцім правам іспыту следуе таямнічая фантасмагорыя, падобна таму, як Фаўст пасля забойства Валянціна, не без дапамогі Мефістофеля, пераносіцца ў Вальпургіеву ноч. Таксама у “Фаўсце” падчас гэтых жудасных фантасмагорый адбываецца вар’яцтва Грэтхен, каханай Фаўста, і вар’яцтва Паўлінкі, жонкі Яскі. Матыў звар’яцання суправаджаецца і азарэннем: Грэтхен у цямяніцы робіць свядомы выбар аддацца Божаму суду, а Паўлінка з’яўляецца перад намі зноў у апошняй сцэне, каб дапамагчы мужу.

Шляхам выпрабаванняў Яська ўсё ж прыходзіць да важнага адкрыцця: віну трэба шукаць у самім сабе: “Канец свету! Што мы тут робім? Чаму сядзім у гэтай бруднай карчме? Не справіўся я, горшы я за Адама! Дык бяры мяне і цягні ў пекла” [22]. На гэтую рэпліку яму адказвае Д’ябал: “І ніхто, Яська, не вытрымае.

Чалавек слабы, занадта слабы. Таму няма для нас раю: ні для цябе, ні для мяне. Дзверы зачыніліся назаўсёды. А можа, няма і пекла, толькі гэтая карчма? Можа, няма нам куды адсюль ісці? Няма Бога і няма мяне! Толькі ты, Яська, ёсць, толькі ты...” [23]. Такім чынам, нячыстая сіла наводзіць героя на думку аб тым, што кожны мусіць сам несці адказнасць за ўсе свае дзеянні і не мае ніякага маральнага права папракаць іншых, калі сам не здольны прайсці выпрабаванне годна.

Апошнім іспытам Яські становіцца спакуса Карчмара, які падбухторвае героя забіць д’ябла. Нават аргументы прыводзяцца рацыянальныя – гэта ж святы хрысціянскі абавязак. І Яська забівае... а пасля шкадуе.

Апошняя сцэна прадстаўлена ў дэкарацыях першай: глухая мураваная сцяна, жалезная бэлька, з якой звісае вярочная пятля, а пад пятлёй сядзіць Яська з акрываўленым нажом у руцэ. У распачы ён зноў спрабуе здзейсніць самазабойства. Але раптам перад ім з’яўляецца Д’ябал, апрануты ў белую вопратку. Між героямі адбываецца наступная размова: “*Яська*: «Стой, ты куды?» / *Д’ябал*: «Як куды? У рай. Душа нявінна забітага...» / *Яська*: «А як жа я?» / *Д’ябал*: «Ты? Ты мне больш не патрэбны. І я вам таксама. Навошта вам Д’ябал, калі вы ў Бога не верыце?»” [24].

Пасля Д’ябал знікае і шчыльна зачыняе дзверы за сабой. Яська крычыць яму ў след, каб забраў і яго з сабой. Тут ужо ў цвярозым розуме перад намі з’яўляецца Паўлінка, якая спрабуе яго супакоіць: “Я прыгатавала смачную вячэру. Сяджу, чакаю, а цябе ўсё няма і няма. Пайду, думаю, пагляджу, дзе мой Яська падзеўся. Хадзем дадому, любы. Хадзем, мой каханы” [25]. Такім чынам, герой зноў, нібы з нейкага сну, вяртаецца ў сваю звыклую рэальнасць, да сваіх штодзённых абавязкаў. Але п’еса заканчваецца не тым, як цяпер зноў шчасліва заживуць галоўны герой з жонкай, але ў фінале гучыць наступная рэмарка: “І ў самае апошняе імгненне чуваць ціхае рыпенне, дзверы ў сцяне прыадчыняюцца, і скрозь шчыліну прасочваецца тонкі праменьчык святла” [26]. Сам аўтар наступным чынам тлумачыць такую канцоўку: “Нарадзіўся такі фінал з тэалагічнага пастулата, што напрыканцы існавання ўсе грэшнікі будуць выратаваныя, і самому апошняму Бог даруе Д’яблу” [27]. Зноў вобраз святла як надзеі на выратаванне фігуруе ў канцы п’есы, заклікаючы да

далейшага дыялогу ў інтэрпрэтацыі беларускага варыянту прыповесці аб грэхападзенні.

Яшчэ адной алюзіяй на фаўсціяну з'яўляецца герменеўтычная п'еса “Звар'яцелы Альберт”, якая характарызуецца яе аўтарам як “п'еса-містыфікацыя ў 2-х дзях паводле твораў Яна Баршчэўскага” і заклікае чытача да дыялогу з апавяданнямі беларускага рамантыка. У ёй мы можам пазнаць герояў з “Шляхціча Завальні, альбо Беларусі ў фантастычных апавяданнях” і генеральныя ідэі зборніка. Паколькі ў творах рамантыка Баршчэўскага можна знайсці шмат якія матывы фаўсціяны (дамова з нячыстай сілай, вобраз Вечна Жаночага, выкліканне духаў, вера ў навуку і прагрэс і інш.), яны прадстаюць і на старонках п'есы С. Кавалёва.

У цэнтры п'есы – гісторыя вар'яцтва галоўнага героя Альберта, які водзіць сяброўства з Чарнакніжнікам і Белай Сарокай, што ўвасабляе, па словах самага Альберта, нячыстую сілу: “мне ўсё роўна, каму прадаваць душу: д'яблу ці Белай Сароцы. А можа, гэта адна і тая ж асоба?” [28]. Зло, якое робяць гэтыя адмоўныя персанажы, не столькі знешняе, колькі тычыцца праблемы занябання гістарычнай памяці (Альберт звар'яцеў, паколькі хоча пабудаваць сабе новы маёнтак на могільках). Дзеля багацця яны гатовыя закласці душу. Лёкай Карпа кладзецца ў труну да нябожчыка і вырашчвае цмока, каб разбагацець і “купіць” каханне Агапкі. А пакаёўка Агапка гатовая пайсці ў пекла за першым сустрэчным малойцам-цмокам.

Героі самі не заўважаюць, як здраджваюць агульначалавечым ідэалам і губяць саміх сябе, бо гульні з нячыстай сілай заўсёды прыводзяць да трагедыі. Праз гэта гінуць нявінныя людзі: жонка звар'яцелага Альберта Амелія раптоўна натыкаецца на пакой Чарнакніжніка і, выклікаўшы духа Нікітрона, вымушаная загінуць з-за гэтага. Нельга не ўзгадаць тут і герояў “Фаўста” Гётэ: Мефістофель разам з Фаўстам, хоць і ўскосна, прыносяць гібель Маргарыце, яе маці, брату, дзіцяці, Філемону і Баўкідзе. Як і Маргарыта пасля зямной смерці, Амелія становіцца заступніцай за каханага ў свеце іншым. Паказальнай у гэтым плане з'яўляецца фінальная сцэна, калі галоўны герой Альберт раскайваецца ў сваіх злых учынках, а душа яго каханай Амеліі з'яўляецца яму: “Хутка звон і ранішняя малітва прывітаюць

узыход сонца і разгоняць змрок. Гэтых звяроў я не баюся, але цябе яны могуць згрызці, дык не адыходзь ад мяне” [29].

Герменеўтычная п’еса заканчваецца словамі надзеі – малітвай за Беларусь, якую чытаюць акцёры, што выконвалі ролі шляхціца Завальні і Плачкі, адныя з самых светлых персанажаў твора, якія з’яўляюцца алегорыямі верных сыноў сваёй Бацькаўшчыны і вобраза Радзімы. Яны – знак таго, што не ўсё яшчэ згублена і што страчаны залаты век магчыма вярнуць.

Такім чынам, у п’есах С. Кавалёва можна назіраць, што топас фаўсціяны праяўляецца ў матывах “забароны і парушэння”, “кантракту з нячыстай сілай”, ідэі выратавання ўсяго роду чалавечага, увядзенні фантасмагарычнага жанру, вар’яцтве, спробе самазабойства, галоўныя героі твораў – прадстаўнікі і ўсяго чалавецтва, і разам з тым канкрэтныя людзі, прадстаўнікі канкрэтнага часу і краіны, таму поруч з універсальным важным з’яўляецца і нацыянальны аспект.

Заўвагі

1. *Кавалёў С.* Стомлены д’ябал: п’есы. – Мінск, 2004. – С. 3, 9, 10, 15, 17, 18, 17, 34, 15, 18, 44, 44, 49, 50, 50, 10, 111.

2. *Драбеня Ф.В.* Беларуская драматургія канца ХХ–пачатку ХХІ стст.: жанрава-стылёвыя тэндэнцыі: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2007. – С. 11.

3. *Кавалёў С.* Указ. соч.

4. Там же.

5. *Драбеня Ф.В.* Жанравая спецыфіка драматургіі С. Кавалёва // Матэрыялы VII республіканскай навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў Беларусі (НИРС–2002): в 2 т. – Т. 2. – Новополоцк, 2002. – С. 10.

6. *Драбеня Ф.В.* Кампазіцыйныя асаблівасці сучаснай беларускай драматургіі // Куляшоўскія чытанні. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 24 красавіка. – Магілёў, 2009. – С. 25.

7. *Драбеня Ф.В.* Беларуская драматургія канца ХХ–пачатку ХХІ стст.: жанрава-стылёвыя тэндэнцыі. – С. 11.

8. *Драбеня Ф.В.* Актуалізацыя традыцыйных жанраў у сучаснай беларускай драматургіі // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Серыя А. Гуманітарныя навукі. – Полацк, 2010. – С. 125.

9. *Мараішэўскі К.* Камедыя // Хрэстаматыя па гісторыі беларускага тэатра і драматургіі: у 3 т. – Т. 1. – Мінск, 1997. – С. 58.

10. *Кавалёў С.* Указ. соч.

11. *Аляхновіч Ф.К.* Птушка шчасця: п’еса ў 3-х актах са спевамі і танцамі. – Вільня, 1922.

12. Народная книга/ пер. с нем. Р.В. Френкель // Легенда о докторе Фаусте. – М., 1978. – С. 35–120.

13. Гётэ Ё.В. Выбранные творы/ уклад., прадм. Л. Баршчэўскага і П. Копанёва, камент. Л. Баршчэўскага і В. Сёмухі. – Мінск, 1999. – С. 191, 159–160.

14. Goethe J.W. Faust. Der Tragoedieerster Teil. – Stuttgart, 1995. – S. 39.

15. Кавалёў С. Указ. соч.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. Гётэ Ё.В. Выбранные творы.

20. Кавалёў С. Указ. соч.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же.

25. Там же.

26. Там же.

27. Там же.

28. Там же.

29. Там же.

Н.Л. Мысливец (г. Гродно, Республика Беларусь)

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Образы прошлого являются одним из базовых структурных компонентов исторической памяти и одной из основ представлений людей о прошлом. Историческая память содержит множество образов прошлого: это образы исторических событий и персонажей, создаваемые в художественных произведениях; образы наиболее ярких общественных и политических деятелей, военачальников и полководцев, ученых и изобретателей, писателей и поэтов, художников и музыкантов, сохраняющиеся в народной памяти; наконец, образы повседневности и домашнего быта, жизненного уклада, обычаев и традиций, которые хранит семейная историческая память.

Среди множества таких образов выделяют новые и традиционные, центральные и периферийные, постоянные

(составляющие каркас исторической памяти) и переменные (подверженные забвению и, соответственно, организованной или спонтанной актуализации), эталонные, типичные и уникальные. С течением времени все они подвергаются определенной переоценке, некоторые из них приобретают особый резонанс, а другие, напротив, подлежат забвению. Их актуализация и реконструкция позволяют воссоздавать подлинные картины прошлого, формировать у подрастающих поколений интерес к его познанию, служат средством воспитания гражданственности и патриотизма.

Образ прошлого в целом представляет собой обобщенное чувственно-рациональное его отражение, структурно перекликающееся с историческим нарративом. Российская исследовательница Л.Н. Мазур определяет образ прошлого как устойчивую абстрактно-символьную модель исторической реальности, которая представлена в массовом сознании [1].

Образы прошлого характеризуются особенностями пространственно-временной организации, языкового выражения, свойствами коммуникативности и целостности. В них находят отражение как единство общего и конкретного, что часто определяется через категорию типичного, так и единство эмоционального и рационального, субъективного и объективного. Сила их воздействия на сознание во многом определяется присущей им внутренней противоречивостью, которая, однако, не должна разрушать их целостность.

В последние годы все более пристальным вниманием исследователей, которые обращаются к изучению исторического прошлого, пользуются сюжеты, связанные не с описанием тех или иных событий, а с особенностями их восприятия современниками и потомками, философами и историками, социологами и культурологами, политологами и психологами. Такие проблемы имеют междисциплинарный характер, требуют согласования и доработки понятийного аппарата, привлечения новых источников и методов их изучения.

Как пишет Г. Джилардони, «среди многих возможных вариантов интеграции в качестве одного из наиболее перспективных зарекомендовал себя тот, что осуществляется между социологией и историей. Он открывает новые горизонты

исследования со многообещающими эвристическими возможностями. Бесспорно, за каждой из этих двух дисциплин признается наличие сформировавшихся эпистемологических оснований, а следовательно, четко очерченного своего собственного предметного поля исследования. Тем не менее, их интеграция на уровне гносеологии и методологии может служить, так сказать, делу создания "прибавочной стоимости", способствуя лучшему пониманию одного и того же предмета исследования. Действительно, с того момента, как между настоящим и прошлым выявлена неразрывная связь, с точки зрения социологического исследования очень трудно, не зная прошлого, понять настоящее и предсказать будущее» [2].

Осмысление образов прошлого имеет продолжительную историю, однако по-прежнему оставляет открытым ряд вопросов. Некоторые из них мы попытались рассмотреть в настоящей статье, эмпирической основой которой послужили материалы социологического опроса, проведенного в 2014/2015 году в Гродненской области (Республика Беларусь) в рамках выполнения НИР № А33-14 «Особенности формирования исторического сознания учащихся старших классов и студентов младших курсов высших учебных заведений (на примере г. Гродно и Гродненской области)». Выборочная совокупность составила 563 респондента. Анкета содержала 24 вопроса. В исследовании была использована квотная выборка.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что историческое прошлое Беларуси вызывает значительный интерес у молодого поколения граждан: 76% респондентов при ответе на вопрос «*Интересует ли Вас история нашей страны?*» ответили «да, интересуется», а 23,5% выбрали вариант ответа «не вызывает значительного интереса». Лишь 0,5% опрошенных указали, что не интересуются историей вообще.

У 63,9% опрошенных интерес к истории обусловлен желанием знать прошлое своей страны и народа. 53,9% респондентов объясняют интерес к истории стремлением расширить собственный кругозор. 36,1% указывают на стремление найти в прошлом ответы на важные вопросы современности. 33,1% выбрали вариант ответа «Знание истории необходимо для приобщения к культуре своего народа».

«Хорошие отметки по изучаемым предметам» нужны 21,1% респондентов. 7,5% интересуются историей лишь потому, что не доверяют информации, которая содержится в публикациях и телевизионных передачах на исторические темы.

Наибольший интерес у респондентов вызывают три исторических периода: история Великого княжества Литовского (30,8% всего массива опрошенных); история БССР (23,8%); новейшая история Беларуси (23,1%).

Интерес к истории Великого княжества Литовского объясняется, прежде всего, характером самой эпохи средневековья: эпохи рыцарей и рыцарских турниров, эпохи, когда возводились и укреплялись замки, проходили многочисленные войны и сражения. Дух романтизма, наряду с другими мотивами, вызывает вполне оправданное стремление узнать данную эпоху. Интерес же к современной истории нашей страны продиктован стремлением разобраться и понять, куда мы идем, говоря словами классика, от какого наследства мы отказываемся.

Среди наиболее интересных тем прошлого 47,6% респондентов назвали историю повседневности, а также быт, обычаи и традиции белорусов. 45,2% опрошенных интересуется историей родного края, города, села. У 33,9% опрошенных наибольший интерес вызывает жизнь выдающихся людей, деятелей культуры, полководцев, учёных. История революционного и освободительного движения представляют интерес для 17,4% от общего числа респондентов.

В ходе исследования мы предложили респондентам ответить на открытый вопрос: *«Назовите наиболее известного исторического деятеля в истории нашей страны»*. Анализ ответов на данный вопрос и суждения респондентов относительно исторической роли тех или иных деятелей прошлого позволяют не только оценить их личность, но и дать оценку результатам их деятельности, их влиянию на ход истории и на развитие общества в тот или иной исторический период.

Необходимо отметить, что респонденты в своих ответах чаще всего указывали достаточно традиционный перечень наиболее известных исторических персонажей. Так, период Полоцкого княжества однозначно и достаточно традиционно ассоциируется

у молодого поколения жизнью и деятельностью Ефросиньи Полоцкой (75,2%). Период Великого княжества Литовского в представлениях респондентов связан с личностью Франциска Скорины (70,2%) и князя Витовта (52,1%). Период конца XVIII – XIX вв. – это время Тадеуша Костюшко (26,8%) и Кастуся Калиновского (36,4%). Наиболее значимыми личностями XX в. и современного периода, по мнению опрошенных, выступают первый Президент Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко (50,9%) и Пётр Миронович Машеров (12,1%).

С одной стороны, определение в качестве наиболее значимых фигур исторического прошлого белорусского народа Ефросиньи Полоцкой и Франциска Скорины свидетельствует о сплоченности общества: чем древнее его история, тем прочнее его внутренние связи и степень единения его граждан. С другой стороны, и Ефросинья Полоцкая, и Франциск Скорина, и другие названные участниками опроса фигуры прошлого сегодня выступают носителями референтных качеств для «мы-группы» и преподносятся как основополагающие образы национальной идентичности белорусов.

Особая роль среди образов исторического прошлого принадлежит образу (образам) Великой Отечественной войны. Это обусловлено в первую очередь тем фактом, что если некоторые образы прошлого и связанные с ними топосы и фигуры исторической памяти зачастую разъединяют, раскалывают общество, вызывают полярные ассоциации, то образ Великой Отечественной войны, напротив, является одним из важнейших факторов консолидации общества.

Говоря об особенностях формирования исторической памяти россиян о Великой Отечественной войне, российские ученые Л.И. Афанасьева и В.И. Меркушин выделяют две ее стороны: это «живая», непосредственная память народа и универсальная обобщенная реконструированная память (историческая литература, учебники по истории, телевидение, художественные произведения, кинофильмы и т.д.) [3]. Данные характеристики в полной мере отражают и состояние исторической памяти белорусов.

Живая, событийная память народа представлена индивидуальными и семейными историями, повествующими не

только о фактах и событиях прошлого, но и о том, как это было. Такие воспоминания в ряде случаев могут противоречить тому, что хранит обобщенный опыт, так называемая реконструированная память, что обнаруживается в столкновении событийной, правдивой памяти и памяти сознательно и целенаправленно конструируемой.

Современная молодежь фактически утратила возможность непосредственного общения с участниками Великой Отечественной. Данный факт наряду со многими другими оказывает значительное влияние на формирование не только ее исторической памяти, но и духовно-нравственных ориентиров и приоритетов, личностных представлений о прошлом и настоящем.

Подавляющее большинство респондентов (88%) назвали ключевым событием отечественной истории Великую Отечественную войну и одержанную в ней Победу. Вторым по значимости событием большинство опрошенных (81,9%) назвали распад Советского Союза. 75,9% указали на избрание первым Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Также весьма значительное влияние на развитие страны оказали принятие Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь (74,5%) и Чернобыльская катастрофа (70,1%).

Тема Великой Отечественной войны, где героическое и трагическое тесным образом связано и взаимообусловлено, является одним из ключевых маркеров исторической памяти белорусского народа, обеспечивающих его целостность и преемственность. По мнению доктора исторических наук Л.Д. Гудкова, Победа, одержанная советским народом в Великой Отечественной войне, является символом, который выступает для общества важнейшим элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилем, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти – понимания настоящего и будущего. Российский исследователь определяет Победу 1945 года как фактически единственную позитивную опорную точку национального самосознания постсоветского общества [4].

В ходе исследования мы предложили респондентам оценить советский период в истории Беларуси. 26,6% опрошенных

считают, что в эти годы Беларусь стала экономически мощной и развитой страной. 20,4% респондентов связывают данный период с утратой государственного суверенитета. 15,8% отметили, что в это время белорусы обладали всеми социальными правами и гарантиями. 16% рассматривают советский период как шаг назад в историческом развитии Беларуси. В то же время 16,5% опрошенных указали, что мало что знают об этом периоде и затрудняются дать ему оценку.

Результаты проведенного опроса убедительно подтверждают тезис о том, что одним из определяющих источников формирования исторической памяти современной белорусской молодежи является отечественная система образования. Так, при ответе на вопрос *«Какие факторы оказывают наибольшее влияние на формирование Ваших знаний об историческом прошлом белорусского народа?»* 76,5% опрошенных назвали учебные занятия. Второе место занимают кинофильмы – 61,8%. Третье место – художественная литература, книги о войне – 33,3%. Четвертое место – семья (29,7%). Личность педагога отметили 22,9% от всех опрошенных. 19% всего массива опрошенных назвали внеучебные мероприятия.

Анализ ответов респондентов свидетельствует о значительном уменьшении влияния социального опыта родителей, семьи как одного из важнейших источников знания о прошлом для подрастающих поколений. Так, 80,1% всех опрошенных знакомы только с отдельными фактами из жизни старших поколений (родители, бабушки и дедушки) своей семьи.

На вопрос *«В какой мере на формирование ваших знаний о прошлом нашей страны повлияло преподавание истории в школе/социально-гуманитарных дисциплин в вузе?»* 53,3% респондентов отмечают, что *«да, оказывает значительное влияние»*, 32,5% – *«скорее да, чем нет»*, и лишь 9 % указали, что *«нет, не влияет»*.

История белорусского народа тесно вплетена в сложный водоворот событий, на фоне которых разворачивался сложный процесс формирования белорусской нации, происходило становление и укрепление белорусской государственности. Сохраняющиеся в памяти людей представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и

ярких достижениях страны выступают в качестве ценностных ориентиров, которые способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Вместе с тем, память хранит и картины бесславных войн, жестоких репрессий, социальных невзгод, повлекших значительные материальные, нравственные и человеческие утраты. Эти феномены, напротив, рождают у людей отрицательные эмоции, вызывают отчужденное отношение к стране и государству.

При ответе на вопрос *«Какие чувства вызывает историческое прошлое Беларуси?»* почти половина всех респондентов (49,6%) ответила, что это чувство гордости за свершения белорусского народа. 17,2% испытывают чувство национальной ущемленности, горечи за постоянные бедствия народа. 15,5% – моральное удовлетворение за приобщенность к всемирной истории человечества. Вместе с тем, 16% респондентов не испытывают никаких особых чувств к историческому прошлому своей страны.

Среди событий, которые произошли в современной истории Беларуси за годы суверенитета, наибольшую гордость за страну у 68,5% опрошенных вызывают успехи белорусских спортсменов на международной арене, у 68,0% – отсутствие в стране конфликтов на религиозной почве, у 31,7% – провозглашение государственного суверенитета Республики Беларусь. 27,4% гордятся достижениями белорусской культуры, а 26,4% – достижениями белорусской науки и техники.

Интегрирующий и мобилизующий потенциал образного восприятия прошлого издавна отчетливо осознавался и активно использовался всеми идеологами. Феномен «социального заказа» на художественную трактовку событий прошлого в «нужном» ключе существовал еще со времен древнейших цивилизаций. В настоящее время процесс сознательного управления образами прошлого, преследующий определенные цели и предполагающий определенные результаты, находит свое отражение в деятельности, которую принято называть политикой памяти и в рамках которой со всей очевидностью проявляются и активнее всего эксплуатируются социальное значение и социальная природа образов прошлого [5]. Именно здесь, в информационно-символической сфере, взаимодействуют конкретные интересы

различных социальных сил, реализуется их культурное и политическое соперничество, властные отношения. Тем самым прошлое превращается в символический ресурс, за обладание и управление которым борются элиты, интерес к которому и его значимость в настоящее время сложно переоценить.

Любой образ прошлого предполагает существование особых стоящих за ним интересов. Такие интересы всегда имеют значительное эмоциональное выражение. Наиболее влиятельным субъектом, под воздействием деятельности которого происходит конструирование картины прошлого, является государство. Для этого оно активно использует самые различные механизмы и институты: систему образования, архивы, музеи, библиотеки, государственные праздники и многое другое. Именно государству принадлежит определяющая роль в отборе и конституировании ключевых событий и персонажей прошлого, которым затем придается особый, сакральный смысл. Такие события и практики закрепляются в исторической памяти, отражаясь в содержании школьных и вузовских учебников, становясь предметом внимания и популяризации со стороны средств массовой информации, находя свое выражение в произведениях культуры и искусства. Они внедряются в массовые представления с помощью кинопродукции, а также закрепляются в сознании современников путем организации ежегодных массовых мероприятий, празднеств и т.п.

Отдельные события и персонажи прошлого сакрализируются и память о них подлежит увековечиванию. Другие же признаются «антигероями» и память о них либо сохраняется в назидание потомкам в качестве негативного примера, либо же подлежит забвению. Иногда некоторые из бывших «героев» приобретают статус «антигероев» и наоборот. Все это свидетельствует о существовании и продолжении собственной национальной памяти с ее особыми ритуалами и местами поминовений. Одним из важнейших средств диагностики ее содержания и особенностей формирования и эволюции является социологический мониторинг.

Историческая память современной белорусской молодежи о прошлом смещена от живой, событийной, семейной памяти к обобщенной реконструированной памяти. Ее содержание тесно

вплетаются в официальный исторический дискурс, исторические знания переводятся на язык социальных эмоций, не предполагающий глубокого проникновения в сущность исторических событий, но содержащих возможность пластичности исторических оценок.

Историческая память молодежи характеризуется наличием консолидированной позиции в отношении оценок наиболее значимых событий прошлого. Она формируется в первую очередь под воздействием официального дискурса, а основным средством получения объективной и полной информации о прошлом для детей и молодежи является отечественная система образования.

Средством диагностики содержания и особенностей формирования и эволюции исторической памяти молодежи является социологический мониторинг.

Примечания

1. *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 251.

2. *Джилардони Г.* Размышления о пользе интеграции социологии и истории // Социологические исследования. – 2012. – № 11. – С.117.

3. *Афанасьева Л.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 11–22.

4. *Гудков Л.* Память о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. – 2005. – 2–3. – С.40.

5. *Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. Журнал политической философии и социологии политики. – 2016. – № 1. – С.111–121.

А.В. Гайворонская (г. Краснодар, Российская Федерация)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ
СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ
(по материалам Усть-Лабинского района
Краснодарского края)**

Сегодня, учитывая последствия процессов трансформации, переживаемых традиционной культурой восточнославянского населения Кубани на протяжении всего XX столетия, опрометчиво было бы ожидать сколько-нибудь высокой степени сохранности ее соционормативного регулирования, что подтверждается, в том числе, и данными проведенных интервью с жителями станиц и хуторов Усть-Лабинского района в 1987, 2008, 2016 гг. Тем не менее, анализ собранных устных свидетельств делает возможным реконструкцию отдельных компонентов соционормативной культуры этого района, в том числе традиционной культуры поведения и этикетных отношений, а в ряде случаев и сопоставление поведенческих моделей прошлого и настоящего.

Беспрекословное подчинение старшему являлось основой взаимоотношений в казачьей семье (старший - младший, родители – дети). Традиционно главная роль в ней была отведена старшему мужчине в семье – отцу или деду: *«Если есть дедушка, старший он, если нет деда, отец старший»* [1]. Старшинство в семье также передавалось по мужской линии. В случаях, когда по каким-то причинам, например, овдовев, старшей в семье оставалась женщина, главенство признавалась за ней: *«У кого отец – отец главный был. А у кого отца нет – мать главная»* [2], до того времени пока она не вступала в новый брак.

Высокий статус главы семейства давал его обладателю право единовластно принимать решения по любым вопросам организации хозяйственно-бытовой деятельности семьи и регулировать по своему усмотрению внутрисемейные отношения: *«Если вон сказал, значит делай. Хочешь не хочешь – делай. А так на коленки поставит»* [3]. Полновластно распоряжаясь жизнью семьи, глава семейства практически не

касался женской сферы хозяйства, находившейся в ведении его жены.

В тоже время, несмотря на традиционное соблюдение строгой дифференциации мужских и женских занятий, в случае неумелого распределения хозяйкой обязанностей, хозяин все же вмешивался в подвластную ей женскую сферу: *«Рассказывала мама, когда вышла ото замуж в 14 лет на хутор, шесть ребят было, и свекр и свекруха. И вот постирали, а сзади огорода была речка, вот постирали и свекруха говорит: «Ну иди, Катя, полоскай». А зимой было, мороз. Она навешала на коромысло и пошла. Пришла – прорубь свекр пробил, и она одну, две сполоснула, руки зашпоры зашли. Стоит, реветь. Уже, говорит, я и полоскать не могу. Свекр ждал-ждал – нету. Идётся. А я, говорит, стою плачу, одежда вся замерзла. Он взял меня на руки: «Пойдем, дочь». Приходит: «Что ж ты, старая шкарготья! Дитю 14 лет, и ты, дура старая, послала на такой мороз полоскать. Почему сама не пошла!» «Та мене и надо кушать готовить» «Вот пускай бы она кушать готовила, а ты, стерва старая, пошла и полоскала» [4].*

Точно также жизненная потребность во взаимной поддержке при необходимости нивелировала и закрепленное традицией четкое разделение труда на мужскую и женскую работу. Так, хотя приготовление пищи или дойка коров, традиционно признавались чисто женским делом, мужчина мог заниматься и тем, и другим, например, в случае болезни жены: *«Если больна, то можить. Дитям то картошку сварыть, это может. Толька лехкае... Супчика дитям сварыть. А так, штоб жинка была здаровая и мущина, – такова не было» [5].*

В руках главы семьи было сосредоточено не только решение всех повседневно-хозяйственных задач, но и находилось неоспоримое право принятия таких судьбоносных для семьи решений, как, например, определение будущего детей, в частности их семейного устройства, вне зависимости от желаний или предпочтений последних: *«Бабушка не хотела заего идти. Но сказал отец – закон. Так вот не любя и вышла» [6].*

Во взаимоотношениях мужа и жены главенствующая роль, определявшая модель повседневного общения супругов как дома в кругу семьи, так и на людях принадлежала мужчине. В

поведении жены необходимой и обязательной была демонстрация подчеркнута уважительно отношения к мужу: *«Если он приезжает, казак, она должна быстренько скарэй падайти к нему, каня напоить, ссадить ево с коня, сапоги снять, и ноги помыть, разуть, раздеть, покушать дать»* [7].

В выстроенной семейной иерархии взрослых домочадцев нижняя ступень предназначалась невесткам, и их положение в семье считалось самым тяжелым. Из общего перечня женских домашних работ именно им часто определялись самые тяжелые и неприятные обязанности: *«Дочек не заставляли готовить, а невесток»* [8]; *«Невестки всегда подавали. Пока все не покушают, а потом они уже последние садились»* [9].

Незамужние дочери по сравнению с невестками обладали большей свободой. Участвуя, как и остальные члены семьи, в общей трудовой деятельности, значительную часть времени они посвящали рукоделию и приготовлению себе приданного: *«Они ж девки, им же хотелось что-то купить: кофточку или юбку. И ходили по работниках нанимались. Заработают девочки – это уже ее, отец же не возьмет. Эти уже деньги он не забирал. Они пойдут сами себе купють, что им хочется»* [10].

В семьях, где было несколько незамужних сестер, старались придерживаться правила соблюдения очередности по старшинству в выдавании замуж, так как нарушение последовательности неизбежно приводило к возникновению напряженности в отношениях между родственницами.

Важнейшей формой выражения почтительного отношения к отцу и матери, подчеркивающее их статус, вне зависимости от возраста детей, было повсеместное обращение к родителям на «вы»: *«А мы к родителям на «вы»... Мы до конца жизни на «вы»»* [11]. Сегодня практически полное исчезновение этого правила из норм коммуникативного поведения воспринимается старшим поколением с сожалением и расценивается им как показатель снижения собственного авторитета у молодежи: *«Щас на «ты». У меня унук и то: «Дедушка, ты». Не то шо грубый он. Щас обычай можно сказать такой»* [12].

Основы возрастной этики закладывались внутри семьи, тем более что в больших многочисленных и многодетных раньше семьях, объединяющих несколько малых, одновременно

проживали вместе несколько поколений и за соблюдением должного отношения младших к старшим и, тем более, к старикам следили все взрослые члены семьи: *«Дитишек, ганяли детей: «Глядите, дедушку, бабушку не обижайте, а то мы вам дадим! Накажем!»... И баялися»* [13].

Традиция ухода детей за престарелыми родителями, досматривание, до сих пор сохраняется в большинстве семей станичников: *«Она у меня доживала... Мама 1900, а папа 1899 года. Уже они тут жили, потом нигодные стал(и), я забрала маму до себе, а брат взял отца до себе»* [14]. Примеры равнодушного отношения к своим старикам, случающиеся в современных семьях, не остаются незамеченными и осуждаются окружающими: *«А щас хочет – матерю кормит. Не хочет – не кормит»* [15].

Воспитание детей было направлено на передачу накопленного семьей социокультурного опыта. Основой традиционного воспитания являлось трудовое воспитание, включавшее в себя не только обучение необходимым практическим трудовым навыкам и умениям, но и воспитание у нового поколения уважения к труду, трудолюбия.

Раннее приучение детей к труду сначала в виде разовых случаев помощи взрослым, – *«то сделай, то принеси»*, – а затем и в определении им постоянных обязанностей по хозяйству являлось нормой и различалось в разных семьях лишь степенью нагрузки, возраставшей по мере взросления: *«У школу первый класс пошли, и отец отмеряет сотку... Вот это вот прополите, тада пойдёте в школу... Да, встаёшь утром, штоб до школы выпололи сотку и ушли у школу. А со школы придёшь, там и свиням надо, и курям, и корова придёт со стада. Покормить её надо. И с речки на гору носили воду. И птица была»* [16]. За добросовестно выполненную работу следовала похвала – *«конфет каких-нибудь купят»* [17], за не сделанную или сделанную плохо – наказание и требование переделать – *«мама моя заставляла земь по десять раз перемазывать... Тада земля. Земляной пол был»* [18].

Общая атмосфера повседневной трудовой жизни отдельной семьи, тяжелый труд взрослых, их отношение к работе, значимость самого труда становились ежедневным примером для

подрастающего поколения: *«А мы смотрим на маму, што маме тяжело... С работы придёт, мы ей водички нагреем. Скупаются. И удобу управим. Придёт – только отдыхает вечером»* [19].

Основное внимание родителей было сосредоточено на предотвращении возможного отклонения от нормы, или исполнении наказания за уже допущенное нарушение, тогда как нормальное правильное поведение детей принималось как должное. Неудивительно, что редко когда совершенные провинности оставались без последствий. Наказание следовало и за маленькие *шкоды*, и за серьезные провинности, причем в целом были характерны достаточно жесткие способы воспитания. Как исключения, подчеркиваемые респондентами, выглядят примеры воспитательных стратегий родителей обходящиеся без применения физического воздействия: *«Нас, например, не били... А отец был такой, он не скажет, ни крикнет... А он тока глянет, и бегом побежишь! По одному взгляду, понимаешь! Не бил, мы понимали с одного слова»* [20].

Высокий авторитет родителей сохранялся вне зависимости от приобретения детьми новых статусов. Так, родительское вмешательство в разрешение затянувшейся супружеской ссоры в семьях уже взрослых детей зачастую оказывалось весьма действенным и результативным: *«Еще и скажет: «Ах ты, стервец, еси ты тока жить не будешь, умине тада сына не будет! Ты знал женица на ком? Вот взял и живи пока намрешь!»». И паругают, паругают, глядишь – уже жить. Было такое, было»* [21].

Неизбежно возникавшие внутрисемейные конфликтные ситуации, несмотря на нанесенные обиды, по мере возможности не предавали огласке, скрывая от родственников и посторонних: *«Ну, если у семье скандал, да чтоб все знали – это запрещалось»* [22].

Случаи жестокого обращения мужей с жёнами, бывшие не редкостью во многих семьях, по обыкновению замалчивались женщинами: *«Нихто не жалился! Нихто! Если муж побил жену, она, Боже спаси, кому сказала»* [23]. Тем более, что и родственники со стороны жены, не желая еще большего развития

семейного конфликта, предпочитали оставаться в стороне: *«Раньше так говорили: «Вышла – живи»»* [24].

Непростые условия каждодневной жизни линейных станиц, изначально военизированный быт, масштаб трудностей, с которыми приходилось сталкиваться их жителям в разные периоды истории, требовали выстраивания особой модели взаимоотношений, в основу которой легли принципы особой сплоченности и взаимной поддержки станичниками друг друга. На бытовом уровне станичники обращались друг к другу за помощью по самым разным поводам, сообщая разрешая непосильную для отдельной семьи задачу, будь то подготовка к свадьбе или осуществление какой-либо сложной хозяйственной задачи. Правило взаимопомощи с наибольшей очевидностью проявлялось при проведении наиболее трудоемких работ, требующих привлечения как можно большего количества рабочих рук, таких как, например, строительство дома кем-нибудь из станичников. Известие о времени начала стройки само по себе означало для остальных приглашение помочь: *«Сами приходили. Одному скажешь, а восемьдесят душ было»* [25]. Участие желающих в подобных работах никак не оплачивалось хозяевами, от которых ожидалась лишь организация угощения: *«Надо ж людей кормить. Отблагодари за то, шо помогал. Так тада строилися. Наварыли борща. Мяса не было. Што было – на стол. Самагонка с бурака. Поели, попили – спасибо, Ольга Сергеевна. И пошли»* [26]. Общий труд не был в тягость, а совместное застолье, устраиваемое хозяевами в качестве благодарности по окончании работы, приносило радость: *«Даже некоторые рассчитуют, што мало придут, а после этого гуляночка»*[27].

Жители станиц разного пола и возраста, попадавшие в тяжелые жизненные обстоятельства – вдовство, сиротство, немощь одиноких стариков, – по мере возможности всегда поддерживались станичным сообществом. В большинстве же случаев сирот забирали к себе близкие или дальние родственники, воспитывавшие их вместе со своими детьми: *«Я стала сиротой, мне было восемь лет, брату – двенадцать лет. Сестре – пять лет. Мама умерла в тридцать два года. Отца в тридцать седьмом ещё забрали. А мы остались с бабушкой... И*

стали мы с тётёй жить. Я её мамой называла! Не тётя, не дядя, папаня, мать!» [28].

В предвоенные годы, когда при живых родителях сиротами оказались многие дети разного возраста, близкие разрушенных семей любой ценой старались не допустить определения детей в детские дома: *«Когда отца нашего забрали, куда детей – в детдом! Нас трое было, бабушку сын забрал. Ни в какую! Сёстры отцовы: «Чтоб мы детей отдали! Мишка придёт, что он нам скажет! Куда детей дели!».* Так они по очереди, по неделе, по две жили у нас, нас досматривали. Уходит одна, приходит другая... Приехали в нашу хату, и жили с нами, покамест отец прошёл» [29].

В иерархии ценностных установок, регламентирующих практически все ситуации социального взаимодействия внутри станичной общины, уважительное отношение к старшим занимало совершенно особое место. Внешнее проявление почтительного отношения к старшим по возрасту и к старикам считалось нормой. При встрече с ними младшие здоровались первыми, кланялись, снимали головной убор, уступали дорогу, просили разрешения обогнать. Случайное или умышленное несоблюдение этого правила незамедлительно наказывалось: *«И деды были тада раньше. Попробуй ты ему не поздаровкайся и не покланяйся... Поймает: «Иди сюда». Попробуй не подойди. Взял за ухо вот так и ухо чуть не оторвёт» [30].*

За любые проявления недозволенного по возрасту поведения в присутствии старших, к примеру, за запрещенное подросткам курение, посторонний взрослый был вправе наказать нарушителя и обязать его рассказать о случившемся дома.

Еще в середине прошлого века родителями или близкими родственниками замеченного в неподобающем поведении подростка такие замечания воспринимались с пониманием и расценивались как помощь в воспитании детей, в отличие от категорического неприятия современной семьей постороннего вмешательства в дело воспитания: *«А щас попробуй вот такому сопляку попробуй только по заднице зацапать, ударить. Так она и в милицию побегит заявлять, шо я ево по заднице вдарил» [31].*

Сдерживающими факторами проявления девиаций в станичной повседневности – грубого отношения к старикам, сквернословия, воровства, пьянства, прелюбодеяния, половой распущенности – выступали как перспектива общественного осуждения, так и неотвратимость наказания, акцент в котором делался на публичность разоблачения совершенного через выражение осуждения, посрамления, осмеяния, оканчивающихся часто побоями, изгнанием, а иногда и лишением жизни.

Таким образом, соционормативная составляющая традиционной культуры восточнославянского населения Кубани являлась важнейшим регулятором внутриобщинных социальных связей. С учетом ценностных ориентиров в ее рамках были выработаны необходимые нормы, регламентирующие поведение человека в самых разнообразных ситуациях. Усвоение с детства основ поведенческих норм и правил обеспечивало осуществление их преемственности последующими поколениями.

Несмотря на то, что современная нормативная культура населенных пунктов Усть-Лабинского района демонстрирует определенную схожесть со своим историческим прошлым, сопоставление поведенческих моделей прошлого и настоящего, проводимое зачастую респондентами самостоятельно, говорит если не о принципиальной их разнице, то о значительных и очевидных отличиях. Правила, координировавшие общение станичников, с утратой ценностных установок, передаваемых из поколения в поколение, оказались по большей части недейственными в современных реалиях.

Примечания

1. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2008 года (ПМ КФЭЭ-2008).. Станица (Ст.) Новолабинская Усть-Лабинского района (р-на) Краснодарского края (кр.) Аудиокассета (А/к) № 4054. Информатор (Инф.) Гойколова М.С., 1927 года рождения (г.р.).

2. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4027. Инф. Беднов В.А., 1936 г.р., Руденко А.Т., 1924 г.р.

3. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4011. Инф. Заседко И.Н., Жадобина А.Ф., Оробей Ф.Т., Попков, Г.Е., 1926 г.р., Мирошниченко Н.И, 1923 г.р., Ярыгин В.Г., 1927 г.р., Танцора Л.Ф., 1942 г.р.

4. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4002. Инф. Горб А.И., Позднякова Д.М., 1931 г.р., Андриянова О.М., 1942 г.р.
5. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4004. Инф. Трухачева К.Н., 1926 г.р., Яковлева З.И., 1924 г.р.
6. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4030. Инф. Латынина Р.Т., 1929 г.р., Фетисов В.Д., 1935 г.р.
7. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4039. Инф. Пашкова П.В., 1937 г.р., Кузовлева М.К., 1929 г. р., Кузовлева А.И., 1926 г.р., Горелкина А.В., 1916 г.р., Хамчева А.И., 1917 г.р., Ходкевич, 1940 г.р.
8. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4046. Инф. Щурова А.А., 1920 г. р.
9. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4023. Инф. Пенчук А.П., 1931 г.р., Воткулова А.М., 1915 г.р.
10. ПМКФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4046. Инф. Щурова А.А., 1920 г. р.
11. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4004. Инф. Трухачева К.Н., 1926 г.р., Яковлева З.И., 1924 г.р.
12. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4045. Инф. Саюстов Н.И., 1937 г. р.
13. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4065. Инф. Протасова Е.Н., 1914 г.р.
14. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4061. Инф. Мухин А.А., Агеева М.Ф., 1926 г.р., Мокшин В.А., Мокшина Н.А., 1927 г.р.
15. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4030. Инф. Латынина Р.Т., 1929 г.р., Фетисов В.Д., 1935 г.р.
16. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4015. Инф. Топычанова П.И., 1922 г.р., Позднякова Д.М., 1931 г.р.
17. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4091. Инф. Бондарев Н.П., 1924 г.р., Бондарева Д.А., 1929 г.р.
18. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4016. Инф. Позднякова Д.М., 1931 г.р., Жакова А.Т., 1923 г.р., Бондарчук Л.В., 1941 г.р., Поминова Л.В., 1939 г.р.

19. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4015. Инф. Топычканова П.И., 1922 г.р., Позднякова Д.М., 1931 г.р.
20. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4057. Инф. Сопелкина М.П., 1920 г. р.
21. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4004. Инф. Трухачева К.Н., 1926 г.р., Яковлева З.И., 1924 г.р.
22. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4024. Инф. Воткулова А.М., 1915 г.р.
23. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4004. Инф. Трухачева К.Н., 1926 г.р., Яковлева З.И., 1924 г.р.
24. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4048. Инф. Щурова А.А., 1920 г. р.
25. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4011. Инф. Заседко И.Н., Жадобина А.Ф., Оробей Ф.Т., Попков, Г.Е., 1926 г.р., Мирошниченко Н.И, 1923 г.р., Ярыгин В.Г., 1927 г.р., Танцора Л.Ф., 1942 г.р.
26. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4016. Инф. Позднякова Д.М., 1931 г.р., Жакова А.Т., 1923 г.р., Бондарчук Л.В., 1941 г.р., Поминова Л.В., 1939 г.р.
27. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4045. Инф. Саюстов Н.И., 1937 г. р.
28. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4054. Инф. Гойколова М.С., 1927 г. р.
29. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4058. Инф. Сопелкина М.П., 1924 г.р.
30. ПМ КФЭЭ-2016. Ст. Воронежская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/т Вор-15. Инф. Хализев В.Ф., 1925 г.р.
31. ПМ КФЭЭ-2008. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к № 4012. Инф. Коробов А.Т., 1950 г.р., Ярыгин В.Г., 1927 г.р., Дорошенко А.М., 1930 г.р.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Андрей Владимирович – профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, доктор политических наук, доктор исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация).

Бурыкина Людмила Васильевна – доцент Адыгейского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Майкоп, Российская Федерация).

Важник Ольга Николаевна – заведующая кафедрой иноязычной коммуникации Академия управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Российская Федерация).

Васильев Игорь Юрьевич – старший научный сотрудник Научно-исследовательского Центра традиционной культуры (НИЦ ТК) Бюджетного государственного научно-творческого учреждения (БГНТУ) «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация).

Воробьёв Александр Александрович – начальник центра дополнительного образования и профессиональной ориентации учащейся и студенческой молодежи Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова, кандидат исторических наук, доцент (г. Могилёв, Республика Беларусь).

Гайворонская Александра Владимировна – научный сотрудник НИЦ ТК БГНТУ «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация).

Гребцова Ирэна Светозаровна – профессор кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, доктор исторических наук, профессор (г. Одесса, Украина).

Гронский Александр Дмитриевич – ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего Центром евразийских исследований

филиала Российского государственного социального университета в Минске (г. Москва, Российская Федерация).

Житко Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»(г.Минск, Республика Беларусь).

Зинеева Заида Залимхановна – заведующая отделом этнографии народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» Института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, кандидат исторических наук, доцент (Черкесск, Российская Федерация).

Иващенко Наталья Альбертовна– доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь).

Козляков Владимир Егорович – профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (БГТУ), доктор исторических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

Колосовская Татьяна Александровна – доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Ставрополь, Российская Федерация).

Косач Надежда Николаевна – учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 2 (г. Темрюк, Российская Федерация).

Крючек Пётр Степанович – доцент кафедры истории Беларуси и политологии БГТУ, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Литвинко Михаил Васильевич – аспирант кафедры истории России Кубанского государственного университета, кандидат богословия, священник Русской Православной Церкви (г. Краснодар, Российская Федерация).

Луговцова Светлана Леонидовна – доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Матвеев Олег Владимирович – профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ ТК БГНТУ «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар, Российская Федерация).

Мельников Адам Петрович – доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат философских наук (г. Минск, Республика Беларусь).

Мосейчук Людмила Ивановна – научный сотрудник Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Мысливец Николай Леонтьевич – доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, заместитель декана факультета довузовской подготовки, кандидат социологических наук, доцент (г. Гродно, Республика Беларусь).

Опиок Тамара Владимировна – доцент кафедры истории Беларуси и восточных славян Могилевского государственного университета имени А.А.Кулешова, кандидат исторических наук, доцент (г. Могилёв, Республика Беларусь).

Островская Инна Валериевна – научный сотрудник ФГБУК «Музей Героической обороны и освобождения Севастополя», соискатель (г. Севастополь, Российская Федерация).

Побережная Ольга Евгеньевна – заведующая учебной лабораторией политических технологий кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, доцент кандидат политических наук (г. Минск, Республика Беларусь)

Пурышева Наталья Михайловна – доцент кафедры истории Беларуси и восточных славян Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, кандидат исторических наук (г. Могилёв, Республика Беларусь).

Ракачёв Вадим Николаевич – доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар, Российская Федерация).

Ракачёва Ярослава Владимировна – доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар, Российская Федерация).

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права БГТУ (г. Минск, Республика Беларусь).

Скорик Александр Павлович – заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории, директор Научно-исследовательского Института истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного технического университета (НПИ) имени М.И. Платова, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Новочеркасск, Российская Федерация).

Старовойтов Михаил Иванович – доцент кафедры истории Беларуси Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИС (г. Гомель, Республика Беларусь).

Супранкова Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры культурологии Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Телень Сергей Валерьевич – доцент кафедры истории и методики преподавания истории Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина, кандидат исторических наук, доцент (г. Мозырь, Республика Беларусь).

Ткачева Татьяна Олеговна – доцент кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация).

Толмачева Светлана Александровна – доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов Белорусского государственного педагогического университета (БГПУ) имени Максима Танка, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Трестьян Ирина Николаевна – аспирант кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ им. Максима Танка (г. Минск, Республика Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев</i>).....	3
РАЗДЕЛ 1. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ	6
<i>Козляков В.Е.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Созидательный труд народа – важнейший компонент социокультурного феномена «Русская цивилизация» (историософский аспект)	6
<i>Крючек П.С., Сергеева Е.М.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Проблема крестьянских переселений из Беларуси в Россию в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.	16
<i>Баранов А.В.</i> (г. Краснодар, Российская Федерация). Конструирование белорусской идентичности в современной учебной и историко-публицистической литературе: актуальные вопросы.....	26
<i>Луговцова С.Л.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Уездные списки дворянства белорусских губерний Российской империи как источник демографических исследований.....	35
<i>А.П. Житко</i> (г. Минск, Республика Беларусь) К вопросу о национальном составе дворянства Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.	44
<i>Мельников А.П.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Национальная идея, национальная идентичность белорусов.....	55
<i>Матвеев О.В.</i> (г. Краснодар, Российская Федерация). Белорусы и русские в глазах друг друга: из истории взаимных представлений.....	65
<i>Пурышева Н.М.</i> (г. Могилев, Республика Беларусь). Белорусы и поляки: стереотипы взаимного восприятия и культурный диалог в первой трети XX века.....	75
<i>Ракачев В.Н.</i> (Краснодар, Российская Федерация) Образ Беларуси в представлениях россиян и белорусов: опыт этносоциологического исследования.....	84

<i>Ракачева Я. В.</i> (Краснодар, Российская Федерация). Стереотипный образ России и россиян в представлениях белорусов.....	90
<i>Косач Н.Н.</i> (г. Темрюк, Российская Федерация). Особенности идеологии белорусской государственности.....	96
<i>О.Е. Побережная</i> (г. Минск, Республика Беларусь) Основные направления социального развития современной модели белорусской государственности.....	103
РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	113
<i>Трестьян И.Н.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Особенности функционирования канцелярий гражданских губернаторов на территории Беларуси в первой половине XIX в.....	113
<i>Толмачева С.А.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Состав чиновников местных органов по крестьянским делам на территории Беларуси (1861–1914 гг.).....	119
<i>Зинеева З.З.</i> (г. Черкесск, Российская Федерация), <i>Телепень С.В.</i> (г. Мозырь, Республика Беларусь). Кавказское казачество в истории Белоруссии.....	129
<i>Бурыкина Л.В.</i> (г. Майкоп, Российская Федерация). Белорусские мигранты как стабильный компонент восточнославянской колонизации Северо-Западного Кавказа в конце XVIII–XIX вв.....	141
<i>Скорик А.П.</i> (г. Новочеркасск, Российская Федерация). Белорусы на Дону	150
<i>Васильев И.Ю.</i> (г. Краснодар, Российская Федерация). Белорусы Кубани в контексте взаимодействия социального и этнического.....	160
<i>Воробьев А.А.</i> (г. Могилев, Республика Беларусь). Белорусско-польские отношения в период советско-польской войны 1919–1920 гг.....	165
<i>Опиок Т.В.</i> (г. Могилев, Республика Беларусь). О повседневной жизни в освобожденных районах Могилевской области осенью 1943–1945 гг.....	175

<i>Литвинко М.В.</i> (г. Краснодар, Российская Федерация). Религиозная жизнь в Белоруссии в 1959–1960 гг. через призму персональной истории митрополита Гурия.....	185
<i>Островская И.В.</i> (г. Севастополь, Российская Федерация) «Славянское сообщество» Крыма начала XXI в. в исследованиях украинских экспертов.....	194
<i>Гронский А.Д.</i> (г. Москва, Российская Федерация). Влияние украинского кризиса на белорусские реалии.....	201
<i>Ткачева Т.О.</i> (г. Краснодар, Российская Федерация) Турецкий фактор в политической жизни Болгарии (1989–2017 гг.).....	211
РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ И КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СЛАВЯНСКИХ СТРАН.....	216
<i>Вартаньян Э.Г.</i> (г. Краснодар, Российская Федерация). Основные тенденции развития культуры белорусского народа первой половины XIX в. (на примере фольклора и живописи).....	216
<i>Колосовская Т.А.</i> (г. Ставрополь, Российская Федерация). И.И. Ходзько и его роль в географическом изучении Кавказа.....	226
<i>Мосейчук Л.И.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Преподавание богословских и светских дисциплин в главной Виленской семинарии.....	234
<i>Гребцова И.С.</i> (г. Одесса, Украина). Уроженцы белорусских губерний в преподавательском корпусе Новороссийского (Одесского) университета (вторая половина XIX – начало XX столетия).....	243
<i>Старовойтов М.И.</i> (г. Гомель, Республика Беларусь). Белорусы российско-украинско-белорусского пограничья в 1920–1930-е гг.: социокультурный аспект.....	253
<i>Важник О.Н.</i> (г. Минск, Республика Беларусь). Белорусско-польское культурное сотрудничество после Второй мировой войны: литературные взаимосвязи.....	258
<i>Иващенко Н.А.</i> (г. Гродно, Республика Беларусь). Мифология в обрядовой культуре белорусов.....	273

<i>Супранкова Т.С.</i> (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь). Фаўсціяна ў п'есах С. Кавалёва.....	283
<i>Мысливец Н.Л.</i> (г. Гродно, Республика Беларусь). Образы прошлого в исторической памяти белорусской молодежи.....	293
<i>Гайворонская А.В.</i> (г. Краснодар, Российская Федерация). Некоторые аспекты традиционной соционормативной культуры восточнославянского населения Кубани(по материалам Усть- Лабинского районаКраснодарского края).....	303
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	313

Научное издание

**БЕЛОРУСЫ И БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ
РОССИЯ, ЗАПАД, СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Материалы Международной научно-практической
конференции

Подписано в печать 2.09.2017 Формат 60×84/16.

Печать цифровая. Усл. печ. ед. 10,4

Тираж 100 экз. Заказ № 3092.

Кубанский государственный университет
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149